

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(ДО 1917 г.)

Сборник статей

Москва 1998

042(02)1

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**Р.В.Овчинников (отв. редактор),
А.Н.Медушевский, А.С.Покровский**

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Н.М.Рогожин, Л.В.Разумов

ISBN 5-8055-0010-8

**© Институт российской
истории РАН, 1998 г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В статьях сборника излагаются результаты изучения различных по происхождению, назначению и содержанию источников, отображающих историческое прошлое России с XV в. и до начала XX столетия. Представленные в сборнике работы разнообразны по их жанрам: от обзоров видовых и тематических групп источников и до аналитических исследований. Следует указать и на то, что большинство статей построено на привлечении впервые выявленных авторами в архивах и в рукописных собраниях библиотек и музеев документальных и эпистолярных источниках.

Сборник открывается статьей Г. А. Елисеева. Автор рассматривает влияние средневековых апокрифов на взгляды и творчество известного книжника Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (жившего в XV в.). Вопреки распространенному в литературе мнению, автор статьи приходит к выводу, что труды Ефросина не имели гуманистической направленности, а отображали мирские и притом консервативные идеи, оснащенные религиозной риторикой.

Интересна по замыслу и исполнению работа С. Ю. Шокарева, реконструирующая некрополь московского Симонова монастыря с древнейших времен до начала XX в. Сам этот монастырь с его кладбищем был, как известно, ликвидирован в 1930-х гг. Исследование С. Ю. Шокарева, построенное на мобилизации многих печатных и архивных источников, позволяет, хотя и не в полном объеме, представить состав захоронений в древнейшем московском монастыре.

М. Б. Булгаков вводит в научный оборот архивные документы XVII в., освещающие питейное предпринимательство в городах и селах европейской части России. Винокурение и продажа вина в «государевых» кабаках являлись

наиболее прибыльной отраслью отечественной экономики того времени, слабо изученной в историографии. Рассматривая сохранившиеся в архивных фондах московских приказов и уездных воеводских изб кабацкие долговые «напойные» росписи, М. Б. Булгаков устанавливает значение этих источников для изучения хозяйственного и финансового функционирования питейных заведений, пагубного воздействия кабаков на повседневную жизнь, быт и нравы горожан и сельского населения. Автор указывает на содержащиеся в росписях сведения о торговых связях городов с уездами, о социальном составе «питухов» — завсегдатаев кабаков, а также и о других сюжетах.

В работе С. Е. Яковлева, основанной на выявленных им в РГАДА следственных материалах, по-новому рассматривается деятельность одного из командующих российской армией в Семилетней войне — генерал-аншефа графа В. В. Фермора, который необоснованно, как полагает автор, был обвинен императрицей Елизаветой Петровной и ближайшим ее окружением в неумелом руководстве войсками и в других служебных упущениях, за что он и был понижен в должности. В тексте статьи автор воспроизвел важнейшие документы следствия по делу Фермора.

В обзорной статье А. С. Майоровой рассматриваются хранящиеся в Саратовском областном государственном архиве документы, освещающие события Пугачевского восстания на территории Нижнего Поволжья. Автор справедливо указывает на значение этих источников (обойденных вниманием исследователей) для изучения последнего этапа Крестьянской войны 1773–1775 гг. — периода высшего подъема повстанческого движения и — одновременно — скорого его разгрома.

И. М. Гвоздиков исследует происхождение исторического очерка «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачева», анонимно (без указания имени автора) опубли-

кованного в 1784 г. в Галле известным немецким ученым А. Ф. Бюшингом в издаваемом им журнале «Сборник новой истории и географии». Источник этот, как известно, был использован А. С. Пушкиным в «Истории Пугачевского бунта» (СПб., 1834). Поэт полагал, что анонимная публикация, напечатанная в журнале Бюшинга, по содержанию ее «замечательна» и высказал предположение, что она, «вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге». Иную версию высказали более века спустя отечественные литературоведы Г. П. Блок и Л. П. Белковец, предположив, что автором анонимной публикации мог быть известный русский историк академик Г. Ф. Миллер, многие годы поддерживавший научные связи с Бюшингом и неоднократно печатавшийся в его журнале. Предположение о принадлежности анонимной публикации перу Миллера И. М. Гвоздиков подкрепляет рядом новых аргументов. Исследовав содержание источника, она пришла к выводу, что Миллер при создании очерка опирался как на собственные наблюдения современника Пугачевского восстания, так и на документы походной канцелярии полковника И. И. Михельсона, неутомимые действия которого в преследовании войска Е. И. Пугачева сыграли во многом решающую роль в подавлении восстания.

Своеобразна по содержанию статья Н. Б. Воскобойниковой, построенная на документах архивной коллекции об истории московского водопровода за время с 1779 по 1814 г. Помимо этого, основного сюжета автор касается хранящихся в той же коллекции документов, освещающих историю других крупных ремонтно-строительных работ в Москве в те годы (ремонт и реконструкция Пушечного двора и Кремлевского Арсенала, сооружение каменных мостов и плотин, облицовка набережных вдоль Москвы-реки камнем и др.).

Недавно открытые О. И. Елисейевой в архивах неизвестные ранее письма Екатерины II и ее фаворита и ближайшего сотрудника Г. А. Потемкина периода Второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. дали возможность автору полнее и во многом по-новому осветить деятельность Потемкина и как командующего действующей армией, и как крупного государственного деятеля, активно участвовавшего в выработке внешнеполитического курса и в решении проблем внутренней политики. В первый период войны внимание командования было сосредоточено на овладении Очаковым (он был взят штурмом 6 декабря 1788 г.). Опираясь на вновь выявленные эпистолярные источники, О. И. Елисейева приходит к выводу, что промедление Потемкина со взятием Очакова было продиктовано вескими соображениями, в том числе и стремлением избежать крупных людских потерь.

Статья А. А. Александрова знакомит читателя с выявленными автором в архивах и библиотеках Финляндии документами видного государственного деятеля М. М. Сперанского, статс-секретаря в первые годы правления Александра I. Автор указывает на значение этих источников для исследования проводившихся в Великом княжестве Финляндском в 1808–1811 гг. реформ государственного устройства и правовой системы.

Полемика, развернувшаяся в 1840-х гг. между западниками и славянофилами, — тема статьи Е. Ю. Тихоновой, обстоятельно исследовавшей петербургские и московские журналы того времени, а также мемуарные и эпистолярные свидетельства виднейших участников полемики.

Проблеме установления численности и состава чиновников местных государственных учреждений России накануне реформ 1860-х гг. посветил свою статью В. А. Иванов. Автор изучил этот сюжет применительно к Калужской губернии. Сопоставив официальные правительственные и ведомственные справочные издания, содержащие списки чи-

новников (Адрес-календари Российской империи, ежегодно публикуемые губернские памятные книжки и др.), с документами Калужского архива, автор пришел к выводу, что печатные справочники неадекватно отображают состав чиновников губернских и уездных учреждений и что проблема эта более полно и объективно может быть решена при использовании архивных документальных источников.

В двух близких по тематике статьях рассматриваются архивные документы и опубликованные источники, освещающие охрану памятников истории и культуры в России в XIX — начале XX в. Обзор документов по данной теме, хранящихся в РГИА в фондах центральных учреждений России за 1802–1916 гг., дан в статье А. В. Работкевича. Автор другой обзорной статьи — Д. М. Абрамов характеризует документы 1850–1930 гг., созданные в государственных учреждениях и в научных обществах в процессе их деятельности по охране и реставрации средневековых памятников русского оборонного зодчества.

Р. В. Овчинников

О ВЛИЯНИИ АПОКРИФОВ НА ВЗГЛЯДЫ И ТВОРЧЕСТВО КНИЖНИКА КИРИЛЛО- БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ЕФРОСИНА (XV в.)

Творчество книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина давно привлекает внимание исследователей русского средневековья¹. Это объясняется прежде всего спецификой воззрений этого книжника. Я. С. Лурье назвал взгляды Ефросина светско-гуманистическими² и подчеркнул, что они четко отразились в четырех сборниках, составленных этим книгописцем. Подобная мировоззренческая позиция не могла не проявиться и в отношении автора сборников к апокрифам, поэтому необходимо проследить, какие именно неканонические сочинения он выбирал, а заодно и попытаться выяснить почему выбирались эти конкретные тексты. (При анализе использовалось подробное описание всех сборников Ефросина, составленное М. Д. Каган, Н. В. Поньрко и М. В. Рождественской)³.

Самым насыщенным неканоническими сочинениями оказывается самый ранний сборник (ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 22/1099). В его составе можно выделить: отдельные апокрифы и псевдоэпиграфы; отрывки из Палеи Хронографической; отрывки из Палеи Исторической; проложные сказания, восходящие, в основном, к «Стишному Прологу» и содержащие апокрифические сведения; краткие замечания на апокрифические темы, принадлежащие самому Ефросину.

А. Отдельные апокрифы:

1) апокрифы «Об иерействе Иисуса Христа» (начало апокрифа отсутствует, а сам отрывок сильно сокращен). Нач. со слов: «...имя его и родители его... являют его на священство...» (Л. 1-1 об.);

2) апокриф «Мучение святого Фомы». («Октября 16, святого апостола Фомы»). Нач.: «Сеи парфаном и миде-ном, персином и индианом Слово Божие проповедава...» (Л. 116). (У Ефросина приведен сокращенный, по сравнению с обычным сказанием, вариант);

3) апокриф о перстне, потерянном римским императором и найденном апостолами. Нач.: «Царь римский купался, да сронил перстен и рыба взяла...» (Л. 342–342 об.);

4) апокриф «Пророчество царя Соломона о Христе». Нач.: «Толк о потири Соломони. Есть в Царьграде, во святеи Софии потирь Соломоня дела...» (Л. 508–508 об.).

Б. Отрывки из апокрифов и псевдоэпиграфов:

1) фрагмент «Вопросов Иоанна Богослова Аврааму на горе Елеонской». Нач.: «О 10 девах. Царство Небесное пошто 10-ти девам уподобися...» (Л. 1 об.);

2) отрывок с родословием Мельхиседека из «Слова Афанасия Александрийского о Мельхиседеке». Нач.: «Мелхил царь имеа два сына...» (Л. 32);

3) обработанные отрывки из «Сказания Епифания Кипрского о Богородице». Нач.: «О родословии отца Богородица...» (Л. 45–45 об.); «Како бе Богородица по плоти сродница Иелисавет...» (Л. 45 об.–46); «Како же Предтеча сродник бысть первей жене Иосифа...» (Л. 46–46 об.);

4) отрывок из «Слова о поклонении волхвов» («В той же день поклонение вълхвом»). Нач.: «Въ дни оны бысть некоторы вълхв...» (Л. 125–126);

5) отрывок из «Хождения Иоанна Богослова» («Слово о некоем отроце Гусари именем, како и великыи Иоань Богослов изъучи писати иконем»). Нач.: «Есть градец маль...» (Л. 192–194 об.);

6) обработанный отрывок, восходящий, вероятно, к «Хождению Богородицы по мукам». Нач.: «Богородица рече: «Приим молитвы матере своая щедре...» (Л. 222 об.);

7) фрагмент апокрифа «Деяния святого Андрея» («От деяния апостола Андрея, хождения его»). Нач.: «Наутрие же рано събрашеса вси людие...» (Л. 307–309);

8) отрывок из «Вопросов от скольких частей создан был Адам». Нач.: «Сетвори Бог человека от 8 части...» (Л. 512 об.).

В. Отрывки из Палеи Хронографической:

1) «От Палеи». Нач.: «Рече Господь Бог: «Не добро есть человеку единому быти...» (Л. 15 об.);

2) «Того же». Нач.: «Но яко же рече писание...» (Л. 15 об.–16 об.);

3) «Того же». Нач.: «Яко же бо первоначални есть день...» (Л. 16);

4) «О потопе». Нач.: «Яко же вран забы пропитания Ноева...» (Л. 16);

5) «О столпотворении». Нач.: «Во дни же сиа обретоша поле...» (Л. 16–16 об.);

6) Нач.: «Суть же в части Афетови реки...» (Л. 16 об.–17);

7) «От песни». Нач.: «Посла гнев свои...» (Л. 17);

8) «О Давиде». Нач.: «Сеи же убо Давид блаженни...» (Л. 17–17 об.). (Текст сильно сокращен по сравнению с палейным рассказом);

9) «Соломоново. О Богородици». Нач.: «И се паки восприимь притчю о Богородици...» (Л. 17 об.–18);

10) «О апостолах». Нач.: «Яко правии наследят землю...» (Л. 18);

11) Нач.: «Створи же Соломон храм чуден...» (Л. 18–18 об.);

12) «О 3-х братех». Нач.: «Во дни Соломона бысть муж...» (Л. 18 об.);

13) «О цари Дарии». Нач.: «Бысть Дареи царь перски...» (Л. 19–20);

- 14) «О жидех, роптавших на Моисеа в пустыни». Нач.: «Считают же ся лета Авраамля...» (Л. 20–21);
- 15) Нач.: «По сем же прииде Амалик...» (Л. 21 об.);
- 16) Нач.: «По сем же рече Господь...» (Л. 21 об.–22 об.). (Текст об откровении, данном Богом Моисею на Синае, чильно сокращен);
- 17) Нач.: «Рече же Господь к Моисеови...» (Л. 22 об.–23);
- 18) Нач.: «Рече Господь к Моисеови: «Истеши себе две досце камене...» (Л. 23–24);
- 19) «От Палеи Епифаниево Кипрѣс». Нач.: «Камени нарицаемы...» (Л. 24–25);
- 20) «О Финеесе». Нач.: «По сем осквернишася людие...» (Л. 25 об.);
- 21) «О Мариам». Нач.: «И сем рече писание...» (Л. 26);
- 22) Нач.: «По сем же утри возропташа сынове Израилеви на Моисеа...» (Л. 26–26 об.);
- 23) «О жезле». Нач.: «По сем убо рече Господь к Моимею...» (Л. 26 об.);
- 24) Нач.: «По сем пребываху в Калдисе и не бе бо им воды, ропташа на Моисеа...» (Л. 26об–27);
- 25) «О Троице». Нач.: «Бысть же убо Авраам лет 90 и 9...» (Л. 27–27 об.);
- 26) Нач.: «И уклонишася мужии к Содоме...» (Л 29–30);
- 27) Нач.: «Заченши же убо Сарра...» (Л. 30–30 об.);
- 28) «О Измаиле». Нач.: «Въстав же заутра Аврамь...» (Л. 30 об.–31);
- 29) краткие выписки, без заголовков, о чудесных животных (Л. 31 об.–32);
- 30) «О церкви Соломонове, Святая Святых, колико бе величество еа». Нач.: «В долготу биаше...» (Л. 35);

31) «От Палеи». Нач.: «Вижь убо, яко все сдетельствовашу Богу...» (Л. 36);

32) «О временах и о солнце, и о человеце, и о луне, и звездах». Нач.: «Солнечнаго луны круг оставляет...» (Л. 38–39 об.);

33) Нач.: «В пяток вечер 1 недели поста. Нарече Адам имена всем скотом...» (Л. 195–196 об.);

34) Нач.: «О величестве солнца и луны, и земли...» (Л. 508 об.).

Г. Отрывки из Палеи Исторической:

1) Нач.: «Моисии на Индею ходил...» (Л. 113 об.–114);

2) Нач.: «Роди же Адам, яко же пишет Иосип, чада 60...» (Л. 114);

3) Нач.: «Роди же ся Ламех слепы сы...» (Л. 114–114 об.);

4) «Загадка Самсона, Маноева сына». Нач.: «Рече иноплеменником...» (Л. 114 об.);

5) «О острономии». Нач.: «От Мунда, внука Ноева...». (Текст в значительной степени обработан).

Д. Проложные сказания, содержащие апокрифические сведения. (При цитировании опущены начальные стихи, приводящиеся Ефросином, но не имеющие значения для определения апокрифического сюжета проложной памяти):

1) «О успенье Моисеа Боговидца». Нач.: «Сии родися в Египте...» (Л. 44 об.–45);

2) «Декабрь 17. Святых 3-х отрок и Даниил пророка». Нач.: «Съи блажены Данил пророк...» (Л. 94 об.–96);

3) «Слово о Аврааме. Сие слово июня 28». Нач.: «В земле Халдеистей бысть муж Фара...» (Л. 98–99);

4) «Октября 11. Память святого апостола Филиппа, единого от 7 диакон». Нач.: «Сеи нарицашеся от Кесариа Палесътинскыа...» (Л. 115 об.);

5) «30. Святого Андреа Первозванного». Нач.: «Сеи бяше от града Вивсаиды...» (Л. 119);

6) «Декабря 26. Събор Пресвятыя владычица нашеа Богородица порожение». Нач.: «В Египет же бегаеть Богородица...» (Л. 126–126 об.);

7) «Месяца того же 29. Память святых и верховных апостол Петра и Павла». (Л. 142 об.–143);

8) «Месяца того же, в 8. Рожество Пресвятыя владычица нашеа Богородица и Приснодевы Мария». Нач.: «Ея же отецъ Иакимъ от царьского племени беша...» (Л. 147 об.–148);

9) «Месяца октября 18, святого апостола Луки евангелиста». Нач.: «Лука евангелист бысть от Антиохиа...» (Л. 396 об.–397 об.);

10) «Месяца того же, в 23. Память святого священномученика и апостола Иакова, брата Господня». Нач.: «Святыи Иаков первыи епископ в Иерусалиме быв...» (Л. 397 об.–398);

11) Нач.: «Един же некто от воин, Логин зовом...» (отрывок из проложного сказания о Лонгине-сотнике).

Е. Отрывки из других сочинений, содержащие апокрифические сведения:

1) фрагменты «Беседы трех святителей». (Л. 15, 288–289, 289–289 об.);

2) отрывок из «Триоди постной». Нач.: «Глаголет бо ся о Адамове главе, тамо лежаша быти...» (Л. 216 об.).

Ж. Заметки на библейские темы, происхождение которых не ясно, и которые, скорее всего, составлены самим Ефросином:

- 1) «Слово от Исхода, августа 5». Нач.: «Егда ведяше Моисии жида из Египта...» (Л. 100 об.–102);
- 2) нач.: «Каин. 1. Бога прогневи...» (Л. 114 об.);
- 3) нач.: «На успение Богородицы от мертвых были апостоли...» (Л. 222 об.);
- 4) нач.: «В лето 2242 бысть потоп на земли...» (Л. 228–228 об.);
- 5) нач.: «Боже Моисеева знамениа...» (Л. 507);
- 6) нач.: «Часы на седьм дни добры...» (Л. 511 об.–512 об.).

Анализируя этот список текстов, содержащих апокрифические сведения, из сборника 22/1099, нельзя не отметить, что светский характер творчества Ефросина был несколько преувеличен исследователями. Как и других книжников того времени, его очень интересуют сказания о жизни Богородицы и об апостольской проповеди (22.А.2; 22.Б.3; 22.Б.4; 22.Б.5; 22.Б.6; 22.Б.7; 22.Д. 4; 22.Д. 5; 22.Д. 6; 22.Д. 7; 22.Д. 8; 22.Д. 9; 22.Д. 10). Одно из замечаний самого Ефросина касается успения Богородицы (22.Ж.3). Не были чужды ему и эсхатологические настроения, распространившиеся на Руси во второй половине XV в. — помимо отрывков из «Хождения Богородицы по мукам» (22.Б.6), «Вопросов Иоанна Богослова к Аврааму на горе Елеонской» (22.Б.1), проложного сказания о пророке Данииле (22.Д.1), в сборник было включено и «Ипполита блаженнишаго и мученика, папы римскаго о скончании мира и о антихристе, и о втором пришествии Господа нашего Исуса Христа»⁴.

Не обошел своим вниманием Ефросин и антиеретическую полемику своего времени, которая пока еще велась в форме полемики антииудаистской. Из Палеи Хронографической им выписывались не только «апокрифы-сказки, апокрифы-легенды», как это отмечал Я. С. Лурье⁵, но и вычленялись отдельные антииудаистские комментарии, час-

то отрывавшиеся от основного палеинного рассказа, который они сопровождают (22.В.2; 22.В.3; 22.В.7). Антииудаистские полемические выпады сочетаются у Ефросина с упоминанием неиудейского дохристианского предания в православной традиции (см. «Слово о Мельхиседеке» (22.Б.2). (Хотя эта богословская проблема занимала его меньше, так как из всего текста сказания, приписанного св. Афанасию Александрийскому, выписано только родословие Мельхиседека.) Характерно, что в большинстве отрывков о Моисее, переписанных Ефросином из Палеи, речь идет о том, как евреи «роптали» на своего вождя и отступали от веры в Иегову (22.В.14; 22.В.18; 22.В.20; 22.В.21; 22.В.22; 22.В.24). (Об этом же рассказывает и «Слово от Исхода», составленное, видимо, самим Ефросином (22.Ж.1).

Занимали книжника и доказательства идеи троичности божества, и здесь он придерживался самых консервативных православных традиций, переписывая из Палеи Хронографической отрывок о явлении ангелов Аврааму у дуба Мамерийского, однозначно озаглавив его «О Троице» (22.В.25). Заметно, что Ефросину были близки и некоторые идеи богословской концепции единой Священной истории, согласно которой все события, описанные в Ветхом Завете, связаны с событиями, описанными в Новом. Это видно по выделению в апокрифических пророчествах ветхозаветных библейских персонажей упоминаний о пришествии Христа, об апостолах и Богородице (22.В.9; 22.В.10; 22.Д.1). Специально Ефросин отметил и историю о главе Адама, омытой кровью Христа на Голгофе (22.Е.2), и отрывки из сказания св. Епифания, в которых не только Богородица признавалась родственницей самых известных героев Ветхого Завета, но и другие персонажи евангелий

Можно подчеркнуть, что круг богословских вопросов, занимавших Ефросина в момент составления сборника 12/1099, был близок к кругу проблем, интересовавших и

других православных богословов второй половины XV в. (архиепископа Геннадия, Иосифа Волоцкого, митрополита Зосиму). Но нельзя целиком и полностью отрицать и те своеобразные черты Ефросиновских сборников, что позволили Я. С. Лурье выдвинуть тезис, в котором утверждался их «светский» характер. Но речь должна идти здесь не только о существовании в сборниках естественнонаучных или астрономических выписок из Палеи, отмеченных этим исследователем⁶. Ефросина интересовали еще и сказания о приметах, относящиеся к разновидности «ложных» и «суетверных» книг, из которых он переписал так называемое «Пророка Ездры творение», не имеющее ничего общего с сочинениями этого библейского пророка и начинающееся со слов: «Аще будет рожество Христово в неделю, зима добра...»⁷. Ефросин не мог удержаться от того, чтобы не включить в сборник столь любопытное сочинение, несмотря на существовавший запрет на копирование подобной литературы. Кстати, о запрете Ефросину было хорошо известно, так как он переписал один из вариантов «индекса отреченных книг» («От правил святых апостол...») в том же сборнике. При этом им самим было особо выделено запрещение гадательной литературы: «Иныя злыя книги: волховник, зеленник, громник, колядник, птичии чаров, астролог и родопочитание, мартолои, и всякое метание, и прочая книги отреченыя 5000 дел сотонины, рекше кумирслуженье, и прочее все злое»⁸.

Но своеобразие взглядов Ефросина проявилось не только в интересе к запретной и гонимой гадательной литературе, но и в более завуалированной форме предпочтения одних библейских героев другим. Из ветхозаветных персонажей Ефросина больше всего интересуют Моисей и Соломон. Первый упомянут в сборнике 11 раз (22.В.14; 22.В.15; 22.В.16; 22.В.17; 22.В.18; 22.В.22; 22.В.23; 22.В.24; 22.Г.1; 22.Д. 1; 22.Ж.1), а второй — 7 раз (22.А.4; 22.В.9

22.В.10; 22.В.11; 22.В.12; 22.В.13; 22.В.30), тогда как библейские герои, житие которых, с религиозной точки зрения, было куда более безупречно, чем у Соломона — например, Давид и Даниил упомянуты всего по одному разу (22 В.8 и 22.Д. 2).

Отвечая на вопрос: «Что же привлекло Ефросина в образе именно этих ветхозаветных персонажей?», необходимо указать и на то, что он выписал из Палеи Исторической сказание о походе Моисея в Индию (22.Г.1), ничего не добавляющее к образу Моисея-пророка, но рисующее его талантливым полководцем. Одновременно составитель сборника, переписывая, сильно сократил очень важную с богословской точки зрения беседу Бога с Моисеем на горе Синай (22.В.16). Соломон же в тех частях сказаний о нем, что вошли в сборник, представлен мудрым судьей (22.В.12) и государем-«строителем» (22.В.11; 22.В.30).

Исходя из этих наблюдений, можно отметить, что Ефросина интересовали эти библейские персонажи как герои, которые не будучи священниками, а оставаясь светскими людьми и даже в чем-то грешниками (как Соломон, который был обвинен в канонической «III-ей книге Царств» в вероотступничестве), тем не менее получили благословение от Бога, при помощи которого они не только достигли собственного спасения, но и возвеличили свой народ и государство. (Ефросин дополнительно подчеркивает пророческий дар Соломона, которого обычно и в Палее, и в отдельных апокрифах затмевает его отец Давид (22 В 9; 22.В.10). Заметно любование автора-составителя сборника именно светскими (полководческими и правительственными) талантами библейских героев. Ясно, что, с точки зрения практической политики, Ефросина должен был бы привлекать сильный светский государь, стремившийся объединить русские земли и возвеличить их перед соседними государствами. (Об интересе к светским героям говорит и

упоминание Самсона, который даже не был пророком, как, например, Геден, а только «судьей над Израилем» (22.Г.4), и проложный рассказ о Лонгине-сотнике, римском легионере, который уверовал во Христа)⁹.

Чтобы уяснить, не было ли случайностью включение в сборник произведений, допускающих именно такую (светскую) трактовку образов, и действительно ли придерживался Ефросин подобных воззрений, проанализируем состав других сборников, переписанных им в 70–90-е гг. XV в. (Условные обозначения отдельных подразделов и классификация такая же, как и в сборнике 22/1099).

Сборник ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 9/1086. (70-е гг. XV в.).

Б. Отрывки из апокрифов и псевдоэпиграфов:

1) фрагмент псевдоэпиграфа св. Епифания о «сошествии» Христа в ад. Нач.: «Адам глаголи Господу в ад...» (Л. 224 об.).

В. Отрывки из Палеи Хронографической:

1) «От Палеи, от суда Соломоня». Нач.: «1. Бысть царица иноплеменица именем Моалкотошка...» (Л. 195–196);

2) «От Палеи же». Нач.: «Се же бысть загадка...» (Л. 196–196 об.);

3) Нач.: «4. Се же третьяя ее загадка...» (Л. 197);

4) Нач.: «5. Во дни же Соломоня царя...» (Л. 197–198 об.);

5) Нач.: «6. Соломонь царь поял дщерь...» (Л. 198 об.–199);

6) Нач.: «7. В дни Соломоня царя...» (Л. 199–201);

7) «Завет Заулонь, сына Иаковля». Нач.: «В писание словес Заулон...» (Л. 270 об.–272). (Отрывки из «Завета Заулона» («Заветы 12 патриархов», пространная редакция из Палеи Хронографической);

8) «О Иосифе прекраснем». Нач.: «Иосиф прекрасный продан бысть...» (Л. 472–473);

9) «Творение храма». Нач.: «Соломонова Святая Святых...» (Л. 520–521).

Е. Отрывки из других сочинений, содержащие апокрифические сведения:

1) отрывки из «Беседы трех святителей» (Л. 193–194 об., 263 об.);

2) отрывки из эсхатологического слова псевдо-Ипполита об антихристе. Нач.: «Родится убо антихрист...» (Л. 224).

Ж. Заметки на библейские темы, происхождение которых неясно, и которые, вероятно, составлены самим Ефросином:

1) Нач.: «Соломон написа 3000 приточь...» (Л. 224);

2) Нач.: «Умре же Аврам в старости добрей...» (Л. 514).

Сборник ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 6/1083. (80-е гг. XV в.).

А. Отдельные апокрифы и псевдоэпиграфы:

1) апокриф о перстне римского императора, найденном апостолами. Нач.: «Что есть еже повеле Христос...» (Л. 234–234 об.).

Б. Отрывки из апокрифов и псевдоэпиграфов:

1) «Епифаниево». Нач.: «Посреди двою животу...» (Л. 193). (Отрывки из псевдоэпиграфа св. Епифания Кипрского).

Е. Отрывки из других сочинений, содержащие апокрифические сведения:

1) отрывки из жития Моисея, приписанные св. Евсевию Памфилю. Нач.: «Яко же Евсевии Памфилова списа о потопе и о Моисии...» (Л. 179);

2) отрывок из Толковой Палеи. Нач.: «Неврот нача здати столп...» (Л. 187).

(В этом же сборнике переписан, но не самим Ефросином, а писцом, чей почерк составитель описания Н. В. Поньрко обозначил: 8, обработанный перевод молитвенника «Махазор», сделанный Федором-жидовиным (Л. 249 об.-276 об.)

Сборник ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 11/1086. (90-е гг. XV в.).

А. Отдельные апокрифы и псевдоэпиграфы:

1) «Посланец Господа нашего Иисус Христа с небес». Нач.: «Спадше камень студен...» (Л. 254–261). (Апокрифический текст, называемый «Иерусалимским свитком»).

Б. Отрывки из апокрифов и псевдоэпиграфов.

1) «О древе райском и лбе Адамле». Нач.: «И царь Соломон вопросил...» (Л. 196–197). (Обработанные отрывки из второй части псевдоэпиграфа «Слово Севериана Гевальского о древе крестном»);

2) отрывки из «Евангелия от Никодима» пространной редакции («От деяния святыя Троица»). Нач.: «Глаголют Карин и Лицеош...» (Л. 224 об.). Нач.: «Тии глаголють, несть рожен...» (Л. 226 об.). (Последний отрывок целиком перечеркнут переписчиком);

3) «Здеяния святыя Троицы и о Адаме». Нач.: «И бысть Адам в немощи...» (Л. 280–281 об.). (Отрывок об Адаме из «Евангелия от Никодима»).

В. Отрывки из Палеи Хронографической:

(Принято считать, что в этом сборнике с л. 267 начинается палейная компиляция (так называемая «Ефросиновская Палея»), потому что именно здесь стоит заголовок «Сиа книга нарицаемая Палея», но, на самом деле, существует еще один комплекс отрывков из Палеи Хронографической, начиная с л. 227 об. Видимо, Ефросин не пытался со-

ставить новый последовательный русский вариант Палеи, а только группировал, без особой системы, наиболее интересные для него выдержки из этого памятника в одном месте, как он делал и раньше, в других сборниках (22/1099, 9/1086). Заголовок же «Сиа книга, нарицаемая Палея» был перенесен в текст для указания на источник заимствования одного конкретного отрывка — Ефросин и раньше отмечал это: «От Палеи»; «От Палеи же»; «От суда Соломона»):

1) «От Палеи о величестве солнца и луны, и земле» (Л. 227 об.-228);

2) «От Палеи толк о потири Соломона, царя мудраго...». Нач.: «Был в Цариграде, во святеи Софии...» (Л. 228 об.-230). (Апокриф о чаше Соломона, иногда помещавшийся в добавочных статьях к Палее Хронографической);

3) «От Палеи о трех друзех». Нач.: «Во дни Соломона царя...» (Л. 230-230 об.);

4) «О Давиде царе и о Соломоне, сыне его». Нач.: «Сеи убо Давид царь...» (Л. 230 об.-231);

5) «О церкви Соломонове, Святая Святых и величестви». Нач.: «Церковь во Иерусалиме...» (Л. 231-232);

6) «Сиа книга, нарицаемая Палея...» (Л. 267-268 об.);

7) «Се от Соломона суда мало вкратце». Нач.: «Якоже рече писание...» (Л. 268 об.-271);

8) Нач.: «Соломон хотя премудрыи испытати...» (Л. 271);

9) «О Китоврасе». Нач.: «Китоврас поиде в люди...» (Л. 271-272);

10) «Сазание о том, како ять бысть Китоврас Соломоном». Нач.: «Егда же здаше Соломон...» (Л. 272 об.-276);

11) Нач.: «Сътвори же Соломон слонов...» (Л. 276-277);

12) «О скотьи души» (Л. 277 об.-278);

- 13) Нач.: «Създа Бог человека...» (Л. 278–279 об.);
- 14) «О теле». Нач.: «Тело же убо человеце...» (Л. 279 об.–280 об.);
- 15) «Зри о Сифе». Нач.: «Сиф же бысть муж праведен...» (Л. 281);
- 16) Нач.: «Жит же Сиф лет 270...» (Л. 281 об.–282);
- 17) «О ковчезе». Нач.: «После Господь архангела Михаила...» (Л. 282–287 об.);
- 18) Нач.: «Мунт же у Ноя родися...» (Л. 287–287 об.);
- 19) палейный рассказ о столпотворении (Л. 287 об.–289 об.);
- 20) Нач.: «Фара же роди Авраама...» (Л. 289 об.–290 об.);
- 21) отрывки из Палеи об Исааке, Исаве и Иакове (Л. 290 об.–295 об.);
- 22) выдержки из Палеи Хронографической о животных («О птици о харидаре», «О орле», «О лве») (Л. 295 об.–297);
- 23) рассказы об Иосифе (Л. 297 об.–299) и его братьях-патриархах, о которых практически ничего не сказано и лишь перечислены годы их жизни (Л. 299–299 об.);
- 24) «О Моисии». Нач.: «В тыя же дни родися Моисии...» (Л. 299 об.–314);
- 25) палейное сказание об Иисусе Навине (Л. 314–318);
- 26) перечисление «судей Израилевых», после которого приведен рассказ о Самсоне (Л. 319–321 об.);
- 27) перечисление иудейских царей (Л. 326–326 об.);
- 28) «Сказание о трех крузех: солнечном, лунном и о земном» (Л. 492 об.–494).

Е. Отрывки из других сочинений, содержащие апокрифические сведения:

- 1) отрывки из Еллинского летописца. «Слово о Адаме» (Л. 195). Нач.: «Бысть у Соломона царя...» (Л. 266);

«Бысть Адам мера» (Л. 266); «О Адаме». Нач.: «Еллинский же гранограф пишет...» (Л. 277 об.);

2) отрывки из «Беседы трех святителей» (Л. 235–235 об., 236 об.);

3) отрывки из «Видения пророка Даниила» (Л. 297).

Ж. Заметки на библейские темы, происхождение которых неясно, и которые, скорее всего, составлены самим Ефросином:

1) Нач.: «Соломон церковь ставил 20 лет...» (Л. 232 об.);

2) «О Китоврасе от Палеи». Нач.: «Китоврас есть зверь борз...» (Л. 262–262 об.). (Приведенный в сборнике текст сильно отличается от палейного сказания)¹⁰;

3) Нач.: «Соломон Вирсавии сын...» (Л. 277);

4) «О Адаме, колико бе в раи». Нач.: «Адам в 3 час дни заповедь приат...» (Л. 499 об.).

Сборник ОР РНБ. Кир.-белоз. собр. 53/1130. (1492 г.).

Несмотря на то, что сборник и не переписан самим Ефросином, исследователи относят его к сборникам этого книгописца, так как определено, что процесс составления и написания сборника им контролировался. Кроме того, анализ этого сборника позволяет выявить апокрифические произведения, чья истинность не вызывала сомнений не только у Ефросина, но и у других монастырских книжников. (В настоящее время неизвестны имена переписчиков, поэтому указываем только номер почерка, согласно тому, как они определены в описании М. Д. Каган, Н. В. Понырко и М. В. Рождественской).

А. Отдельные апокрифы и псевдоэпиграфы:

1) «Деяние и конец святого апостола Андрея Первозванного». Нач.: «Святому Епифанию, архиепископу Жипру...» (Л. 10–33 об.) (почерк 1);

2) «Месяца того же во 11 день, память святого и всехвалнаго апостола Филиппа, благослови Отче». Нач.: «Тои бяше от Вифсаиды града...» (Л. 33 об.–40 об.) (почерк 1);

3) «Месяца того же 16, память святого евангелиста Матфея, Отче благослови». Нач.: «Сии на мытници сядя...» (Л. 40 об.–44 об.) (почерк 1);

4) «Месяца октября 6, святого и всехвалнаго апостола Фомы». Нач.: «Сеи парфеном и миденном...» (Л. 44 об.–49) (почерк 1).

Е. Отрывки из других книг, содержащие апокрифические подробности:

1) отдельно выписанные и обработанные в виде особых «слов» апокалиптические видения из «Книги пророка Даниила»: «Святого пророка Даниила о видении четвертом» (Л. 180–185 об.); «Святого пророка Даниила о видении пятом» (Л. 185 об.–194) (почерк 3); «Видение светаго пророка Даниила о четырех зверех» (Л. 194 об.–218); «О шестом видении и о запястии руки, святого пророка Даниила» (Л. 218–222) (почерк 4).

Из вышеперечисленного видно, что характерные богословские пристрастия Ефросина, определенные при анализе подборки апокрифических сочинений в сборнике 22/1099, проявились и в составе других его сборников. По-прежнему Ефросина больше всего интересует судьба Соломона и Моисея, причем он не ограничивается только палейными и апокрифическими сведениями, а еще составляет обширную компиляцию о Моисее из отрывков канонических библейских книг, аналогов которой нет в средневековой русской литературе¹¹. В подборке фрагментов из Палеи Хронографической отрывки о Соломоне занимают почти столько же места, сколько сведения о всех других ветхозаветных персонажах Библии, и при этом они расположены в сборнике раньше других, хронологически более древних отрывков

(об Адаме, Аврааме и др.): 9.В.1; 9.В.2; 9.В.3; 9.В.4; 9.В.5; 9.В.6; 11.В.2; 11.В.3; 11.В.4; 11.В.5; 11.В.7; 11.В.8; 11.В.9; 11.В.10. Из Еллинского летописца также приводится сказание о Соломоне (11.Е.1). Наконец, из слова псевдо-Севериана Гевальского о «крестном древе» было переписано только окончание, рассказывающее об участии Соломона в сохранении этого «древа» (11.Б.1). Сам Ефросин является автором четырех текстов о Соломоне (9.Ж.1; 11.Ж.1; 11.Ж.2; 11.Ж.3), при этом, составленное на основе палейного рассказа сочинение о Китоврасе и Соломоне (11.Ж.2) достаточно большое по объему, что, вообще-то не характерно для творчества Ефросина, предпочитавшего не создавать оригинальные произведения, а обрабатывать и комбинировать по новому части хорошо известных сочинений. Количество упоминаний во всех «Ефросиновских сборниках» Моисея достигает 52 раз, а Соломона — 30, так что эти герои уступают лишь Иисусу Христу (54 раза) и Иоанну Златоусту (66). (Из других «светских» проблем Ефросина продолжают занимать, хотя и в меньшей степени, естественнонаучные вопросы (11.В.1; 11.В.3; 11.В.14; 11.В.22; 11.В.28).

Сохраняется и растет интерес Ефросина к чисто богословским вопросам, в первую очередь к тем, что занимали большинство русских книжников в 70–90-е гг. XV в., в период подъема новгородско-московской ереси. В первую очередь, это касается сказаний о «сошествии» Христа в ад, утверждавших, что жертва на Голгофе была спасительной не только для живых, но и для мертвых, до этого пребывавших в преисподней. (Таким образом, подчеркивалось, что спасает только христианское вероучение, и отрицалась истинность предания иудейского, так как даже самые великие праведники, исповедовавшие ранний иудаизм, все равно не избежали ада. Вывел их оттуда только сам Христос). Помимо сказания об этом событии Священной Истории,

приписанного св. Епифанию (9.Б.1), Ефросин включает в сборник отрывки из «Евангелия от Никодима» пространной редакции, выделив эпизод, где говорилось, что лишь Христос смог освободить праведных иудеев от власти дьявола (11.Б.2; 11.Б.3). Антииудаистских выпадов в этих сборниках меньше, чем в сб. 22/1099, что можно объяснить просто лучшим знанием автора-составителя сборников реальных взглядов новгородско-московских еретиков, чьи убеждения все же были достаточно далеки от средневекового иудаизма.

Зато Ефросина начинает привлекать образ Адама, а, следовательно, и начало истории человечества вообще (см. выписки из Еллинского летописца [11.Е.1]). Этот интерес связан не только с тем, что он осознал единство Священной Истории и еще раз подчеркнул это, включив в сборник 11/1088 отрывок из псевдоэпиграфа Севериана Гевальского о своеобразном «крещении» черепа Адама во время распятия (11.Б.1), но и с ощущением самим Ефросином своего времени как конечного, итогового, завершающего всемирную историю. Эсхатологизм Ефросина четче всего проявился при копировании отрывков из апокалиптических произведений (9.Е.1; 11.Е.3; 11.Е.4). Эсхатологические ожидания оказались не чужды и другим монахам Кирилло-Белозерского монастыря, и в сборник 53/1130 внесены описания видений пророка Даниила о Конце Света. Заметно и стремление к тому, чтобы дополнительно подчеркнуть универсальность христианства, его обращенность ко всем народам мира. Для этого в сборнике 53/1130 были переписаны апокрифические сказания об апостольской проповеди, причем сделано это было в сборнике, который отражает не только личные взгляды Ефросина, но и других книжников монастыря.

Характеризуя мировоззрение Ефросина, следует еще раз отметить, что светские черты в нем были не очень зна-

чительны. Проявлялись же они не в интересе к сказочным подробностям в копированных сказаниях, а во внимании к сильной личности государя-вождя, государя-воина, такого как Моисей или Соломон, избранного самим Богом для страждущего иудейского народа, без посредничества духовной власти. Ефросин был ярким представителем сторонников усиления светской власти, хотевших видеть в русском государе не столько охранителя церкви, благословленного на это верховными иерархами, сколь богоизбранного вождя, призванного заботиться о своем народе, укреплять и увеличивать принадлежащее ему государство, как это делали Моисей и Соломон. (Основу для таких взглядов можно было найти в апокрифических книгах, но не в тех, где концепция Священной Истории была выражена наиболее ярко, а в тех, что были ближе к своему иудейскому протографу).

Но политическая проблематика не затмевает интереса Ефросина и к чисто богословским вопросам, разбивавшимся им с позиций, почти не отличающихся от тех, что занимали такие крайне консервативные книжники той поры, как архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий. Это хорошо видно, когда он выделяет тексты, касающиеся антииудаистской и антиеретической полемики, проблемы троичности Божества и эсхатологических вопросов. Ефросин уверен во всеисилии Бога и ничтожности человеческих усилий, убежден в неизбежности близкого и катастрофического Конца Света, и считает, что только православная вера обеспечивает реальное спасение души. Поэтому, анализируя его взгляды, не следует употреблять термин «гуманистические», а можно говорить только о светских чертах в его мировоззрении и интересе к светским вопросам, таких как образ идеального государя и наилучшее управление государством. Чисто мирская проблематика (сказочная, естественнонаучная, политическая) занимает в «Ефросиновских сборниках»

куда меньшее место, нежели богословская. В XV в. светские взгляды в русской литературе еще слишком прочно связаны с богословскими и мирские сюжеты находятся в подчиненном положении по сравнению с сюжетами чисто теологическими, так что даже политические идеи Ефросин облачает в религиозную оболочку. Всплеск интереса у части церковных писателей к мирским проблемам в конце XV в. был настолько слаб, что окончательно угас к началу XVI в. Однако, своеобразие воззрений Ефросина позволяет отличать его взгляды от идей консерваторов и говорить о существовании идейного движения среди русских книжников, интересовавшихся светской проблематикой и считавших, что церковь не должна вмешиваться в государственную и политическую деятельность, предваряя этим, в определенной мере, взгляды «нестяжателей». По отношению же к апокрифам разница воззрений также проявлялась не в богословской сфере, а в политической и эстетической: Ефросин интересовался апокрифами с красочными подробностями, подчеркивающими роль светских государей в библейских событиях, а богословы консервативного направления выделяли тексты, где четко говорилось о единстве Священной Истории и отмечали библейских лиц, имевших священнический чин.

¹ Наиболее значительные исследования: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168; *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 276–291; *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 150–180; *Каган-Тарковская М. Д.* Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов

- книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Русская и грузинская средневековая литературы. Л., 1979. С. 192–199; *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ Л., 1980 Т. 35. С. 3–300.
- ² *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 158
- ³ *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Указ. соч. С. 7–300.
- ⁴ ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 22/1099. Л. 446–475.
- ⁵ *Лурье Я. С.* Указ соч С. 158–159.
- ⁶ Там же. С. 145
- ⁷ ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 22/1099 Л. 109–109 об.
- ⁸ Там же Л. 42
- ⁹ Там же. Л. 215 об.
- ¹⁰ См.: *Luria J. S.* Une legende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit de XV siecle // *Revue des etudes slaves.* Paris. 1964 V. 43. P. 9.
- ¹¹ ОР РНБ. Кир.-Белоз. собр. 11/1088. Л. 402–453 об

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НЕКРОПОЛЯ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Некрополь Симонова монастыря — один из древнейших в Москве. Основанный в конце XIV в., Симонов монастырь уже в XV в. сделался усыпальницей знатного боярского рода Ховриных-Головиных, строителей и вкладчиков монастыря. В 1433 г. в Симоновом был похоронен князь Константин Дмитриевич, в иноках Кассиан, сын Дмитрия Донского. В XVI в. монастырь избирает своей усыпальницей знатный род князей Мстиславских. С начала XVII в. вокруг погребения царя Симеона Бекбулатовича в Симоновом монастыре начинают хорониться представители аристократических родов татарского происхождения — князя Сулешовы, Урусовы, Юсуповы, Ахамушковы-Черкасские. В XVII — начале XX в. на кладбище Симонова монастыря, также как и на других монастырских некрополях Москвы, погребали как членов дворянских родов — гр. Мусиных-Пушкиных, гр. Апраксиных, кн. Шаховских, кн. Касаткиных-Ростовских, Татищевых, Бутурлиных, Нарышкиных, Загряжских, Измайловых, так и московских купцов, мещан и даже крестьян. За свою многовековую историю Симонов монастырь стал местом последнего упокоения многих выдающихся деятелей российской истории и культуры — Д. В. Вeneвитинова, С. Т. и К. С. Аксаковых, М. И. Невзорова, В. В. Пассека, В. М. Ундольского, А. Е. Викторова, А. А. Алябьева и других.

После закрытия в 1918 г. Симонова монастыря началось постепенное уничтожение кладбища. Заключительным актом трагедии стал взрыв в 1930 г. Успенского собора, после которого все надгробные памятники были снесены. С уничтожением некрополя были перенесены на Новодевичье

кладбище только три захоронения — Д. В. Веневитинова, С. Т. и К. С. Аксаковых¹.

Изучение истории некрополя Симонова монастыря дает богатый материал для исследования реалий общественной жизни и представлений жителей Москвы XV — начала XX в. Например, вопрос: по какому принципу формировались усыпальницы знатных родов в тех или иных монастырях не может быть решен без тщательного изучения персонального состава некрополя. Исследование некрополя дает сведения о генеалогии родов и биографиях отдельных лиц, материалы для истории литературы и искусства, расширяет наши знания об истории Москвы. В последнее время изучение разрушенных в 1930-е гг. некрополей приобретает практическое значение. Весьма популярной становится тема восстановления разрушенных кладбищ или установления памятных знаков на этих местах. Предприняты и практические действия: регенерируется снесенное в 1980 г. кладбище при церкви Иоанна Предтечи в Дьякове, восстановлены в Донском монастыре могилы Я. А. Полозова и кн. В. А. Туркестановой, восстановлена в Спасо-Андронниковом монастыре (Музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева) могила нумизмата П. В. Зубова, подготовлен проект установления памятных знаков на месте Лазаревского кладбища, создан комитет по восстановлению Братского кладбища. В связи с этим, в настоящей работе основное внимание уделено источникам, дающим представление о персональном составе и топографии некрополя Симонова монастыря.

Проблемы исследования источников по истории некрополей Москвы касаются работы В. Л. Янина, С. О. Шмидта, Л. В. Ивановой, А. В. Иванкива, А. Л. Анисимова, В. Ф. Козлова, С. Ю. Шокарева и других². Одновременно, исследуется тема «некрополь как исторический источник», затронутая еще в лекциях по генеалогии Л. М. Савелова и

Ю. В. Арсеньева³. Интерес к исследованию некрополей проявляется в публикации книг, посвященных различным кладбищам Москвы⁴ и проведении конференции «Исторический некрополь Москвы»⁵, что позволяет говорить о зарождении новой отрасли москововедения — некроповедения. В связи с этим, обзор источников по истории некрополя Симонова монастыря будет иметь и прикладное, и методическое значение.

Источники по истории некрополя Симонова монастыря весьма разнообразны, что заставляет ограничиться только письменными. Такие изобразительные источники как планы кладбища, рисунки и фотографии вида некрополя и отдельных памятников, содержащие весьма важную информацию, рассматриваться нами не будут. Также останутся в стороне и вещественные источники, т. е. надгробные памятники — плиты XVII в. кн. Сулешовых, Татищева, Грязевой и кн. Урусовой с кладбища Симонова монастыря — находящиеся в собрании Музея-заповедника «Коломенское»⁶. Однако обилие письменных источников позволяет достаточно полно представить и историю кладбища и персональный состав погребенных.

Все письменные источники по истории как монастырских, так и городских некрополей могут быть систематизированы по типу сообщаемой источником информации на три группы:

1. Источники, дающие сведения о персональном составе и хронологии некрополя. Условно назовем их биографическими.

2. Источники, дающие сведения о топографии некрополя, т. е. границах кладбища, расположении могил, существовании в определенных местах неопознанных захоронений и т. д. Их можно назвать топографическими.

3. Источники, дающие сведения и о составе и о топографии некрополя. Эта категория источников будет носить название био-топографических.

Следует сказать, что указанные категории могут не иметь четко очерченных границ. Так, например, кормовая книга московского Новоспасского монастыря (XVII в.), в которую записывались сведения о поминовении лиц, многие из которых даже не погребены в монастыре, содержит указания о расположении захоронений. «Того же месяца в 23 день поминати Ульяну Иванову, жену Никитича Романова, и на братию корм большой. Под собором у задней стены одна», — гласит одна из записей⁷. Однако, единичность подобных известий, а также то, что в рукописи они сделаны более поздним почерком XVIII в. не позволяет отнести такой типично биографический источник к био-топографическим.

Сложнее с летописями, путеводителями, трудами по истории монастырей и храмов, описаниями кладбищ, межурами и некоторыми другими источниками. Эти разновидности источников сообщают одновременно биографические и био-топографические сведения. А археологические исследования, в зависимости от проблематики, попадают во все три выделенные выше категории. Однако преобладание сведений того или иного типа позволяет отнести эти источники к той или иной группе, где-то в качестве исключения, а где-то, признавая двойственный характер их информативной природы. В соответствии с предложенной систематизацией, в хронологическом порядке можно выделить следующие разновидности источников:

Биографические: летописи, акты, жития, синодики, вкладные и кормовые книги, приходно-расходные книги, могильные книги, документы, сопровождавшие процесс захоронения (открытые листы, свидетельства об отпевании, билеты и свидетельства на погребение, свидетельства о по-

гребении), собрания надписей, генеалогические труды, мемуары, периодика, книги-некрополи.

Топографические: археологические исследования.

Био-топографические: труды по истории монастырей и храмов, описания кладбищ, труды по истории кладбищ, материалы некрополеведов, документы органов охраны некрополя.

Спектр источников по истории Симонова монастыря включает в себя далеко не все эти разновидности. Так, не существует археологических исследований территории монастыря, почти ничего не сообщают материалы некрополеведов и т. д.

Начнем обзор с наиболее ранних биографических источников. Летописи, акты и жития ничего не сообщают о древнем некрополе Симонова, хотя и послужили для В. А. Кучкина источником по начальной истории монастыря⁸. Акты и свидетельства кормовой книги монастыря позволили В. П. Выголову сделать важные выводы об истории строительства в Симоновом в XV–XVII вв.⁹ Однако сообщаемые ими сведения лишь указывают на близость к монастырю родов Ховриных-Головиных и кн. Сулешовых, что позволяет предположить их погребение на монастырском кладбище. При наличии прямых свидетельств эти указания не представляют особой ценности.

Синодик монастыря дошел до нас только в списке XIX в.¹⁰ Но в виду плохой сохранности документа доступ к нему в настоящее время невозможен. Впрочем, изучение синодиков других московских монастырей (например Новоспасского и Новодевичьего) приводит к выводу, что далеко не все лица, упомянутые в синодике были погребены в монастыре. Таким образом, сведения синодиков могут быть использованы как дополнительные, когда требуется уточнение информации о личности погребенного. Так, Т. В. Николаевой успешно использованы данные синодиков, вклад-

ных и кормовых книг Троице-Сергиева монастыря для прочтения и атрибуции плит с дефективными надписями¹¹.

На основании изучения вкладной и кормовой книги Симонова монастыря Л. И. Ивина делает вывод, что «многие лица, принадлежавшие к известным русским родам, но пострадавшие в опричнину, были связаны с монастырем финансовыми узами, надеясь на его поддержку и помощь в случае пострижения в монахи или необходимости захоронения в пределах монастыря»¹². Такова общая ситуация, однако конкретных сведений о составе некрополя вкладные и кормовые книги, как правило, не сообщают. Выделяется единственное известие такого рода — в 1558 г. царь Иван IV Грозный дал на гробницу князя Константина Дмитриевича, инока Кассиана покров черного бархата с крестом из красного бархата¹³. Наравне с синодиками вкладные и кормовые книги могут быть привлечены в качестве дополнительного источника.

Более надежным и полным источником являются монастырские приходно-расходные и могильные книги. В Симоновом велись «Книги для записи прихода денежных сумм, полученных с кладбища». В фонде Симонова монастыря (ЦИАМ. Ф. 420) сохранились книги за 1847–1917 гг. Согласно практике того времени переплетенные книги с завязками для записи прихода и расхода выдавались в Московской конторе Синода. Ежемесячно записи проверялись монастырскими властями (казначеем и заместителем), а ежегодно просматривались в Московской конторе Синода (о чем свидетельствуют скрепы канцеляристов по листам книг).

Основные разновидности записей выглядят следующим образом:

«От распорядителя погребения мещанина Александра Александровича Волкова за погребение девицы Софии Вла-

димировны Соймоновой в третьем разряде — 130 рублей» (1861 г.) — плата за место¹⁴.

«За дозволение поставить памятник над могилой купеческого сына Николая Александровича Немчинова 3 рубля» (1861 г.) — за памятник¹⁵.

«Получено от вдовы коллежского советника Ольги Семеновны Аксаковой вперед 50 рублей за место в третьем разряде рядом с сыном ее К. С. Аксаковым с левой стороны, в чем дано ей свидетельство за подписью архимандрита Аполлония и старшей братии» (1861) — плата за откуп места для будущего погребения¹⁶.

Как видно, сведения сообщаемые приходно-расходными книгами носят исключительно биографический характер. Редкие указания на соседние могилы и обозначения разрядов при отсутствии планов кладбища практически ничего не дают.

Количество записей, хорошая сохранность и обилие книг делает их важным источником по истории монастырского некрополя. Большое значение имеет упоминание рядовых захоронений за значительный период второй половины XIX — начала XX в., особенно, за темное для других источников начало XX в., включая и первые послереволюционные годы. Для примера, в таблице приведено количество указаний на погребения в Симонове по книгам 1850–1879 гг. Книги за отсутствующие в таблице годы тоже существуют, только не выдаются исследователям, т. к. требуют переплета и реставрации. Естественно, что записи за разные годы дублируются, т. е. сообщают об одном и том же погребении. Одному захоронению могут быть посвящены три записи — об откупе места на будущее, о погребении (рытье могилы) и об установлении памятника, но такие случаи редки.

Записи по кладбищу

Год	За место	За памятник	За место в будущем	Всего	№ архивного дела
1850	11	4	—	15	1293
1854	13	4	2	19	1322
1859	11	3	3	17	1359
1861	8	4	2	14	1373
1865	22	9	2	33	1393
1866	28	3	4	35	1400
1867	27	5	5	34	1407
1870	18	15	3	36	1418
1871	11	2	3	16	1422
1876	11	4	10	25	1450
1878	13	9	5	27	1458
1879	13	2	1	16	1463
13 книг			307 записей		

Близкую к сообщениям приходно-расходных книг информацию содержат документы, сопровождавшие процесс захоронения. По Симонову монастырю комплекс этих источников не так значителен как, например, по некрополю Данилова. Сохранились только свидетельства на погребения за 1896 и 1905 гг.¹⁷ Также как и другие документы, сопровождавшие процесс захоронения — билеты и открытые листы — свидетельства были обусловлены мерами против распространения эпидемий. Важно, что к концу XIX в. формуляр свидетельств на погребение включал в себя указания на звание, возраст, место жительства и причину смерти погребенного, что делает эти документы важным биографическим источником

Совершенно иного рода информацию сообщают собрания надписей. Первые публикации надгробных надписей были осуществлены Н. И. Новиковым в издании «Древняя

Российская Вивлиофика»¹⁸. Н. И. Новиков собрал надписи со стен московских церквей, из монастырских усыпальниц и с колоколов, первым обратив внимание «любителей российских древностей» на этот вид исторических источников. Значение труда Н. И. Новикова тем более велико, что уже к середине XIX в. значительное число надписей было утрачено. Вместе с тем, публикация Н. И. Новикова содержит ошибки в именах и фамилиях, не соблюдена разбивка на строки, не сделано описание памятников.

По Симонову монастырю Н. И. Новиковым опубликованы 72 надгробных надписи и 4 надписи на колоколах¹⁹. Топографические указания выглядят следующим образом: «в паперти на левой стороне», «по правую сторону под папертью в полатке» и т. д. Кроме этого, Н. И. Новиков указал еще два захоронения — гр. А. Ф. Головина и принцессы Н. Н. Голштейн-Бекской (урожденной Головиной) — «над коими вышеписанными погребенными телами надгробных надписей никаких не значится»²⁰.

Материалы, собранные Н. И. Новиковым перешли в дальнейшую литературу по Симонову монастырю. При этом перешли в другие издания ошибки и неточности «Древней Российской Вивлиофики». Так, надгробная надпись 1625 г. приведена следующим образом: «Лета 7133 году, апреля в 16 день, на память святых мучениц Ирины, Агапии и Хеонии, преставись раб Божий Окольников Федор Васильевич Головин, и с ним прочие из сродник его, точно ныне на камне рассмотреть не можно по тому, что полкамня заделано в стене»²¹. Исторические описания монастыря, составленные В. В. Пассеком и И. Ф. Токмаковым, повторили эту надпись, окончив ее на словах «и с ним прочие из сродник его». Между тем, описание кладбища Симонова монастыря 1847 г. (о нем см. ниже) приводит конец эпитафии, не прочтенный Н. И. Новиковым: «...Федор Васильевич Головин, — а прямое его имя Перфирий — во иноцех

Пафнутий, а подле его сын Алексей, а под гробом Михаил Петрович Меньшой Головин»²².

В следующее значительное собрание надписей — «Надгробную летопись Москвы» А. А. Мартынова Симонов монастырь не вошел. Надписи Симонова монастыря XVI — первой половины XVII в. включены В. Б. Гиршбергом в «Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв.». Поскольку монастырь к тому времени был разрушен, то В. Б. Гиршберг в качестве основного источника использовал «Древнюю Российскую Вивлиофику». Вместе с тем, необыкновенно важно приведение В. Б. Гиршбергом пяти сохранившихся плит XVII в. из Симонова монастыря, находящихся в собрании Музея-заповедника «Коломенское». Это уже упоминавшиеся выше плиты — В. И. Татищева (1625), кн. И. В. Сулешова (1634), кн. И. В. Сулешова (1634), П. Грязевой (1639), кн. Т. П. Урусовой (1646)²³.

Схожую информацию сообщают генеалогические труды, источником которых является либо визуальный осмотр кладбища автором труда, либо сообщения членов рода. По некрополю Симонова монастыря содержится информация в работах П. Казанского «Родословная Головиных владельцев села Новоспасского» (1847) и «Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев онаго» (1847). Как известно, род Головиных, начиная с XIV в. был тесно связан с Симоновым, и многие поколения Головиных упокоились на монастырском кладбище. П. Казанский сообщает о шестнадцати захоронениях этого рода в Симонове, трех представителей рода в Спасо-Андронниковом монастыре, двух в Златоустовском, по одному в Покровском, Донском, Новодевичьем и Чудовом монастырях. Причем, если сведения П. Казанского о погребениях XVI–XVII вв. частично перекрываются «Древней Российской

Вивлиофикой», то для XVIII–XIX вв. сообщения родословной уникальны.

Мемуары, сообщающие, в большинстве, биографическую информацию, с редкими и неясными топографическими указаниями как источник близки к генеалогическим трудам, но отличаются меньшей точностью и, одновременно, наличием самой разнообразной добавочной информации. Так, Т. А. Аксакова, дочь генеалога и нумизмата А. А. Сиверса, сообщает в своих воспоминаниях любопытную подробность, связанную с перезахоронением Д. В. Веневитинова из Симонова монастыря на Новодевичье кладбище. М. Ю. Барановская, руководившая перенесением праха, по распоряжению начальства была вынуждена снять с руки поэта кольцо и передать его в Литературный музей. Этому кольцу, овеянному различными легендами, посвящено стихотворение самого Д. В. Веневитинова²⁴.

Большое значение имеют и данные устной истории. Так, Александр Сергеевич Бутурлин сообщил автору настоящей работы ценные сведения об истории разрушения монастырского некрополя. В частности, А. С. Бутурлин сообщил о практике рассылки извещений родственникам покоившихся на предназначенном к сносу некрополе с требованием озаботиться судьбой захоронения. А. С. Бутурлин описывает внешний вид, находившейся в Симоновом могилы своего деда Александра Сергеевича Бутурлина (1845–1916), друга Л. Н. Толстого. Это сообщение позволяет поправить воспоминания С. Л. Толстого, писавшего, что А. С. Бутурлин погребен на кладбище Данилова монастыря²⁵.

По Москве книги-некрополи представлены единственным изданием «Московский некрополь» (Т. I–III, 1907–1908) подготовленным В. И. Саитовым и Б. Л. Модзалевским и изданным великим князем Николаем Михайловичем. «Московский некрополь» хорошо известен исследова-

телям, и нет надобности подробно останавливаться на описании этого источника. Исследователю истории некрополя Симонова необходимо извлечь из «Московского некрополя» данные по монастырю, которые представлены двумя видами сообщений — результатами визуального осмотра и сведениями литературы («Древняя Российская Вивлиофика», труды по истории монастыря).

Археологических исследований, составляющих группу топографических источников, по территории Симонова монастыря, практически не существует. Л. А. Беляев отмечает бесперспективность раскопок на этой территории, так как культурный слой был существенно разрушен²⁶. Однако вскрытое недавно (в мае 1995 г.) захоронение графов Муслиных-Пушкиных и других лиц, погребенных в Валентиновском приделе Успенского собора подтверждает и другой вывод Л. А. Беляева: «Серьезный надзор при археологической реставрации, ведущейся и в настоящее время, необходим, также как и разведочные раскопки в окрестностях».

Среди био-топографических источников значительную группу составляют труды по истории монастырей и храмов. Источниковедческий анализ этих трудов произвел Л. А. Беляев, выделивший их основные составляющие. В основу сочинения большинство авторов брало материалы монастырского или церковного архива, добавляло их общедоступными сведениями, взятыми из печатных источников, и дополняло описанием современного состояния, внешнего вида, древностей и некрополя²⁷. Сведения о некрополе базировались на: 1) свидетельствах письменных источников; 2) монастырском или церковном предании; 3) визуальном осмотре кладбища.

Литература по истории Симонова монастыря довольно богата: Н. Иванчин-Писарев. Вечер в Симонове (1840); К. Тромонин. Краткое описание московского ставропигиального классного общежительного Симонова монастыря

(1841); Пассек В. В. Историческое описание московского Симонова монастыря (1843); И. Ф. Токмаков. Историческое, статистическое и археологическое описание московского ставропигиального мужского Симонова монастыря (1892).

Работа Н. Иванчина-Писарева более похожа на путеводитель, чем на историческое описание. По жанру «Вечер в Симонове» близок к «Путешествию по святым местам русским» А. Н. Муравьева. Так же, как и труд А. Н. Муравьева, сочинение Н. Иванчина-Писарева — это рассказ о посещении обители, наполненный историческими реминисценциями. Впечатления очевидца и являются наиболее ценной стороной работы. Так, Иванчин-Писарев сообщает, что им был открыт из земли в старом Симонове камень, бывший над гробом Пересвета и Осляби, прах которых еще в 1794 г. был перенесен из-под колокольни в трапезную церкви²⁸. В другом месте он говорит — «здесь некогда был гроб князя Ховры... и самого Григория, главного строителя обители. Я не нашел их камней». Но ниже, сообщает: «мне рассказывали очевидцы, что при заложении храма во имя Богоматери Казанской были открыты два гроба, иссеченные из камня, что доказывает важность усопших. Может быть, в них был прах князя Ховры и его сына Григория, строителя Симонова, или сановитого Владимира Григорьевича»²⁹.

Книга К. Тромонина представляет собой классическое «историческое описание. Сведения о древнем некрополе монастыря XVI–XVII вв. приведены со ссылкой на Древнюю Российскую Вивлиофику. Описывая кладбище XVIII–XIX вв. К. Тромонин кратко упоминает о захоронениях аристократических родов, государственных деятелей, первогильдийных купцов³⁰. Рассказывая о наместниках монастыря, Тромонин говорит и о месте их погребения³¹. Относительно некоторых лиц, проживавших на покое в Симоновом монастыре (митрополита Варлаама и Гурия Заболоцко-

го — XVI в.), Тромонин высказывает предположение, что они были похоронены в монастыре, которое не находит подтверждения в других источниках. В целом, сведения о некрополе, содержащиеся в труде К. Тромонина, весьма скромны.

Значительно более подробно освещает захоронения Симонова монастыря «Историческое описание московского Симонова монастыря» В. В. Пассека. Труд В. В. Пассека, составленный по материалам, подготовленным монахами Симонова монастыря, является наиболее точным исследованием по истории этой обители³². В. В. Пассек приводит дословно все 75 надгробных надписей XVI–XVIII вв., находящиеся в Успенском соборе, описывает монастырское кладбище, рассказывает о покоещихся там людях (М. И. Невзорове, Д. В. Веневитинове и других)³³.

«Историческое, статистическое и археологическое описание московского ставропигильного мужского Симонова монастыря» И. Ф. Токмакова практически всю часть, посвященную некрополю, заимствует из труда В. В. Пассека, но весьма невыгодно отличается от него неточностями, опечатками и ошибками. Например, вместо Хомякова И. Ф. Токмаков упоминает Хотякова, вместо кн. Репнина — кн. Репина и т. д. Есть ошибки и более серьезные, так, Токмаков указывает в Симоновом монастыре могилу М. М. Хераскова, похороненного в Донском монастыре³⁴.

Однако, так как работа И. Ф. Токмакова составлена через пятьдесят лет после выхода труда В. В. Пассека, в ней содержатся ценные сведения о захоронениях второй половины XIX в. И. Ф. Токмаков указывает, неизвестные В. В. Пассеку, могилы С. Т. и К. С. Аксаковых, Ф. П. Колычева, С. П. Милюковой, А. Е. Викторова, В. М. Ундольского и других³⁵.

Труды по истории монастырей и храмов сообщают весьма ценную и обширную информацию. Однако по пол-

ноте сведений о составе некрополя Симонова монастыря этот источник уступает описаниям кладбища.

Описание кладбищ, составлявшиеся в монастырях, являются совершенно особым и уникальным источником. Эта группа весьма малочисленна (автору настоящей работы удалось выявить только четыре подобных источника), но представляет весьма ценную информацию. Все известные источники этой группы относятся к середине XIX в. Судя по всему, описания кладбищ составлялись в монастырях по требованию Московской конторы Синода. В конце «Описания надгробных памятников, находящихся в московском Симонове монастыре. 1847» сказано: «подлинное описание памятников... доставлено при отношении отца Архимандрита Синодальной конторы прокурору Михайлову октября 18 дня 1847 года»³⁶.

Синод проявлял интерес к памятникам некрополя, о чем свидетельствует указ 1773 г. предписывающий священникам сообщать о всех надписях на могильных плитах³⁷. Это подтверждает «Дело о доставлении прокурору московской св. Синода конторы, плана монастырскому кладбищу и книг, в которых записаны погребенные в сем монастыре лица за 20 лет» (Новоспаский монастырь, 1883)³⁸. В 1883 г. прокурор московской конторы Синода провел ревизию кладбищенской документации и состояния монастырских кладбищ трех московских монастырей — Донского, Симонова и Новоспасского. Проведенная ревизия обнаружила отсутствие должной документации, что вызвало распоряжение прокурора составить в монастырях «материалы для будущей надгробной кладбищенской книги, алфавит всех погребенных на московских кладбищах усопших, по возможности, с самого раннего времени» и новые планы кладбищ, с указанием разрядов³⁹. Примечательно, что по монастырским кладбищам Симонова и Новоспасского существовали описания кладбищ, составленные в середине

ХІХ в., которые, почему-то, в деле не упоминаются, возможно, они не были тогда найдены, а, возможно, не удовлетворили требования прокурора.

Просмотренные автором настоящей работы описания монастырских кладбищ — «Описание надгробных памятников, находящихся в Симонове монастыре. 1847», «Описание надгробных памятников с эпитафиями, находящихся в московском ставропигиальном Симонове монастыре, составлено в 1866 году»⁴⁰, описание кладбища Новоспасского монастыря (ок. 1844–46 гг.)⁴¹, «Надгробные надписи погребенных в церкви Сергия в Знаменском монастыре» (1854)⁴² — позволяют выделить общие черты этой группы источников:

1) описания кладбищ являются результатом визуального осмотра кладбища;

2) описание производится по порядку расположения памятников на кладбище, по рядам или разрядам; описываются все памятники без исключения;

3) при описании памятника приводится целиком надгробная надпись, дается описание внешнего вида памятника, указывается состояние сохранности.

«Описание надгробных памятников, находящихся в московском Симонове монастыре. 1847» находится в фонде генеалога и краеведа Н. П. Чулкова (1870–1940) в РГАЛИ. Это — переплетенная объемистая рукопись (173 листа). Книга разделена на два отделения. В первом отделении: «надгробные надписи на стенах соборной церкви» (Л. 1–3), «надписи на стенах в паперти Успенского собора» (Л. 3–3 об.), «надписи на гробницах внизу под сводами паперти на западной стороне» (Л. 3 об.–4 об.), «надписи снаружи соборной паперти» (Л. 4 об.–5 об.), «надписи около алтаря» (Л. 5 об.–7), «памятники на южной стороне Успенской церкви» (Л. 8–9), «памятники на западной стороне, по левую сторону паперти» (Л. 9–12), «с северной стороны под-

ле ризницы» (Л. 12–14), «кладбище на восточной стороне Успенского собора» (Л. 14 об.–102). Часть «кладбище на восточной стороне Успенского собора» разделена на описания по рядам — «первый ряд от юга», «второй ряд от юга» и т. д. Всего рядов — 14, описание памятников, как явствует из названий разделов, идет по их расположению от юга к северу. Завершает первую часть раздел «прибылые памятники» (Л. 103–119), который описывает погребения 1850 — начала 1860-х гг.

Второе отделение содержит главы: «надгробные памятники под тремя алтарями теплой Сергиевской церкви» (алтари — Тихвинской Божьей Матери, великомученика Валентина, преподобного Сергия Радонежского) (Л. 120–122), «кладбище против теплой церкви на восточной стороне» (разделена на семь рядов «с севера») (Л. 122–148), «кладбище близ южной ограды» (разделена на девять рядов, порядок отсчета не указан, видимо, опять с севера на юг) (Л. 148 об.–161) и «прибылые памятники» (Л. 162–173).

Описание памятников выглядит следующим образом: «Две гранитные плоские плиты на плитах каменных за одною решеткою. ...На второй надпись: Под сим камнем погребено тело Дмитрия Владимировича Веневитинова, родившегося 1805 года сентября 14 дня, скончавшегося 1827 года Марта 15-го дня в 5 часов утра. От роду ему было 21 год 6 месяцев и 1 день. Как знал он жизнь, как мало жил!»⁴³.

Каждое описание сопровождается порядковым номером — в первом отделении 500, во втором отделении — 300 номеров. В фонде Симонова монастыря в ЦИАМ находится «Алфавитный указатель надгробных памятников, находящихся на территории монастыря», датированная 1847 г.⁴⁴ По всей видимости, это указатель к описанию 1847 г.

Рукопись описания 1847 г. представляет собой черновой экземпляр, о чем и говорить в надписи в конце книги, приведенной выше. Об этом же свидетельствуют поправки и исправления в тексте рукописи. «Описание надгробных памятников с эпитафиями, находящихся в московском ставропигиальном Симоновом монастыре, составленное в 1866 году» составлялось с учетом всех исправлений и добавлений, сделанных в рукописи 1847 г. Описание 1866 г. сохранило структуру и деление на главы рукописи 1847 года, естественно, добавились описания памятников, поставленных в 1847–1866 гг. В «прибавление» к первому и второму отделениям внесены записи о памятниках 1875–1909 гг. (Л. 115–116). В конце книги — алфавитный указатель с упоминанием дат смерти (Л. 186–238).

Описания памятников соответствуют описаниям 1847 г.: «Урна черного гранита на пьедестале такого же гранита и плите дикого камня, надпись на ней: «Погребено тело Вадима Васильевича Пассека. Родился 1808 года 20 июля, скончался 25 октября 1842 года. Господи! Не внииди в суд с рабом Твоим. Яко не оправдится перед Тобою всяк живый»⁴⁵.

«Описания надгробных памятников... Симонова монастыря» 1847 и 1866 гг. являются наиболее представительным био-топографическим источником. Благодаря этим описаниям можно достаточно точно представить расположение захоронений и внешний вид некрополя XVIII–XIX вв., а с использованием планов и фотографий и привязкой на местности вычислить топографию кладбища. Таким образом, создается возможность создать основу для восстановления памятников или установления памятных знаков.

Под документами органов охраны некрополя подразумеваются материалы кладбищенских комиссий Губмузея и Общества «Старая Москва», Комитета по охране могил вы-

дающихся деятелей и других таких организаций. Это — докладные записки членов комиссий, акты обследования кладбищ, учетные карточки на могилы, планы кладбищ, списки могил, которые должны были быть взяты на охрану. Таких материалов по некрополю Симонова не существует. Состояние некрополя после 1917 г. и попытки музейных органов сохранить памятники некрополя отражены в фонде Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ).

Фонд ЦГРМ содержит, в основном, переписку между различными организациями по поводу судьбы тех или иных памятников Симонова монастыря. Например, записка из отдела по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса гласит:

«Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса обращает внимание подсекции на систематическое хищение металлических украшений с памятников кладбища в Симоновом монастыре и предлагает принять меры для прекращения таковых»⁴⁶.

Процесс уничтожения некрополя отражает «Список памятников Симонова монастыря предложенных к покупке на лом», составленный музейными органами. Этот список включает 141 памятник, среди которых надгробия представителей известных дворянских и купеческих родов — Головиных, Нарышкиных, Бахметьевых, Вишняковых, Мещерских, Бахрушиных⁴⁷.

Наконец, последний этап разрушения древних памятников и некрополя монастыря отражен в протоколах ЦГРМ. Там записано сообщение П. Д. Барановского о вскрытии во время разборки развалин собора в апреле 1930 г. погребений XVI–XVII вв., находившихся в подклете⁴⁸.

Документы из фонда ЦГРМ имеют значительное отличие от материалов органов охраны некрополя. Прежде все-

го, они содержат весьма ограниченную информацию о топографии кладбища и не могут, как, например, материалы кладбищенской комиссии Губмузея служить для восстановления внешнего облика кладбища.

Итак, история некрополя Симонова монастыря отражена значительным количеством источников. Практически все они относятся к XVIII — началу XX в. Это определяет и преобладание сведений по захоронениям XVIII — начала XX в. Сведения о захоронениях XV–XVII вв. находятся в прямой зависимости от сохранности надгробных памятников на время появления источника. Таким образом, персональный состав и, отчасти внешний вид и топография некрополя Симонова монастыря могут быть реконструированы на начало XX века. В то же время полнота сведений по некрополю Симонова на порядок выше, чем по другим московским монастырям. В первую очередь, это достигается использованием описаний кладбищ — практически уникального источника, в данном случае, наиболее полного в своей группе. Как уже говорилось выше, именно описание кладбища Симонова монастыря позволяет восстановить подавляющее число надгробных памятников в таком виде, в котором они существовали и на тех местах, где они находились.

¹ Подробнее см.: *Шокарев С. Ю.* Некрополь Симонова монастыря // Московский некрополь: история, археология, охрана (в печати)

² *Янин В. Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988, *Шмидт С. О.* Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана М., 1991. С. 8–23; *Иванова Л. В.* История изучения Московского некрополя // Там же. С. 34–47; *Иванкив А. В.* Источники по истории московских кладбищ. Дипломная работа студента V курса дневного отделения МГИАИ. М., 1990; *Анисимов А. Л.* Скорбное бесчув-

- ствии на добрую память о Киеве или прогулки по городу, которого нет. Киев, 1992; *Козлов В. Ф.* Документы по истории городских кладбищ в московских архивах // Московский некрополь: история, археология, охрана (в печати); *Крзлов В. Ф.* «Московские церковные ведомости» как источник о захоронениях священников на кладбищах Москвы (вторая половина XIX — начало XX в.) // Там же; *Шокарев С. Ю.* Музеефикация московского некрополя (проблема использования источников). Дипломная работа студента V курса заочного отделения РГГУ. М., 1995.
- ³ *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии. М., 1994. С 36–37; *Арсеньев Ю. В.* Лекции по генеалогии (ОРФ ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д 364); *Пирожков Г. В.* Надгробия на петербургских кладбищах как исторический источник // Доклад на научном семинаре «Генеалогия и история семей». СПб., 14.01.93. // Известия Русского Генеалогического общества. Вып. 1. СПб., 1994. С. 103; *Юркин И. Н.* Надгробия Лугининых на Всесвятском кладбище Тулы как источник по генеалогии рода // Тульский металл: четыре столетия истории. М., Тула, 1995. С. 53–56.
- ⁴ *Артамонов М. Д.* Ваганьково. М., 1991; *Артамонов М. Д.* Введенские горы. М., 1993; *Китнис С. Е.* Новодевичий мемориал. М., 1995; *Артамонов М. Д.* Московский некрополь. М., 1995. В печати находится издание рукописи 1916 г.: *Саладин А. Т.* Прогулки по кладбищам Москвы / Предисл. С. О. Шмидта. Комм. С. Ю. Шокарева.
- ⁵ Май 1990 г. и 31.03 — 1.04.1994.
- ⁶ *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 2. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. III. М., 1962. № 166. С. 228; № 213. С. 246; № 214. С. 247; № 234. С. 256; № 255. С. 265.
- ⁷ Кормовая книга Новоспасского монастыря. М., 1903. С. 4–5.
- ⁸ *Кучкин В. А.* Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.
- ⁹ *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века М., 1988. С. 48–59, 170–176.
- ¹⁰ ЦИАМ Ф 420. Оп. 1. Д. 1736.
- ¹¹ *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. 1966. Вып VI С. 207–255.

- 12 *Ивина Л. И.* Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря // Вспомогательные исторические дисциплины. М.,1969. Вып. 2. С. 229–239.
- 13 АСЭИ. Т. III. № 339. С 465.
- 14 ЦИАМ Ф. 420. Оп. 1. Д. 1373. Л. 6.
- 15 Там же. Л. 7.
- 16 Там же Л. 2.
- 17 Там же. Д. 721, 904.
- 18 *Новиков Н. И.* Древняя Российская Вивлиофика. М.,1789. Т XI; М.,1791. Т. XVI; М.,1791. Т. XIX.
- 19 ДРВ. Т. XIX.
- 20 Там же С 400
- 21 Там же. С. 384
- 22 РГАЛИ Ф. 544. Оп. 2 Д. 5 Л. 3–3 об
- 23 *Гиршберг В. Б.* Указ. соч № 166 С. 228; № 312. С 246, № 214 С. 247; № 234. С. 256; № 255 С 265.
- 24 *Аксакова Т. А.* Дочь генеалога // Минувшее: исторический альманах. М.,1991. Вып. 4. С. 42, 43
- 25 *Толстой С. Л.* Очерки былого Тула, 1966 С 371
- 26 *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV в.) по данным археологии. М.,1995
- 27 Там же. С. 17–20.
- 28 *Иванчин-Писарев Н.* Вечер в Симонове. М ,1840 С. 75.
- 29 Там же. С. 40.
- 30 *Тромонин К.* Краткое описание московского ставропигиального классного общежительного Симонова монастыря. М ,1841. С 21
- 31 Там же. С 29.
- 32 *Новохатский К. Е.* « Прошедшее в настоящем .. » Вадим Васильевич Пассек 1808–1842 // Краеведы Москвы Вып 1 / Сост Л. В. Иванова, С. О. Шмидт. М., С. 73.
- 33 *Пассек В. В.* Историческое описание московского Симонова монастыря. М.,1843.
- 34 *Токмаков И. Ф.* Историческое, статистическое и археологическое описание московского ставропигиального мужского Симонова монастыря. М.,1892
- 35 Там же. С. 71.

- 36 РГАЛИ Ф. 544. Оп. 2. Д. 5. Л. 161.
- 37 *Иванова Л. В.* Указ. соч. С. 36.
- 38 РГАДА Ф. 1197. Оп. 2. Д. 526
- 39 Там же Л. 4 об.
- 40 РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 2. Д. 5, 6
- 41 РГАДА. Ф. 1197 Оп. 2. Д. 796, 1465.
- 42 Там же Ф. 1191. Оп. 1. Д. 779.
- 43 РГАЛИ. Ф. 544 Оп. 2. Д. 5 Л. 141–141 об.
- 44 ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 333
- 45 РГАЛИ Ф. 544 Оп. 2. Д. 6. Л. 163 об.
- 46 ЦММ Р-4. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.
- 47 Там же. Л. 34–35.
- 48 *Козлов В. Ф.* Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920–30-е гг.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 55.

РОСПИСИ КАБАЦКИХ ДОЛГОВЫХ «НАПОЙНЫХ» ДЕНЕГ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

До настоящего времени почти не изучена история и организация кабацкого делопроизводства. На эту тему вообще нет специальных работ. Историки кабацкого дела пользовались лишь основными документами — наказами, грамотами и кабацкими приходо-расходными книгами, не уделяя при этом должного внимания их источниковедческому анализу. Однако, кроме этих источников в состав кабацкого делопроизводства при «верной» системе сборов денег входило немало других документов, например, «выборы» кабацких целовальников, крестоцеловальные записи целовальников и голов, переписка персонала с московскими приказами, передаточные и «ценовные» описи имущества кабаков, «сыски» о недоборах кабацких денег и т. д.

Данная работа посвящена источниковедческому анализу одному из видов кабацкой документации — росписям долговых «напойных» денег первой половины XVII в. Источник впервые вводится в научный оборот.

Известно, что на «государевых» кабаках питье (вино, пиво, мед) как при «верной», так и при откупной системах, наряду с прямой продажей разрешалось давать под заклады серебряной «кузни» (колец, сережек, перстней и т. д.) и гражданского (не военного) «платья» и в долг. Подразумевалось, что «питухи» должны были выкупать заложенное имущество, а должники выплачивать за «напой». В случае невыкупов заложенного имущества оно продавалось в пользу казны, а долги за питье целовальники «правили» с должников с помощью приставов и стрельцов, ставя «питухов» на «правеж». Основанием для взимания долгов служили «напойные» долговые записи или памяти стоечных

целовальников, которые затем сводились в месячные и годовые росписи или книги. Кроме «раздробительного» вина, продаваемого мелкими партиями, в кабаках, очевидно, велись и записи долгового вина, которое бралось ведрами и полуведрами. Учет этого вина вел сам голова. Однако таких записей среди кабацкой документации нами пока не обнаружено. Во многих городах сбор таможенных пошлин и кабацких денег «ведался» одним головою или головою с товарищем, которым подчинялись таможенные и кабацкие целовальники. В этом случае таможенная и кабацкая документация хранилась вместе. Например, в 1650 г. в г. Романове на Волге из таможни украли «ларец», в котором находилось более 50 р. казенных денег, уставная таможенная грамота, «государев» наказ и «столповые и напойные книги и памяти»¹.

При выдаче «раздробительного» вина в долг целовальники должны были руководствоваться двумя правилами: 1) у должника должен быть «поручик», 2) в долг давать вина не более, чем на гривну (20 ден.)². Однако в погоне за «государевой» кабацкой прибылью эти требования целовальники не соблюдали, за что зачастую расплачивались своими личными средствами. В 1624 г. в г. Тотьме посадский человек (далее п.ч.) Петрушка Харламов «напил в долг на кабаке у стоек кабацкого питья у кабацких целовальников у П. Архипова с товарищи в розных месяцах и числах на 6 р. 24 алт. 4 ден., а денег он за то питье, что у которого целовальника напил не платил и с Тотьмы збежал на Вагу...». Из Москвы последовало распоряжение — «деньги доправить на тех целовальниках, которые тому Петрушке питья давали без закладу и без поруки»³.

В дальнейшем правительство, осознав нереальность указа об ограничении мелкого «долгового напоя» стало предписывать головам «на кабаке питье давать в долг, смотря по человеку и по ево животам, на ком бы мочно бы-

ло напойные деньги за питье вскоре взять без правезу...», как это видно из царской грамоты от 1636 г. на Устюг Великий⁴. В кабаках этого города вместе с волостными кабаками уезда, которых насчитывалось около 30 и которые были под началом устюжских таможенных и кабацких голов, долговое питье ежегодно давалось на значительную сумму. Так, городские кабацкие целовальники после своего срока пребывания в должности (с 1 сентября 1636 г.) «для сбора долговых кабацких денег жили на Устюге Великом более полугода, потому что вскоре доправить деньги немочно и только из долгов собрано 3500 р., а ныне многие питухи в волостях, не хотят за кабацкое питье деньги платить от целовальников и от стрельцов отбиваютца и бьют их на смерть и секут... и избегают»⁵. Если учесть, что незадолго перед этим — в 1634 г. кабацкие годовые сборы с города и волостей составляли 6042 р.⁶, то видно, что на долю долговых кабацких денег приходилось почти 60% всего сбора. Естественно, что в других городах доля долговых «напойных» денег в общей сумме кабацких доходов была различной, что зависело от «политики» кабацкой администрации в долговых отношениях с населением.

Трудности сбора долговых денег возникали почти во всех городах. В 1648 г. в Шуйском городке Вологодского уезда (далее — у.), когда целовальники «збирали» эти деньги с местных ямщиков и с крестьян Ростовского митрополита «по памятям и по кабацким книгам», крестьяне «ставились сильны» и без митрополичьей послушной грамоты свои долги не платили⁷. В 1629 г. в г. Ржеве Володимерове, когда местные стрельцы не смогли выплатить долги за питье, из Москвы было предписано в 1630 г. их «на кабак не пушать», но поскольку кроме них на кабаке «питухов» не было, то на 2 года кабак во Ржеве закрыли⁸.

Некоторые головы кабаков крупных городов, чтобы избежать лишних хлопот, сбор долговых денег отдавали в от-

куп. Так, в 1617–1626 гг. в Нижнем Новгороде «напойные» долговые деньги, за взятое из кабаков вино ведрами у голов и за «раздробительное» вино, взятое у стоечных целовальников вместе с «зерновой» и картовой игрой и с «зерновым и бражным судом» отдавались в откуп артелям откупщиков. Сначала эти откупа брали посадские люди, затем «новокрещенные черкесы», а после стрельцы приказа А. И. Сухотина, которых было 26 чел. В 1626 г. откупная сумма за все эти кабацкие статьи составила 200 р. в год⁹. В этом случае интересен факт совмещения в нижегородских кабаках в одно и то же время «верной» и откупной систем сбора денег.

Сложности сборов долговых кабацких денег в большинстве случаев возникали по причине активного злоупотребления голов и целовальников своим служебным положением, что выяснялось из челобитий населения. Так, в 1629 г. сольвычегодцы-посадские и уездные люди жаловались на таможенного и кабацкого голову 1629 г. Игнатя Панкратьева, который «чарошные и осьминные и пивные деньги по напойным памятям... доправлял на питухах на правеже...», а кабацким целовальникам «велел на тех же питухах по тем же застоечным памятям доправлять другие деньги...», т. е. брать с них еще раз за тот же долг. Голова следующего 1630 г. того же сольвычегодского кабака Юрий Исаев «на кабаках напisyвал на питухах многие лишние деньги, а который на кабак для грошевые чарки придет, и тех людей с кабака не спускает, а смечает за сколько ево животов есть...», т. е. сколько ему приписать лишнего долга¹⁰.

Злоупотребления же кабацких откупщиков были еще «круче». Например, в 1647 г. в Великом Новгороде откупщики кадашевец Ф. Савельев и местный бывший «пятико-нечный» староста 1645 г. Ф. Махотин «с товарищи» у новгородцев «дворы и лавки и анбары под заклад имали и под

платье и под ружье служилым и всяким людям питье давали и кабалы на пьяных людей имали». В связи с челобитьем новгородцев на откупщиков, последним по распоряжению из Москвы это делать было запрещено¹¹.

Иногда в отместку на произвол кабацкой администрации должники также шли на незаконные действия: составляли на целовальников «поклепные иски и угроживала всякою продажею» как это было в 20–40-х гг. в Устюге Великом, Вологде, Можайске и во многих других городах¹². Нам также известен факт, когда в 1639 г. в Устюге Великом бывшие кабацкие целовальники 1638 г. И. Романов и М. Обухов жаловались на своих бывших должников (на четверых человек), выбранных в окладные целовальники 1639 г. за то, что они «кладут их своим насильством в оклад вдвое и больши...»¹³. Как видим, отношения горожан на почве кабацких дел осложняли их жизнь и являлись источником бытовой и социальной напряженности на посадах.

Из всего сказанного о практике отдачи кабацкого питья в долг можно заключить, что первоначальные долговые памяти и записи, сводимые потом в росписи и книги в большинстве кабаков в части цифр долгов были искажены в сторону их завышения по инициативе целовальников или по команде голов. В этом заключалось специфическое своеобразие долговых кабацких документов. Поскольку они предназначались для сугубо служебного (внутреннего) пользования и не представлялись ежегодно в московские приказы для отчета (в Москву «верные» целовальники привозили вместе с деньгами только приходно-расходные книги, в которых иногда делалась отметка «из долгов донять столько»), то по мере «выбора» долгов уничтожались целовальниками. Нежелание последних оставлять свидетельства своего «корыстного творчества» и объясняется плохая сохранность этого вида кабацкой документации.

Второй своеобразной особенностью долговых документов являлось их деление на месячные, составленные по памятям и записям и сводные (годовые) росписи, что отражало процесс постепенного «сжатия» информации о составе и численности должников. К концу срока пребывания целовальника в должности с ним могли рассчитаться почти все должники в последней росписи могли фигурировать лишь несколько «стойких» неплательщиков (Обычно администрация кабаков старалась «разобраться» с должниками своими местными силами и не привлекать к этому делу (за редким исключением) московские приказы). Отсюда ясно, что информационная насыщенность месячных росписей была более емкой, чем годовых. На емкость информации источников влияли также местные условия и обстоятельства.

Росписи долговых «напойных» денег как месячные, так и годовые, состояли из следующих данных: имя и фамилия должника (иногда приводилось лишь одно имя), сумма его долга с указанием имени и фамилии поручителя за некоторых должников с упоминанием суммы, за которую он поручился, «чин» должника, специальность или должность, место, откуда он прибыл (для иногородних) и то же самое для «порутчиков», если они были. При взимании долговых денег фамилия должника вычеркивалась, а если он был не в состоянии расплатиться сам и у него были «порутчики», то его долг брался с них.

В нашем распоряжении находятся три росписи долговых «напойных» денег кабацкой администрации: 1) г. Белоозера 1626 г., 2) г. Ржевы Володимировой 1629 г. и 3) г. Вологды 1637 г.

Роспись долговым деньгам белозерского кабака имеет такой подзаголовок: «Лета 134 г. (1626 г.) октябрьские сютки (сутки) целовальника забрусные Якова Вешнякова на ком что взять за государево питье»¹⁴. Документ сохранился в подлиннике в составе белозерской приказной избы,

что свидетельствовало о том, что долговые деньги «правились» с помощью местных приказных людей, которым и была выдана роспись. Известно, что на кабаках при «верной» системе сбора, целовальники находились «по неделе переменяясь», т. е. регулярно меняясь со своим напарником¹⁵. Следовательно, записи одного стоечного (забрусного) целовальника, которые после сводились в роспись, охватывали только 2 недели каждого месяца. Поэтому назвать эту роспись месячной можно лишь условно. Целовальник «пьющей сковородошной избы» — так называлось одно из помещений белозерского кабака — располагался за стойкой (брусом), отделявшей его от посетителей. При нем находилось 15–20 ведер вина разного сорта и пива (в ведре вмещалось 12 кружек), которые он «мерным» ковшом разливал по чаркам, кружкам и сковородкам. Отметим, что чарка простого вина (самая мелкая доза) в зависимости от ее емкости и местных условий винокуренного производства стоила от 1 ден. до 1 гроша (4 ден.). Целовальник держал также при себе ящик («ларец») для денег, ящик для заложенной серебряной «кузни», а также бумагу для записи долгов за питье. Каждый месяц целовальник или кабацкий дьячок по этим записям (памятям) составлял роспись. Особенностью белозерской октябрьской росписи является то, что в ней фигурируют лишь имена городских должников, в основном посадских тяглецов. Возможно, это объясняется тем, что целовальнику запретили давать питье в долг окрестным крестьянам и иногородним из-за сложности взимания с них долга. Служилых же людей на Белоозере в то время насчитывалось немного — всего несколько пушкарей и розсыльщиков.

В белозерской росписи приведены имена 82 должников, из которых только у девяти были «поручики», причем, последние сами были должниками. Например, на Первутне Рулеве было записано в долг 7 алт. 2 ден., а за него ручал-

ся Михаил Попонин, который сам был должен 6 алт. За Ивана Басырыгина один раз ручался его брат Андрей в 4 ден., который сам был должен 2 алт., а второй раз Сысой Борисов тоже в 4 ден., который сам был должен 17 алт. 1 ден. Всего за порукой было «напойных» денег 1 р. 7 алт. 2 ден. Поскольку целовальник лично знал своих должников, то он иногда записывал лишь их имя или прозвище (Парша, Каша, Скобель и т. д.), иногда имя с должностью или со специальностью (Архип розсылщик, Нефед часовод, Гаврило, портной мастер, Янка кузнец и т. д.). В одном случае встретилась такая запись — «на бирюче 17 алт. 1 ден.», т. е. даже без упоминания имени, т. к. в городе был один глашатай и его все знали. Отметим также, что в числе должников названы два белозерских попа — Илья и Бажен. Они оба были безместными (бесприходными) попами. Интересна также следующая запись: «на мне, Артемке 2 ден.». Так мог написать только кабацкий дьячок, составляющий по записям целовальника месячную долговую роспись. Посещение кабака на Белоозере сделалось уже семейной традицией. Кроме упомянутых уже братьев Басарыгиных в росписи упомянуты братья Чмутовы и должник Кошва с сыном. Самый большой долг в апреле имел посадский человек Степан Чепыжников — 5 р. 16 алт. 4 ден., а самый минимальный — Нестор Аксеньев — 1 ден. Всего же в апреле белозерцы по нашему подсчету задолжали 17 р. 19 алт. 2 ден. Пять имен должников в росписи были вычеркнуты, что означало, что они со своими долгами расплатились. В течение года с «питухов правила» их долги по месячным росписям, а в конце срока службы целовальников составлялась годовая роспись должников, которые не выплатили за «напой».

Во Ржеве Володимирове в 1629 г. «напойная память на ржевских стрельцов», которую принес воеводе И. Л. Шевовскому «аицкий голова новоторжец п.ч. С. Голубятни-

ков по «государеву указу» новому воеводе князю Афонасию Козловскому предназначалась для сбора долговых денег с местных стрельцов в 1630 г. Эта память стала называться «рописью напойным долговым деньгам» и была выдана тому же С. Голубятникову новым воеводой¹⁶. Документ сохранился в списке среди дел Устюжской четверти, контролируровавшей поступление кабацких казенных денег. Отметим, что в городах других четвертей кабацкие доходы собирала с 1619 г. Новая четверть.

Таким образом, особенностью ржевской годовой росписи является то, что в ней фигурировали одни должники — стрельцы, которых насчитывалось 79 чел., не считая «поручиков», которых упомянуто 6 чел. Всего же стрельцов в городе насчитывалось в 1625 г. 200 чел., а посадских и бобыльских людей — 57 дворов¹⁷. Интерес представляет упоминание в росписи специальности некоторых стрельцов и их «поручиков» также из стрельцов. Среди них упомянуты самопальный мастер, бронник, кузнец, гончар, портной мастер и рудомет (кровопуск). Фамилии стрельцов также позволяют судить об их профессии, например, Кирпичников, Колпашников, Сковородецкой, Зеленщиков и др., но без 100% уверенности, поскольку фамилии (прозвища) и специальности не всегда совпадали. Тем не менее, можно предположить, что служебное жалованье «приборных» людей (хлебное и денежное) не обеспечивало содержание их семей и они вынуждены были заниматься сверх своей службы еще какой-либо работой. У некоторых должников прозвища связаны с местом их рождения или прежнего проживания, например, осташковец, новгородец, вязьмитин и т. д., что может свидетельствовать о мобильности населения. Самый большой долг за «напой» составлял 35 алт. 4 ден., а самый минимальный — 1 ден. Всего же стрельцы «напили» в долг на 27 р. 18 алт. 4 ден. Этих денег со стрельцов по «государеву указу править не велено», но ка-

бак было приказано «отставить», а кабацкое питье... и кабацкое всякие запасы, и суды медные, и железные, и деревянные, и всякой кабацкой завод, что на кабаке ни есть испродати...»¹⁸. (В 20-х гг. ржевский кабак «на вере» приносил доходу более 180 р. в год). Однако через несколько лет кабак был отдан на откуп, а в конце 40-х гг. во Ржеве Володимеровой функционировало уже 2 кабака¹⁹.

В отличие от ржевской росписи несколько больше сведений дает вологодская годовая роспись кабацких долговых денег от 1637 г. Она имеет такой заголовок «Список с росписи, какову подал в Новгородской чети дьяком думному М. Волошенинову да А. Иванову да М. Демидову вологодский таможенный и кабацкий голова М. Бутырин и А. Самохвалов с товарищи, что взять за государево кабацкое питье из долгов всяких чинов на людех, что не выбрано»²⁰. Очевидно, Новая четверть при затруднениях в сборе «недобранных» денег для содействия «подключила» Новгородскую четверть, где «ведалась» Вологда. Эта роспись сохранилась в списке среди дел Новгородской четверти.

В вологодской росписи названы кабацкие должники и «поручики» из числа посадских тяглецов, «приборных» служилых людей, представителей городской администрации, духовенства и др., а также крестьяне всех категорий Вологодского у. и иногородние люди. Отметим, что в Вологде было два кабака — большой и малый и роспись охватила всех «клиентов» — должников этих кабаков. Для наглядности приведем таблицу, характеризующую количественный состав контингента кабаков. В ней показано распределение должников по месту жительства, которые «напивали» в долг без порук и с поруками и распределение по месту жительства «поручиков».

Откуда	Должники		«Поручики»	Всего
	без порук	с поруками		
1 Горожане	13	10	23	46
2. Крестьяне Вологодского у	9	5	2	16
3 Иногородние	3	3	—	6
Итого	25	18	25	68

Как видно из таблицы, среди должников преобладали горожане, которых было 13 чел. «безпоручных» и 10 чел. «поручных», а всего 23 чел. Горожан-«поручиков» было также 23 чел., а всего горожан «должников и их поручиков» насчитывалось 46 чел. Среди «беспоручных» должников было 5 посадских тяглецов трех сороков: Богоявленского, Васильевского и Кирилловского (кузнец, свечник), два пушкаря, один «воротник», один розсыльщик, тюремный сторож разбойной тюрьмы, съезжей избы сторож, поваренный «ожега» (ярыжной кабацкой поварни) и безместный поп. Среди «поручных» должников также названы посадские тяглецы, пушкари, таможенные дрягили (грузчики), сторож губной избы и др. «Поручики» горожане также были представители разных сословий, причем некоторые из них — самые авторитетные люди — выступали «поручиками» за несколько человек. Так, вологодской избы подьячий Василий Яковлев ручался в «напойных» долговых деньгах за п.ч. Леонтьевского сорока Трофима Сысоева с. Незнамова в 18 алт. 2 ден., за борисоглебского дьякона Гаврила Епанишникова в его «напое» на 1 р. 22 алт. 4 ден. и за крестьянина (далее — кр.) боярина Г. И. Морозова села Фрязинова Вологодского у. Ваську Овчинникова в 30 алт Кабацкий ларешный целовальник Клим Матвеев ручался за иногородних должников — за стрелецкого сотника Архангельского города Г. Абрамова в 40 алт., за колмогорского

подъячего П. Степанова в 10 ден. и за нижегородца приказчика торгового человека Семена Задорина — Ивашку в 11 алт. 4 ден. Вологодский стрелец Гриша Яковлев, плотник ручался за помещичьего кр. деревни Рубцово И. Дмитриева в 30 алт. В качестве «поручиков» упомянуты также посадские тяглецы, стрельцы и пушкарри, которые ручались как за горожан, так и за крестьян в их напойных» деньгах.

Некоторые горожане представлены как «беспоручными», так и «поручными» должниками. Например, уже упомянутый «поручный» должник Т. Незнамов со своим братом Иваном представлен как «беспоручный» должник в 35 алт., «беспоручный» должник пушкарь Р. Поспелов с пушкарем И. Дубовым в 35 алт. упомянут в росписи как «поручный» должник, за которого ручались пушкарри И. Ананьин и М. Соколов в его долге в 11 алт. 4 ден. «Беспоручные» и «поручные» должники-крестьяне Вологодского у., которых насчитывалось 14 чел. были монастырскими (из пустыни Николы Угрешского монастыря), архиепископскими (Варварского монастыря), боярскими (Г. И. Морозова) и дворцовыми крестьянами. Среди крестьян-«поручиков» упомянут крестьянин Николо-Угрешского монастыря О. Забенкин, ручавшийся за п.ч. И. Незнамова в 11 алт. 4 ден. и крестьянин боярина Г. И. Морозова деревни Доронина В. Иванов, ручавшийся за своего зятя той же деревни П. Андреева в 11 алт. 4 ден., причем сам В. Иванов был должен за питье 23 алт. 2 ден.

Среди трех иногородних «беспоручных» должников упомянут калуженин Левка, «что рыбою свежую торгует» (35 алт.), москвитин гостиной сотни Дмитрий Резанов (2 р. 13 алт. 2 ден.) и москвитин Иван Пркофьев с. Быков (1 р.). Две последние фамилии в росписи зачеркнуты. Очевидно, эти должники заплатили свой долг в момент составления росписи. О «поручных» иногородних должниках речь шла выше.

Всего в вологодской росписи зафиксировано 43 должника, из которых было 25 «беспоручных» и 18 «поручных» и 25 «поручиков» (иногда за одного должника ручались два человека), а в общей сложности 68 чел. Горожане (46 чел.) составляли 68% должников и «поручиков» и их преобладание в городских кабаках было естественным. Со всех должников следовало «донят» 91 р. 29 алт. 2 ден. Максимальный долг за питье зафиксирован у вологодского розсыльщика В. Аристова — 3 р. 23 алт. 4 ден., а минимальный у сторожа разбойной тюрьмы — 4 ден. Источник проливает свет на связи города с округой в бытовом плане, когда посетители вологодских кабаков крестьяне и горожане взаимно ручались друг за друга в долговых деньгах и так же, как и белозерская роспись выявляет процесс вторжения кабака в частную жизнь горожан и крестьян. Кабак посещается семьями (братья, отец с сыном, сват с зятем). В росписи упомянут факт, когда мать ручалась за своего сына в его «напойном» долге. Так, вологодский дрягиль Бориско Мокин задолжал 1 р. 25 алт. — «порука в 11 алт. 4 ден. подымщика (тот же дрягиль) Добрынька Семенов, а в достальных деньгах порука мать ево». Все это свидетельствовало о том, что царские кабаки развращали народ, приучали его к порокам и грубым удовольствиям и влияли на его ментальность²¹.

Таким образом, изучение такого своеобразного вида кабацкой документации как росписи долговых «напойных» денег показало, что они могут служить источником сведений для изучения питейного предпринимательства (в сфере производства и продажи вина), для определения сословного статуса завсегдатаев кабаков, что невозможно установить по другим источникам, для выявления торговых связей города с уездной его округой, а также с соседними городами и уездами. Кроме того, по росписям можно судить о негативной роли кабаков в жизни городского и сельского населения.

На реальность этих отмеченных сведений не могла повлиять известная недостоверность цифровых данных о сумме долга каждого «питуха», т. к. редко кто из целовальников не давал волю своей корыстной фантазии, имея дело с пьяными посетителями кабака, которым и «приписывались» лишние долговые «напойные» деньги, попадавшие впоследствии отнюдь не в «государеву» казну. Случайно оказавшиеся в поле зрения московских приказов кабацкие «напойные» росписи представляли лишь крайне незначительную часть этого вида кабацкого делопроизводства вследствие незаинтересованности персонала кабаков в контроле его взаимоотношений с населением. Такая «автономность» действий администрации кабаков приводила к парадоксам ведения долговой документации, когда в ней содержались как достоверные, так и недостоверные сведения и когда при массовой практике составления различных долговых памятей, записей, росписей и книг они по объективным причинам («сжатие» информации), а также по субъективным («неправда» целовальников) уничтожались самим персоналом кабаков.

¹ РГАДА Ф 141. Приказные дела старых лет. 1650 г № 78. Л 229.

² Там же. 1630 г № 72. Л. 250.

³ Там же Ф. 137 Боярские и городовые книги Г. Устюг Великий. Кн 117 Л. 553.

⁴ Там же Кн 25. Л 195об

⁵ Там же Ф. 141 1638 г № 10. Л. 87.

⁶ Там же 1635 г № 11 Л 193

⁷ Там же 1649 г № 117 Л. 201.

⁸ Там же 1630 г № 22 Л 130

⁹ *Смирнов М. И.* Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия Н Новгород, 1913 С 72–74.

¹⁰ РГАДА Ф 141 1630 г. № 72 Л 249–250

- 11 Там же. Ф. 233. Печатный приказ Кн 673 Л 482
- 12 Там же. Ф. 137. Устюг Великий. Кн. 25. Л 561, 608; Ф. 141 1649 г. № 117. Л. 54–55.
- 13 Там же. Ф. 141. 1638 г. № 10. Л. 354.
- 14 Там же. Ф. 1107. Белозерская приказная изба. № 386 Л 1–3
- 15 Там же. Ф. 396 Столбцы Оружейной палаты № 39647 Л 112
- 16 Там же. Ф. 141 1633 г № 38 Л 125–133.
- 17 Там же. Ф 137 Разрядный приказ Кн 1 Л 1107, Ф. 1209 Поместный приказ. Кн. 456. Л. 84.
Там же. Ф. 141. 1630 г. № 72. Л. 247.
- 19 Там же. 1648 г. № 8. Л. 349.
- 20 Там же. 1649 г. № 117. Л. 93–100
- 21 *Булгаков М. Б.* О менталитете посадского сословия в XVII в. // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов научной конференции. М., 1994. С. 85

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О СЛЕДСТВИИ ПО ДЕЛУ В. В. ФЕРМОРА
(1758–1759 гг.)

Темой настоящей публикации являются события малоизвестные не только любителям истории, но даже и тем историкам, которые непосредственно занимаются историей Семилетней войны. Военные действия, которые вела Россия в ту войну, изучены достаточно подробно. В трудах дореволюционных и советских историков¹ даны исчерпывающие сведения о численности и составе войск, о маршрутах и датах движения, о трофеях и потерях. Все эти факты можно было установить по материалам военных архивов.

Однако у войны, как и во всяком деле, кроме внешних и очевидных вещей существуют скрытые факторы, которые часто бывает трудно выявить по рапортам, приказам и ведомостям, но которые оказывают важное влияние на результат событий. Эти факторы — качества военных руководителей и отношения между руководителями. Данные предметы являются одними из самых трудных для изучения, поскольку часто очень трудно обнаружить прямые свидетельства.

Более внимательное документальное изучение обстоятельств и событий позволяет уточнить трактовку некоторых общих и частных моментов, связанных с руководством российской армией.

Началом Семилетней войны принято считать объявление Англией войны Франции в мае 1756 г. В Европе давно назревал конфликт, вызванный авантюристической политикой прусского короля Фридриха II, который присоединил к своим владениям австрийскую Силезию и вынашивал планы новых завоеваний. Поддержка Фридрихом Англии,

оформленная в договор о защите ганноверских владений английского короля, привела Францию к охлаждению прежде добрых отношений с Пруссией. Быстро сложилась антипрусская коалиция из Австрии, Франции, Саксонии, Польши, России и Швеции, которая угрожала Пруссии войной на четыре фронта. Прусский король не стал дожидаться нападения, а напал первый сам на Саксонию, заставил капитулировать саксонскую армию, разбил шедший на помощь саксонцам австрийский корпус². Австрия обратилась к России с призывом начать военные действия.

Россия с конца 40-х гг. вынашивала планы «усмирения прусского короля», политика которого угрожала целостности России³. За эти годы российское правительство провело ряд мероприятий по укреплению финансов и армии. Еще в марте 1756 г. при императрице Елизавете Петровне, которой в значительной степени принадлежала инициатива войны, был создан постоянно действующий совет из высших руководителей иностранного и военных ведомств, который, исполняя волю императрицы, должен был координировать мероприятия по подготовке и ведению войны с Пруссией⁴. Этот совет получил официальное название Конференции при дворе ее императорского величества. Императрица контролировала деятельность Конференции, уточняя и утверждая решения по важнейшим вопросам.

Конференция была высшим распорядительным и планирующим органом по мероприятиям в военной, экономической, внешнеполитической областях, призванных обеспечить успех военных действий против Пруссии. В задачи Конференции входили также рекомендации на должность главнокомандующих зарубежной армии и контроль за их деятельностью. Каждый член Конференции (а также и главнокомандующий), руководя своим ведомством, в своих действиях должен был исходить из указов императрицы или решения собрания.

В русской зарубежной армии за пять лет военных действий сменилось четыре главнокомандующих — С. Ф. Апраксин, В. В. Фермор, П. С. Салтыков и А. Б. Бутурлин. Это были высшие военные руководители, которые были призваны принести победу. Однако не принесли. Тому были разные причины. Немалую роль сыграли и субъективные причины — то есть личные качества командующих и отношения их с Конференцией.

Характерно, что став главнокомандующими, все они начинали вести себя совершенно независимо от решений и рекомендаций Конференции. Это хорошо видно при внимательном чтении материалов, собранных в фонде Конференции⁵.

Причиной бесславности первой кампании 1757 г. было то, что первый командующий, генерал-фельдмаршал Апраксин, был более царедворцем, чем полководцем. Он, будучи уверенным в истинности слухов, что императрица умирает, и что неизбежна перемена политики в связи с воцарением Петра Федоровича, который хотел быть Фридриху другом, поспешил возвратить войска, одержавшие было победу при Гросс-Егерсдорфе. Императрица выздоровела, а Апраксин был арестован и умер в период следствия от огорчений.

Генерал-аншеф Фермор, сменивший Апраксина на посту главнокомандующего, в короткую зимнюю кампанию овладел Кенигсбергом и всей Восточной Пруссией. Он не был царедворцем, его не интересовали настроения при дворе, — он делал порученное дело так, как считал нужным. Проверкой его полководческих способностей и личных качеств явилась летняя кампания 1758 г. Ослабленная в ходе сражения при Цорндорфе российская армия не могла выполнить поставленных целей и возвратилась на прежние зимние квартиры. Конференция получила сведения о непорядках в армии и учинила расследование. Фермор был

смещен с поста главнокомандующего. Подробнее о расследовании будет рассказано ниже.

Накануне кампании 1759 г. командующим армии был назначен генерал-аншеф Салтыков. Открытый и добродушный, он скоро завоевал симпатии в армии. Умело руководя армией, он уже в самом начале кампании одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе. Однако он не смог согласовать свои действия с командованием союзной австрийской армии. Время было потеряно, Фридрих восстановил свои силы, важность побед в значительной степени была обесценена. Настороженное отношение австрийцев к Салтыкову не позволило успешно действовать объединенными силами в Силезии, что определило безрезультатность кампании 1760 г. Салтыков заболел от расстройства и стал просить об отставке. Полным провалом закончилась десантная операция у Кольберга. Взятие и обложение контрибуцией Берлина в конце 1760 г. (уже без участия Салтыкова) явились слабым утешением для Конференции и императрицы.

На место Салтыкова был назначен новый начальник, генерал-фельдмаршал и член Конференции А. Б. Бутурлин. Безынициативный и опасливый, он безрезультатно путешествовал с армией по Силезии, избегая решительных столкновений с прусской армией. Ослабленный Фридрих также уже не стремился померяться силами с русской армией. В конце 1761 г. Кольберг был все-таки взят усилиями отдельного корпуса П. А. Румянцева. Казалось, что победоносное окончание войны не за горами, однако конец войны положили не победы, а смерть императрицы Елизаветы Петровны. Восшедший на престол Петр Федорович в одностороннем порядке прекратил войну, отказавшись от плодов всех побед.

Такова краткая история участия России в Семилетней войне. Несмотря ни на что, следует, однако, отметить два важных итога этой войны. Во-первых, то, что первоначаль-

но поставленная задача была выполнена — Пруссия была ослаблена и ни в военном, ни в дипломатическом отношении в течение века не угрожала России. Во-вторых, практический опыт, накопленный в армии, и теоретический — в Конференции стал стимулом для повышения боеспособности армии и залогом ее будущих побед.

В Конференции были собраны документальные и картографические материалы, которые положили начало так называемому Военно-ученому архиву. Опыт участия в войне обогатил и развил военные таланты будущих блестящих российских полководцев П. А. Румянцева и А. В. Суворова.

Перейдем теперь к более подробной характеристике событий и персонажей, непосредственно связанных с темой данной публикации.

Вилим (Уильям) Вилимович Фермор⁶ родился в 1702 г. в семье выходца из Англии. Свою службу он начал в 1720 г. с чина бомбардира. Отличные способности позволили ему успешно продвигаться по служебной лестнице.

Участвовал в четырех войнах: в так называемой войне за польское наследство (1734 г.), в русско-турецкой (1735–1739 гг.), русско-шведской (1741–1742 гг.) и в Семилетней войне против Пруссии (1756–1762 гг.). Показал себя смелым, хладнокровным, находчивым и исполнительным офицером.

Способности Фермора были замечены фельдмаршалом Минихом, который в 1733 г. сделал его своим адъютантом. Под началом Миниха Фермор воевал в Польше, ходил в военные походы в Крым и Молдавию. Турецкую войну закончил генерал-квартирмейстером. Без сомнения, военная школа Миниха имела важное значение для становления Фермора как военачальника. Однако Фермор воспринял у Миниха как необходимые и ряд не совсем положительных свойств. Как Миних, Фермор не жалел солдат, не прислу-

шивался к мнениям подчиненных, но требовал их безоговорочного подчинения.

Фермор любил войну и себя в войне. С началом войны со Швецией отпросился в действующую армию, отличился под Вильманстрандом, был отмечен орденом Александра Невского.

В мирное время между войнами Фермор, имевший талант организатора и инженера, руководил разного рода инженерно-строительными работами. При Елизавете Петровне руководил строительством дороги между Санкт-Петербургом и Москвой, занимался межеванием Ингерманландии, был командиром придворной Канцелярии от строевых, а также был привлечен П. И. Шуваловым к руководству Межевой канцелярией. В 1755 г. ему пожалован чин полного генерала.

С началом боевых действий против Пруссии вновь отпросился в действующую армию, командовал корпусом, затем был назначен главнокомандующим. Был близок к славе полководца. После победной релянции о Цорндорфском сражении, он был сгоряча награжден орденом Андрея Первозванного. После расследования причин безрезультатности кампании 1758 г., которое выявило недостатки его руководства, он был отстранен от командования. Оставался в действующей армии, командовал дивизией до конца войны. В его штабе служил А. В. Суворов.

После войны руководил сенатской комиссией о соляных и винных доходах, был сенатором, генерал-губернатором. В отставке с 1768 г. Умер в 1771 г.

Согласно плану, составленному в Конференции⁷, военные действия летней кампании 1758 г. должны были вестись следующим образом. Части основной армии, расквартированной на р. Висле, начинали неспешное движение через Польшу, чтобы дать время для подхода и соединения частей обсервационного корпуса из России. После соедине-

ния армия должна достичь Познани и начать вторжение на территорию Бранденбурга в районе Франкфурта-на-Одере. Считалось, что главные силы Фридриха II увязли в Богемии, и у него не будет возможности помешать русской армии закрепиться на правобережье Одера, блокировать крепость Кюстрин, совершить «вправо» и «влево» походы отдельных отрядов для обложения немецких земель контрибуцией и, в конечном итоге, остаться на Одере на зимние квартиры. Предполагалось ослабить военные силы прусского короля уничтожением небольших сил противника и подрывом базы материальных и рекрутских ресурсов.

Российская армия Фермора выступила в поход в начале мая 1758 г. Фридрих начал свою кампанию раньше, взяв в апреле австрийскую крепость Швейдниц.

Еще зимой 1758 г., когда российская армия находилась в Восточной Пруссии, между главнокомандующим Фермором и генералом Ю. Ю. Броуном возник конфликт по поводу руководства войсками и отношения к прусскому населению. Жесткий и оскорбительный тон выговоров Фермора на представления заставил Броуна подать прошение о переводе из зарубежной армии⁸. Конференция смягчила конфликт тем, что назначила Броуна командовать отдельным наблюдательным корпусом. Однако, без сомнения, этот конфликт расколол командный состав армии, что подорвало в ее руководстве стремление к сотрудничеству.

Конференция полностью доверяла командующему, и всю информацию о движении и состоянии дел в армии в столице получали исключительно от Фермора. Таким образом, информирование о действиях армии Конференции было полностью в руках Фермора.

С удалением армии от России и приближением ее к Бранденбургу Фермор все меньше считался с настояниями Конференции, но все больше опасался прусских войск. Уже в Познани, несмотря на все уговоры и даже требования

Конференции, он медлил со вступлением в земли противника, а позднее вместо запланированного движения в сторону Франфурта и Глогау направляет армию к северу — на Кюстрин⁹. В Конференции недоумевали и даже были недовольны, но ничего не могли поделать и вынуждены были апробировать принятые Фермором решения.

Утверждения, что Конференция пыталась контролировать малейшие движения войск и тем мешала командующему, едва ли можно признать справедливыми¹⁰. Донесения шли в Петербург около двух недель поэтому Фермор мог получить ответ на свои сообщения лишь через месяц. Оперативные распоряжения просто не были возможны. Конференция могла делать лишь общие рекомендации и гадать о возможных событиях, полностью положившись на полководческие таланты командующего. Конференция и сама прекрасно сознавала ограниченность своих возможностей¹¹.

В конце июля Фермор расположился лагерем близ Кюстрина и подверг его артиллерийскому обстрелу. Понимая, что без крупной артиллерии крепости не взять, он все же приказал блокировать ее. Вблизи от главной армии был размещен недавно подошедший наблюдательный корпус, совершенно измученный и оставивший, чтобы быстрее соединиться с главной армией, половину своей артиллерии и зарядов к ней. Фермор приказал навести мост через Одер, чтобы переправить войска и двинуть их на соединение с австрийскими войсками Дауна. Не ожидая нападения, он командировал вниз по течению Одера дивизию Румянцева, чтобы тем помешать возможной переправе прусской армии у Шведта. Однако совершенно неожиданно для Фермора появились прусские войска.

Сражение 14 августа при Цорндорфе стало испытанием полководческих талантов Фермора. Кровавопролитный бой длился весь день и продолжался даже ночью. Российская армия, хотя численно и превосходила прусскую, была пре-

доставлена самой себе. Фермор по какой-то причине покинул место боя еще в самом начале. Инициатива полностью принадлежала Фридриху, русские защищались. Спасло российскую армию от поражения лишь ее отчаянное сопротивление и стойкость. Однако потери русской армии были значительны. Армия Фридриха также понесла большие потери, которые не позволили пруссакам вновь атаковать русских.

Фермор собрал то, что мог собрать, и организованно покинул место боя. То, что он не был разбит, позволило ему отослать реляцию о своей победе.

Победная реляция была получена в Конференции 26 августа¹². Было назначено всенародное празднование с чтением реляции в храмах, молебном и пушечной пальбой. Однако вскоре по столице поползли противоречивые слухи. Берлинские газеты писали о поражении русских, о пленных и о больших трофеях. Конференция потребовала у Фермора подробностей сражения: сколько убитых и тяжелораненых, сколько потеряно денег, пушек и знамен и т. д., планы и описания боя¹³. В рескриптах Конференции стали проскальзывать иронические ноты.

Однако Фермор не спешил давать ответы на все вопросы. Конференция томила в неизвестности. Рескрипты главнокомандующему, в которых было немало надежд, домыслов и радужных планов, показывают искаженное восприятие ситуации.

Между тем Фермор отвел российскую армию в безопасные места в Померании, отрядил корпус Пальменбаха для осады Кольберга, которая оказалась неудачной. Конференция еще лелеяла надежду на то, что армия будет оставлена на зимние квартиры хотя бы в Померании. Эта надежда была перечеркнута Фермором в начале ноября, когда он прислал Конференции реляцию о решении возвращаться на прежние зимние квартиры на р. Вислу. В декабре армия возвратилась, кампания 1758 г. была закончена.

Для Конференции настало время осмысления проведенной кампании, восстановления сил и составления планов новой кампании. Вместе с тем вскрывались факты, которые отражали недостатки оперативного руководства.

В ноябре в Тайную канцелярию¹⁴ был доставлен гусарский бригадир Михаил Стоянов, который был участником Цорндорфского сражения и которому ставилось в вину оскорбление главнокомандующего и желание сдаться в прусский плен. Расследование, проведенное начальником канцелярии и членом Конференции генералом Александром Ивановичем Шуваловым, не столько показало вину Стоянова, сколько дало пищу для подозрений в отношении главнокомандующего Фермора.

Императрице были поданы показания Стоянова, основу которых составил его рассказ о Цорндорфском сражении и последующих днях после сражения. Этот интересный документ, кратко и не до конца пересказанный С. М. Соловьевым в «Истории России...»¹⁵, заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью (см. документ № 1). Рассказ М. Стоянова дополняет традиционные описания сражения у Цорндорфа.

М. Стоянов был признан невиновным и направлен обратно в армию. Подозрения же в отношении Фермора укрепились еще больше.

11 января 1759 г. по указу е.и.в. в Петербург был вызван В. Фермор¹⁶. Масловский выдвигает догадку¹⁷, что этот вызов был связан с предстоящим обсуждением плана новой кампании. Однако последующие события заставляют в этом усомниться. В тот же день Конференция решает настоять об отзыве австрийского наблюдателя в русской армии генерала Сен-Андре. Причиной тому послужили его критические отзывы своему правительству о боеспособности русской армии и о распоряжениях Конференции, которые якобы связывали руки главнокомандующему¹⁸. Такая

именно оценка Конференции сохраняется в исторической литературе¹⁹ уже более двухсот лет, и теперь мы знаем, кто ее автор.

18 января 1759 г. по указу е.и.в. Конференция отправляет в зарубежную армию генерала-поручика и члена Военной коллегии И. И. Костюрина и дает ему ряд поручений. Кстати, на сестре Костюрина был женат А. И. Шувалов. Поручения сводились к двум задачам²⁰. Во-первых, Костюрин должен был втайне от Фермора собрать сведения о Цорндорфской баталии. Он должен был вручить циркулярные письма с вопросами генералам, собрать их письменные свидетельства и переслать в столицу. Вторая задача сводилась к поездке по местам расположения армии с целью изучения ее состояния, снабжения, вооружения и пр. Отдельно Костюрин должен был выяснить, нет ли разногласий среди генералов и как генералы и армия относятся к Фермору.

Фермор был вызван не для составления плана предстоящей кампании. План военных действий на 1759 г. к тому времени, когда в середине февраля в Петербург приехал Фермор, в основном уже был составлен²¹. Ему еще 1 февраля Конференция указала возвратиться в армию²², но командующий продолжил путь в столицу в надежде лично объясниться перед императрицей. Кстати, в тот же день, 1 февраля, Конференция по указу императрицы распорядилась об аресте пастора Теге²³, который более года сопровождал Фермора в походе и был заподозрен в шпионаже. Тучи над головой командующего сгущались все больше и больше.

11 февраля императрица повелела Конференции взять письменное объяснение от Фермора на «все то, в чем донны е.и.в. и Конференция причину имела недовольной быть, как в рассуждении не всегдашнего исполнения здешних указов, так и произведения всей кампании генерально, а последней баталии особливо»²⁴. Были составлены опросные

пункты. 25 февраля Фермор дал на них ответы (см. документ № 2). Эти ответы являются интереснейшим свидетельством о всей кампании 1758 г. В тот же день Фермор был отослан к армии.

Недостаток фактов не позволил Конференции осудить Фермора за неудачи кампании. В Конференции ждали результатов следствия по делу пастора Теге и приезда из армии генерала-поручика Ивана Костюрина. Известно, что допросы пастора не дали ничего, что скомпрометировало бы Фермора.

14 апреля перед собранием Конференции выступил возвратившийся Костюрин. Его рапорт опубликован в «Архиве князя Воронцова» и на него ссылаются многие исследователи²⁵. Однако эти исследователи сделали бы более точные выводы, если бы знали словесный отчет Костюрина и доклад Конференции для императрицы, составленный на основе этого отчета (см. док. № 3), с рекомендацией назначить на пост главнокомандующего русского генерала.

6 мая Конференция составила записку в доклад императрице. В ней было обращено внимание на новые, недавно вскрывшиеся промахи Фермора. В частности, говорилось о том, что когда после Цорндорфа на Вислу привезли 12 тысяч раненных, Фермор отменил распоряжение о сборе для них с местных обывателей постелей и велел купить для них мешки и набить соломой²⁶.

Это явилось последней каплей. 8 мая императрица указала назначить командующим Петра Семеновича Салтыкова. 19 мая Салтыкову был дан напутственный рескрипт от Конференции. В нем было указано оставить Фермора в армии, дав ему в командование одну из дивизий²⁷. До конца войны Конференция не могла ни избавиться от подозрений в отношении Фермора, ни переменить того мнения, что на большее, чем командовать корпусом, Фермор не способен.

Публикуемые документы различаются по характеру и по происхождению. Объединяет их то, что они весьма содер­жательно отражают ход кампании 1758 г., основным со­бытием которой являлось Цорндорфское сражение, а также деятельность генерала Фермора на посту командующего армией. Бесспорно, эти документы расширят и углубят на­ши представления о событиях Семилетней войны.

Российская армия под предводительством Фермора прошла в 1758 г. долгий и тяжелый путь по Восточной Ев­ропе, понесла ощутимые потери и возвратилась в исходную точку, так и не выполнив поставленных задач. Некоторые историки поспешили объяснить безрезультатность похода бездарностью командующего. Пожалуй, такое объяснение слишком упрощено.

Фермор не был бездарным — он успешно провел зим­нюю кампанию в Восточной Пруссии, не потерял армию в столкновении с прусским королем Фридрихом II, который в свою очередь показал себя блестящим полководцем. Для характеристики полководческих принципов Фермора, по­жалуй, более всего подходит слово «правильный». Фермор умел правильно вести осаду, правильно снабжать и водить войска, строить их в походный или боевой порядок и т.д., а также правильно держать ответ за свои действия. Однако одолеть Фридриха и успешно провести кампанию мог толь­ко полководец инициативный, изобретательный, дерзкий и вместе с тем расчетливый, то есть полководец гениальный. Фермор гениальным не был. И это не было той виной, за которую его можно было судить.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Протокол показаний бригадира
М. Стоянова на допросе в Тайной
канцелярии

28 октября 1758 г.

1758 г. октября 28 дня присланной от армии бригадир Стоянов генерал-аншефом и разных орденов кавалером графом Александр Шуваловым против показания на него от поляка Казановского спрашиван.

И оный Стоянов сказал, поляка Казановского так, как волунтера при себе имел по рекомендации находящегося при графе Ферморе в свите поляка, а фамилии не упомнит, и ассесора Веселицкого, да и граф Фермор неоднократно того Казановского видел. И, уповательно, что он с ним и говаривал означенному Казановскому слова такие: «Ви-дишь, что зделалось — лютеран, генерал командующей, армию поставил под ветер и всю погубил. И только б, ко-гда время пришло, съехался б с ним и застрелил», — гово-рил ли, не упомнит. Но только такой злобы на графа Фер-мора не имел и никогда умертвить или вред зделать наме-рения не имел и не имеет.

А естли б имел такое намерение, то б он нижеследую-щим образом в самой день сражения того Фермора от не-приятеля усильно не отбивал. Потому, как неприятель стал нашу армию обходить, то приказано было ему неприятеля с Сербским гусарским полком атаковать, что он и чинил, и был в самом неприятельском фрунте. Но от превосходящей неприятельской силы, а паче что гусарския лошади весьма были от разных раскомандованей изнурены, принужден был с гусарами, потеряя несколько человек, прийтить на-шей армии на правой фланг.

А потом, как неприятель стал нападать на левой фланг нашей армии, то паки приказано ему атаковать с Хорвартовым* полком неприятельскую артиллерию, что он и чинил. Даже до того времени, как началась генеральная баталия и неприятельские полки с нашими в сражение вступили, то он, Стоянов, был на левом фланге. Как же неприятель усилился — фронт наш збили, и сперва правой фланг пошел на ретираду, а потом и вся армия по несколько сражении пошла к лесу. И на месте баталии никого не осталось.

То и он, Стоянов, принял ретираду, и как приехал к лесу, то в то самое время усмотрел, что генерала Фермора окружили неприятельские гусары и керасиры, коих с малым числом имевших при нем гусар неприятелей отогнал и Фермора (коего, конечно, или б убили или б же в полон взяли) оборонил. И Фермор, увидя его, приказал, чтоб он от него не отставал, где он и был. Но как в то самое место, где стоял Фермор и он, великое множество прибежало казаков и гусар, от чего Фермор отъехал от того места прочь, а он за теснотою и что великая была пыль и дым из глас его выпустил и, думая, что он поехал на место баталии, поехал туда, где стояло правое крыло.

Но как приехал на то место, то увидел, что неприятельские гусары напали на наш Комисариат, то он оных разогнал и нескольких порубил. И потом поехал вдоль плаца, где баталия была, где увидел генерала-майора Панина** и бывших с ним подполковника Транзя, полковника гусарского и других штап- и обер-офицеров. И увидя его, Панин, держась за живот, говорил, что он жестоко ранен и брегада моя вся пропала. И для того б он сыскал ему место, где б перевезать рану. И он, Стоянов, сожалел того

* Т. е. с Сербским полком, сформированным генералом-майором И. Хорватом.

** Панин Петр Иванович, родной брат дипломата Н. И. Панина.

Панина, (думая, что он тяжело ранен), отвес его в деревню, которая была поблизости правого нашего фланга. Как же приехали к той деревне, (то было уже пополудни в шесть часов), то намерен был, оставя его в той деревне, ехать искать паки Фермора.

Но оной Панин говорил ему, что тут остаться опасно от неприятеля, и он, Стоянов, осердясь, что Панин тут не остается и чрез то отнимает способ сыскать Фермора так же и в единой смех, сказал тому Панину: «Куда мне с тобою деваться? Так поедем в Кистрин»*. И потом поехали, будучи он, Стоянов, в том намерении, чтоб найти оставленной обоз и там оставить того Панина, где перевезать могли ему рану.

Как же ехали дорогою, а стало уже наступать ночь, то Панин спросил его: «Куда ж мы едем?» — то он в смех же отвечивал: «В Кистрин». И Панин на то сказал: «Теперь в Кистрин ехать поздно, а лучше поедем в лес». И он, Стоянов, говорил: «В лесу быть худо — на нас как наедут мужики, то нас палками побьют». И Панин сказал: «Вот де есть трубач». И он, Стоянов, в единой же только смех, сказал: «Пушай, поезжай, трубач**, вперед к Кистрину и скажи, что едут генерал Панин и бригадир Стоянов».

А подлинного ж намерения в Кистрин иттить он не имел. И между оными разговорами приехали к нашему обозу. Как же он ехал со объявленными людьми, то в лесу взял в полон одного ундер-офицера и четырех человек рядовых. А как приехал к обозу, то уже было весьма темно, зачем и обратно ехать было нельзя, где и ночевал. А как приехали к обозу, то велел Панин перевезать рану, а при перевяске усмотрел он, что та рана явилась весьма легка и на брюхе так, как бы оцараплено.

* Т. е. в крепость Кюстрин сдаваться.

** Трубач сопровождал парламентаров и при сдаче в плен.

А поутру на другой день поехал к армии, и как приехал, то, увидя его, Фермор, сидя в коляске спросил, ...для чего он от него отстал?... На что он ему сказал, что он принужден был отстать от пыли и от дыму.

После того ж дня и вся армия пришла к объявленному обозу. А как наша армия туда пришла, то и неприятель своею армеею туда ж приблизился. И тогда граф Фермор посылал его, Стоянова, учреждать пикеты, что он и исполнял и неприятельские пикеты до самого лагеря прогонял. А на четвертой день после баталии чинил он с неприятелем еще сражение.

Едучи в пути, как его сажали на пакетбот, двоекратно государево слово и дело сказывал, для того чтобы спасти живот свой, ибо он от морских штурмов был весьма болен и просил, чтоб хотя на его коште вести и скованного сухим путем.

При сем же он объявляет, что как неприятель усиленно на нашу армию наступил и фрунту уже не стало, а ретировались в лес, то солдаты оборонялись почти собою. А генералитет и штап- и обер-офицеры побежали чрез лес, болото и чрез реку, где многие на той стороны реки, также и плывущих по реке, били мужики. А и иных брали в полон, другие ж бежали в корпус к Румянцову*.

Как же миновалась уже из мелкаго ружья стрельба, то неприятель стал строить свой фронт. И тогда стали кричать, что неприятель побежал, то солдатство сами собою без генералитета и штап-офицеров выходили из лесу и становились на месте баталии.

* Положение русской армии было бы гораздо легче, если бы Румянцев привел свой конный корпус на соединение с главной армией Фермора. Время позволяло это сделать. Но по каким-то причинам Румянцев не захотел или не смог сделать этого, хотя и слышал артиллерийскую канонаду сражения. Его даже упрекали в трусости (см.: Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 428).

Во время ж баталии в лесу, куда солдатство бежало, было множество бочек вина, отчего солдаты были пьяны и между собою дрались. Как же пришла армия к обозу, то не токмо того дня, но и после того чрез три, а иные чрез два дни генералитет весь не собран был. В том числе генерал-поручик князь Голицын*, брегадир Гаугребен** к обозу приехали в четвертый день, а были у Румянцова.

А о том, что оне у Румянцова были, сведал он, Стоянов, потому, в шестой день после баталии, увидя он казацкого полковника Дячкина, спросил: «Для чего он с казаками не пришел на сикурс?*** Вам бы можно приехать чрез три часа». И оной Дячкин говорил, мы де слышали, как у вас не только нс пушек, но из мелкого ружья стрельбу, и мы де просились у Румянцова, только он нас не пустил.

А как приехали к нам от вас генерал-поручик князь Голицын, брегадир Гаугребен, (полковник Черепов), а также множество штап- и обер-офицеров и по приезде сказали Румянцову, что наша армия вся пропала. И граф Румянцов, услыша оное, приказал корпусу следовать от того места еще далее от армии. И ежели б де не прислали ордера, то б мы, уповательно, следовать стали даже до Вислы. Да об оном же Голицыне и о протчих так же. Что у Румянцова он видел ассесора Веселицкова, сказывал венгерского гусарского полку секунд-майор Маламар во время его ареста.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1832. Л. 33–36.

* Голицын Александр Михайлович, командовал пехотными полками левого фланга.

** Гаугребен командовал конницей на правом фланге из драгун и конногренадеров. При первой атаке пруссаков обратил в бегство пехоту Мантейфеля.

*** Т. е. на помощь.

Записка В. В. Фермора с ответами
на опросные пункты Конференции

25 февраля 1759 г.

1. По плану операций на прошедшую кампанию велено с армиею вашего императорского величества по переходе по мосту при Мариенвердере чрез речку Вислу в поход вступить, почему в половине мая месяца, как скоро трава показалась, первая и вторая дивизии при Мариенвердере, а третья при Таруни, перешед реку Вислу, во ожидании вновь сформированного корпуса, июня до первого числа от Вислы не отдалялись. А по недостатку конского корму, как то войско на одном месте долго простоять не может, и чтоб приготовленный к походу провиант на июнь месяц до города Познани не изошел, армия, — следуя со обыкновенными ратаями до Познани, куда прибыв, получен рапорт, что сформированный корпус к Торуне прибыл и что за усталостью лошадей к соединению с армиею скоро в поход выступить не может, — дожидалась армия при Торуне до первых чисел июля. И старался как на армию, так и на сформированный корпус покушную рожь в муку перемолоть и в хлебы перепечь. А пред выступлением в дальнейший поход, хотя конница под командою генерал-лейтенанта графа Румянцова при Вронках и Обржицах по реке Варте находилась, однако уже великий недостаток в фураже показываться начал. И для того от Познани до Мезерич большими маршами следовали. А в Мезеричах принуждена паки армия за ожиданием сформированного корпуса, пока он в Парадиз-Клештер, которой от Мезерич в трех милях* расстоя-

* Польская миля составляла 10 верст, немецкая (или географическая) — 7 верст (см.: *Даль В.* Толковый словарь живаго русского языка. М., 1881. Т. 2. С. 327).

нием прибыл, простоять не менее десяти дней, о которых всех обстоятельствах о времени в резолюциях моих вашему императорскому величеству доносимо было.

2. При Торуне вновь сформированного корпуса артиллерия с ее снарядами половинное число оставлено по военному совету собранного того корпуса генералитета за усталостью и малоимением лошадей и о том в Конференцию вашему императорскому величеству репортовано, а ко мне в Познань только для ведома писано было. А и при главной армии взято только по сту выстрелов на каждое орудие за неприводом из России артиллерийских лошадей и ис Пруссии, хотя в артиллерию около тысячи лошадей ис купных в Пруссии и ис приводных из России подъемных придано, но более не доставало той артиллерии и ее снаряду и поднять. И уповаю, что о том в то время в Конференцию вашего величества донесено или в артиллерию писано было, только за неимением при мне здесь походной моей канцелярии, точно донести о том не могу. А подвозу вслед за армиею за неимением лошадей и по тракту корму учинить было невозможно.

3. Ко благоудачному покушению на Кистрин и по сожжению оногo продолжалась одна блокада и бомбардирование, пока вновь сформированный корпус от Ланзберха по отдохновении и снабдении себя провиантом к армии сблизится мог! Ибо прусская армия под командою генерал-поручика графа Дона, находясь за Одером, от Кистрина не далее полумили, по отступлении по намерению моему от Кистрина по реке Одере к Шведту, могла б по мосту чрез Кистрин в тыл за армиею проследовать или на сформированный корпус при Лансберге атаковать.

4. При переходе армия вашего императорского величества чрез реку Варту при Ланзберхе армия к пропитанию другога надежного способу не имела, как получить оное из Неймарка и Померании в силу высочайших рескриптов чрез

порядочное выписывание с имеющихся городов контрибуции!* К чему тотчас как в Зольдин, так и в Штаргард с командами штап-офицеры отправлены были. Токмо желанного успеху в том не предвидилось, пока знатная команда, которая б штеттинский гарнизон, кой в семи тысячах почитался, превосходить могла, туда отправалена не была! К тому ж для имения коммуникации с шведской армиею мост чрез реку Одер при Шведте за весьма важно пункт почитался и для того как для пропитания армии, так и для надежного удержания при Шведте чрез Одер-реку моста целая дивизия к тому и командирована, и пропитание без нужды имела! А от Кистринской блокады токмо в восьми милях находилась, почему и соединение с армией в два марша почиталось.

5. По реке Одери на нашей стороне по берегу не токмо казаками, гусарами, но и драгунами, которые для лутчаго довольствия под командою полковника Хомутова при деревнях лагерями стояли, непрестанные патрули имелись. И как скоро усмотрено, что чрез рукав мост починивать стали, то и оной полковник сам от меня с командою отправлен. А в подкрепление ему бригадир Уваров с тысячею человек пехоты и с пушками был отправлен же, токмо по скорому переправлению на судах неприятельских гусар и конницы воспрепятствовать не мог, и прибыл в ту ж ночь к армии обратно. А полковник Хомутов с командою ретировался к Шведту. А за прусским лагарем, который за Одером стоял, вседневно с высоких мест примечание было!

* Восклицательные знаки оставлены на тех местах, как они употреблены в тексте подлинника. Используя их, Фермор, видимо, хотел привлечь этим внимание к ключевым моментам или усилить значение сказанного.

6. О прибытии к корпусу графа Дона знатного сикурса от шленской* границы дни за три или за четыре, о чем за неимением моей канцелярии точно показать не могу, известия были. А о короле прусском двояко писали и сказывали, понеже цесарский** фельдмаршал Даун с сильной армиею короля прусского преследовал и письменно обнадеживал меня, что он по пятам за ним следует и из глас его не выпустит, почему и не бес сумнения было, чтоб король прусской, оставя Шлезию, так далеко от цесарской армии удалился. А напротив того, помышлялось, что пруссаки королевским присутствием хвастают и людей своих ободряют. А предосторожности принимаемы были посылкою из Лансберга к Франкфурту из легкого войска сильных партей.

7. Под командованием Дона корпус за Одер по известиям до самого Франкфурта не доходил, а стоял на половине дороги при местечке Лебус, откуда по сожжении Кистрина на третей или четвертый день х Кистрину на полмили обратно пришел и в виду от нашего лагеря находился. А решительная ведомость к переправлению чрез Одер короля прусского о наведении мостов и употреблении паромов к транспорту людей получена чрез поиманных на сей стороне прусских пленных августа 12 числа около полудень. А к препятствию ево переходу какие меры взяты, о том показано выше сего в пятом пункте.

8. При отступлении от Кистрина за краткостью и ночного времени военного совета содержано не было. По полученной ведомости, что король прусской с войском Одер переходит, тотчас призваны были командующие дивизиями генерал-поручик Салтыков*** и князь Голицын и на словах со оными было советовано, каким наилуччим тои же ночи

* Т е. силезской.

** Т е. австрийский.

*** Салтыков Иван.

все обозы под прикрытием 4000 человек и двух бригадиров к Грос-Камину, который на пути к Лансбергу подле Варты лежит, отправить. Артиллерию из блокады без урону людей тихим образом вывести и на рассвете со всей армией [выйти] из лагиря под Кистрином, которой для выгоды солдатству и защиты от солнечных жаров в лесу имелся, выступить на чистые места для соединения как с обсервационным корпусом, так и с третьей дивизией. Чего для и нарочные курьеры как к генералу Броуну*, так и к графу Румянцову от меня отправлены. Почему генерал Броун на другой день около полудень с армией и соединился. А посланной к графу Румянцову неприятелем не пропущен.

9. Как выше в восьмом пункте показано, армия на рассвете от Кистрина выступила, проходя лес пещаными дорогами, перешед блиско шести верст, от жаров утомилась, а о неприятельском приближении еще никаких подлинных ведомостей не было. И для того велено от меня, не дошед деревни Цорндорфа по близости воды и лесу занять лагерь для отдохновения людям во ожидании генерала Броуна. А х Камину** с армиею я по военным резонам за обозами не следовал, дабы не подать солдатству повод, что, не видя еще неприятеля, тем же путем, которым пришли, ретируемся. А для баталии местоположение при Камине, по собственному моему осмотру, как к Кистрину следовали, неудобно, что одна гора другую пушечною пальбою командует. А ежели б неприятель, видя, что с ним дело иметь не хотим, или бы в том своего авантажу*** не предусмотрел, то б позицию своею армию коммуникацию легко с Ландсбер-

* Ю. Ю. Броун командовал обсервационным корпусом. Был при Цорндорфе на левом фланге. Во время сражения, как писал Малословский, Броун получил семнадцать сабельных ран.

** Т. е. к Грос-Камину.

*** Т. е. преимущества.

гом нам отрезать и тем бы нашу армию пропитания лишить бы мог. А занятие при Цорндорфе лагяря и осмотр ближнее околичности за отбытием генерала-квартирмейстера Штофеля учинен генерал-квартирмейстером лейтенантом Ирманом.

10. Осмотр лесу и топи, х которому армия накануне баталии стояла фронтом, был, и потому после сражения с неприятельским авангардом, где переходы чрез болоты были, к амт Кварчен* и к деревне Куцдорф и Нейдорф поставлены были пехотные команды с пушками.

11. Чтoб с армиею отступить или другое положение взять ни от кого мне представления не было. А по окончанию канун баталии авангардом сражения на правом крыле, где сформированный корпус тогда стоял, по соглашению с генералом Броуном и генерал-лейтенантом графом Чернышевым** той же ночи переменена позиция армии и приняты сформированным корпусом все надобные для лучшего действия артиллерии в авантаж наш высоты. А главная армия к тому корпусу примкнула, и на рассвете по тому ж от меня по положению способного места главная армия построена была. А полевой артиллерии большая часть перевезена и со всем вторая линия первую учреждена и перед батареями реданты*** тот час поделаны были.

12. Генеральная диспозиция о баталии заблаговременно мною и господином генералом Броуном сочинена и полученным рескриптом из Конфиренции вашего императорского величества апробована, о которой весь генералитет и полковники сведомы были. А ротным командирам сообщено, что до их сведения принадлежит, по чему каждой бригадной командир и поступать был должен. А в случае не-

* Видимо, имелась в виду д.Картшен.

** Чернышев Захар Григорьевич, был взят в плен при Цорндорфе

*** Т. е. редуты, земляные укрепления

счастья армии о ретираде никому по военному резону не объявлено, чтоб какой робости не оказать. А довольно всякой приметить мог, что ретирада не в другое место быть может, куда обоз отпущен был, и пропитание свое армия из Пруссии чрез Ландсберг получать имела. А чтоб, в силу плана операций, на главную баталию до соединения со всеми силами, или где б неприятель выгодность свою имел, отнюдь не поступать, в том бы я по моей рабской должности исполнить не оставил, ежели бы от такого азартного неприятеля, который своими поспешными движениями и королевским присутствием в своей земле почти невозможное возможным делает, атакован и необходимо к баталии принужден не был. Ибо, всемиловейшая государыня, каждой генерал, который в таком случае бывал, правосудие мне сделает, что никакова способу не было от баталии уклониться, ни же отделенными деташементами вправо и влево действовать. А армия в ордер-де-баталии* поставлена углом к завороту по положению места и облегающей высоты, ибо на расстоянии двух верст, аще в прямую линию поставить то многие б полки в лощинах свое место получить и больше от неприятельской стрельбы повреждены быть могли, а правой фланг наш при атаковании левого фланга мог неприятеля вдоль по шеренгам вредить.

13. По резону, который во двенадцатом пункте объяснен.

14. После баталии от меня чрез три-четыре дни с курьерами и штафетами репортовано. И о чем возможно было от полков, из которых большая часть лишилась полковых и ротных командиров, верные репорты получить, об оных в реляциях упоминалось, а пространно невозможно было писать, понеже неприятель по 20 число августа на пушечной выстрел от армии стоял, и от непрестанные дожди и силь-

* Т. е. в боевой порядок.

ных ветров в полатках возможности не было пространно и обстоятельно писать. А на полученный с подполковником Борисовым рескрипт по учиненному с генералитетом военному совету о главных пунктах донесено, а о протчих по прибытии моем к армии всеподданнейшее объяснение учинено будет.

15. Что от венского и польского дворов жалобы происходили, якобы командующему генералу здешними указами руки связываются производением операций с лучшим успехом, в том я не токмо никому не жаловался, но и поводу не подавал. А может быть, они, по обыкновению своему, оными на меня безвинно нарекали.

16. Осада Кольберха предприятя по переходе припасов к Риге, яко за такое крепкое место, за которым армии с покоем и пропитанием как людем, так и лошадям до окончания компании. То есть до заморозов простоять можно было с тою надеждою, что сильного сикурса сия крепость ни от Штеттина, ни от Донау получить не может, вскоре принуждена будет сдаться. А по взятъе упование полагалось на обратном пути к Висле ис тамошних магазейнов и ис привозного ис Пилау несколько провианта получить. А что генерал-майор Палменбах по два раза приступал и паки отступал, то учинено в противность моих ордеров, как о том всеподданическим моим рапортом донесено с приложением з данных ему моих ордеров копей. И хотя тот ево поступок вреда не учинил, однако безславие оружию делал, и для того я не дерзал и вашему императорскому величеству до окончания компании о таких поступках доносить, а посланы были от меня ему реприманды!

17. Изъяснения моего я учинить не могу за неимением у себя отпуску с тоя отправленной моей реляции, всепокорнейше вашего императорского величества прошу приказать мне дать копию.

18. По полученным в ноябре месяце рескриптом, нет ли в армии недостатку в ружье, тотчас ордерами в дивизии по

вступлении на винтер-квартиры по осмотре полкам в ружье, мундире и амуниции табели велено было прислать! Но понеже последние полки не прежде 9 ноября в свои винтер-квартиры вступили и на обширности более тридцати миль находились, почему тех табелей прежде генваря месяца получить нельзя было. А ныне в Государственную военную коллегияю табель мною подана, а полки велено из рижского цейхгауза тех, которые из раненых выздоровели, а ружья не имеют, снабдить. А ко укомплектованию полков от третьих батальонов* и от первой колонны люди вступить имеют с ружьем и всею аммуницией.

РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 10. Л. 216–220 об.

№ 3

Доклад Конференции императрице Елизавете... по делу В. В. Фермора

6 мая 1759 г.

Конференция уже неоднократно принимала смелость вашему величеству словесно и письменно представить о малой способности генерала графа Фермора командовать великою армиею, и о крайней по тому надобности отправить к оной главного командира, и кого угодно будет из русских. Ныне посланной по именному ея императорского величества указу для получения прямого об армейском состоянии известия генерал-поручик при сем в экстракт рапортом и журналом сию надобность столько умножил, что

* Пехотные полки в заграничной русской армии состояли не из трех, а из двух батальонов. Третьи батальоны находились в Риге и на их основе проводилось комплектование для зарубежной армии.

Конференция, по рабской своей должности, обойтись не может вновь о том всеподданейше представить.

Сей посыланной генерал-поручик объявил еще сверх своего рапорта словесно...

1. Что хотя и много генерал Фермор прилагает попечения о провианте, салдаты однако едят токмо сухари и воду, да еще запасением и возкой онаго весьма отягощены. Стараются только хлеб закупить, буде рожью — то перемолоть, в сухари пересушить и с собою возить, вместо того что, по его мнению, частые города, местечки и амты готовый хлеб доставлять могли б.

2. Что сему одному правилу, как видно, последовано и в бытность в Померании, под Кистрином, а именно: когда Кистрин уже в пепел обращен был первыми бомбами, а взять крепость было нечем, тогда вся армия, стоя еще под оною, столько упражнялась хлеб жать, молотить, что в то время, как получена ведомость о действительном переходе короля прусского через реку Одер, при армии ни в одном полку больше 60 человек не было. Хотя, напротиву того, оригиналами докажет генерал-фельдцейхмейстер*, что и на той стороне Одера лежащие и за шесть миль до самого Берлина амты умершего принца прусского, по выписке его, Штофеля, подписались уже ставить ежедневно на армию по 20000 порцей и по 10000 рацей, так что, ежели б только армия под Кистрином не осталась, то при множестве других на сей стороне реки Одера лежащих городов, местечек и амтов, без сомнения, могла бы армия иметь готовое пропитание.

3. Что строгость в армии доведена почти до некоторого тиранства. Так что двое церковников, находящиеся при главном армейском священнике, за то кнутом высечены, что от одной неприятельской деревни жалоба принесена была, якобы оную грабят, и посланная затем команда их двух в

* Ошибка в тексте, надо: генерал-квартирмейстер.

той деревне застала, хотя они при том ни в краже, ни в грабительстве не обличены.

4. Что на месте баталии при отступлении армии к Грос-Камину покинуто до 1500 человек раненых и великое число артиллерии.

5. Что генерал граф Фермор несчастье имеет не приобрести себе от всей армии, от первого до последнего, и ни от здешних подданных, ни же от самих иностранцев ни любви, ни поверенности, а все генерально и без изъятия желают иметь только русского командира.

6. Что в прочем он, генерал-поручик, сам очевидным свидетелем был, что солдатство во время последней тревоги, несмотря на то, что многие не имели ружья, а свинца и пороху почти все, и везли еще по непроходимым грязям по большей части на себе тягости, шли, однако ж, с бодростию и неустрашимостью, и все генералы, штаб- и обер-офицеры с великою радостию ожидали неприятеля, и все войско генерально как регулярное, так и нерегулярное, конечно с крайним усердием и ревностью все то исполнять станет, что только им повелено будет.

7. Наконец, прибавил он, что сколько и до переходу короля прусского через Одер принадлежит, что слышал он, что и о том ведомость в армию получена, только по щастию не нарочно и не от приставленных к тому людей.

К сему присовокупил он многия и другия важные примечания, служащие к приведению армии в лучшее состояние, к получению с Пруссии новых контрибуций и к облегчению здешняго государства, и к будущей пользе онаго, но Конференция пространством того ваше императорское величество утруждать не дерзает, а особливо, потребныя по тому отправлении отчасти заготовлены, а отчасти заготавливаются, а доносит только о сих важнейших пунктах и будет на то ожидать монаршего повеления...

РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 10. Л. 429–431.

-
- ¹ *Масловский Д. М.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1888 Вып. 2; *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1992 Т 1; *Коробков Н.* Семилетняя война. (Действия России в 1756–1762 гг.) М., 1940; *Буганов В. И., Буганов А. В.* Полководцы. XVIII в. М., 1992.
 - ² История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века) М., 1994. С 446–448; Томас Халбот Битвы мировой истории Словарь. М., 1993 С. 259.
 - ³ *Соловьев С. М.* Сочинения Кн. XI История России с древнейших времен. Т. 21. С. 272–273; Архив князя Воронцова. М., 1875 Т 7 С. 9–14; Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 102. С. 439–480.
 - ⁴ *Наумов В. П.* Организация и внутривластная деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Автореферат дис. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1991.
 - ⁵ РГАДА. Ф. 178. "Конференция при дворе е. и в."
 - ⁶ Русский биографический словарь. Фабер-Цявловский. СПб, 1900 С. 53–55; Сборник военно-исторических материалов. Вып II–III. СПб., 1892–1893. (См. указатель); Столетие военного министерства. Главное артиллерийское управление. СПб., 1902. С. 8, 147; *Буганов В. И., Буганов А. В.* Указ. соч. С. 263–280; и др.
 - ⁷ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 4. Л. 367–375, 394.
 - ⁸ Там же. Ф. 11. Д. 816. Л. 1, 4; Ф. 178. Оп. 1. Кн 4. Л. 338, 382, 482.
 - ⁹ Там же. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 5. Л. 197, 200–203, 230, 234, 360
 - ¹⁰ *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 120.
 - ¹¹ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 5. Л. 360.
 - ¹² Там же. Кн. 5. Л. 424; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 24. С. 444.
 - ¹³ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 6. Л. 23, 53 об.
 - ¹⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1832.
 - ¹⁵ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 24. С. 445–446.
 - ¹⁶ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 10. Л. 42.
 - ¹⁷ *Масловский Д. М.* Указ. соч. Вып. 2. С. 398.
 - ¹⁸ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн. 5. Л. 393
 - ¹⁹ *Масловский Д. М.* Указ соч Вып 2 С 429, 433; *Коробков Н.* Указ. соч. С. 160; *Буганов В. И., Буганов А. В.* Указ соч С. 255,

269, *Мсерович Г. И. Румянцев в Петербурге. Л., 1987. С. 61, 64, 81.*

20 РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Кн 10. Л. 84–95.

21 Там же. Л. 109–125.

22 Там же. Л. 138.

23 Там же. Л. 146.

24 Там же Л 168–172

25 Архив князя Воронцова. Кн 7 С 354–358.

26 РГАДА Ф 178 Оп 1. Кн. 11. Л. 28.

27 Там же Л 45, 104–121

ДОКУМЕНТЫ О ПУГАЧЕВСКОМ ВОССТАНИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В САРАТОВСКОМ ОБЛАСТНОМ АРХИВЕ

В настоящее время в исторической науке ощутимо тяготение к пересмотру сложившихся концепций и оценок явлений прошлого нашего Отечества, с чем и связано пристальное внимание ученых к выявлению и использованию архивных источников. Публикуемый обзор дает представление о хранящихся в Саратовском архиве документах, в которых речь идет о происходивших на территории Нижнего Поволжья событиях Пугачевского восстания. Документы эти хранятся в составе фонда Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) № 407, который представляет коллекцию документов, поступивших из различных учреждений и от частных лиц. Ныне материалы комиссии учтены в двух описях; интересующие нас документы внесены во вторую опись под номерами с 1307 по 1376.

Собирание документов о восстании Пугачева осуществлялось постепенно. Уже с момента образования СУАК в декабре 1886 г. ее членами была поставлена задача собирания материалов касающихся борьбы вольницы с государством и «сопротивления властям»¹.

В первый же год существования Комиссии она получила из архива Саратовского статистического комитета 13 дел Царицынской комендантской канцелярии, которые относятся к периоду восстания. Эти документы были в свое время использованы Д. Л. Мордовцевым для написания монографии «Самозванцы и понизовая вольница»². О том, каким образом они попали в руки историка, известно с его слов: «Архивные дела города Царицына... в 1858 г. извлечены из царицынского архива Н. И. Костомаровым в бытность его

там и переданы нам вместе с архивными делами города Петровска»³. Примерно через год после поступления этих дел Комиссия направила Мордовцеву запрос с предложением объяснить, почему состав дел Царицынской канцелярии не полон, — не хватало части документов, которые были использованы в монографиях историка. Он прислал в ответ письмо, из которого выясняются любопытные обстоятельства. Оказывается, документы о Пугачевском восстании были продемонстрированы Мордовцевым наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1863 г., когда он находился в Саратове. Тогда и были расшиты некоторые дела для удобства демонстрации документов⁴. Были ли возвращены утраченные материалы в дела Царицынской канцелярии, установить пока не удалось. Тем не менее совершенно ясно, что роль Мордовцева в формировании коллекции документов о восстании Пугачева весьма значительна. Несколько позднее, в 1891 или 1892 г. им была пожертвована в Комиссию интереснейшая рукопись, которая тоже относится к событиям Крестьянской войны. Это один из самых ранних списков сочинения видного историка XVIII в. П. И. Рычкова «Описание шестимесячной Оренбургской осады», использованного А. С. Пушкиным в его «Истории Пугачева». Одновременно в начале деятельности Комиссии были предприняты шаги для получения некоторых дел за 1772–1775 гг. из Астраханской духовной консистории с целью снятия копий⁵. Поэтому в фонде имеется несколько дел, содержащих копии либо выписки из документов XVIII в., сделанные в конце XIX — начале XX столетий.

Второй этап формирования комплекса материалов о Крестьянской войне относится к началу второго десятилетия нынешнего века. В 1910 г. член ученой архивной комиссии П. Л. Юдин нашел в Астраханском губернском архиве 27 дел, отражающих события восстания. После переговоров с астраханским губернатором Комиссия получила

эти дела «для использования заключающихся в них материалов». А. А. Гераклитов опубликовал их обзор в 1913 г.⁶ Сравнение обзора с составом документов фонда № 407 о Пугачевском восстании дает основание утверждать, что большая часть присланных из Астрахани документов «осела» в архиве Комиссии. Эти материалы, а также почти и все другие, относящиеся к истории Крестьянской войны, были описаны сотрудниками Комиссии и включены в серию «Документ». Впоследствии опись, в которую они входили, перерабатывалась, а ныне существующая составлена в 1971 г.

Нельзя сказать, что материалы Саратовской комиссии о восстании пользовались большой известностью у историков. С наибольшей полнотой и с немалым успехом их использовал только Д. Л. Мордовцев. Следует напомнить, что к этим документам он обращался еще до создания и самой Комиссии, и ее фонда, когда они хранились в архивах учреждений. Однако и Мордовцев не был здесь первооткрывателем. Впервые документы о Пугачевском восстании использовал А. Ф. Леопольдов, который считается одним из основоположников саратовского краеведения⁷. Судя по его трудам, он был знаком с документами Царицынской комендантской канцелярии за 1773–1775 гг. Но его подход к письменным источникам нельзя назвать профессиональным. Наряду с документами, Леопольдов широко использовал устные предания, и там, где показания этих двух видов источников противоречили друг другу, он отдавал предпочтение легендам.

Иное отношение к письменным материалам мы встречаем у Мордовцева, которого, кстати, резко критиковал Леопольдов за неправильное, с его точки зрения, представление о восстании Пугачева. Мордовцев придерживался демократических взглядов и считал восстания и «разбой» результатом естественного стремления народных масс участвовать в политической жизни общества в условиях, когда

они были лишены такого права. Мордовцев пользовался широким кругом опубликованных и неопубликованных источников⁸. Основную массу последних составляют именно документы, которые позднее вошли в коллекцию СУАК (материалы Царицынской комендантской канцелярии). Но не все использованные Мордовцевым фонды сохранились. Не дошли до наших дней дела Саратовского магистрата, а также учреждений города Петровска, которые историк цитировал и пересказывал в своих монографиях. С другой стороны, ему не были известны материалы Астраханской губернской канцелярии, которые хранятся ныне в фонде архивной комиссии.

А. А. Гераклитов, который, судя по упоминавшемуся выше обзору документов, а также по отчетам Комиссии, был, вероятно, лучшим знатоком этого фонда, не оставил исследования по истории восстания. В своей монографии о Саратовском крае он довел повествование до кануна Крестьянской войны⁹. Е. Н. Кушева, которая занималась в архиве комиссии под его руководством, использовала материалы периода Крестьянской войны в несколько необычном аспекте. Ею был проанализирован состав саратовского купечества и сделаны интересные выводы о мотивах поведения купцов во время восстания¹⁰.

Активное использование фонда Ученой архивной комиссии для изучения истории Крестьянской войны, можно сказать, на этом и прекратилось. Саратовские исследователи при изучении данного периода обычно обращаются к трудам Леопольдова и Мордовцева, в лучшем случае — к трехтомной публикации документов о Крестьянской войне, «Пугачевщине», осуществленной в 1926–1931 гг. Авторы же трудов, освещающих восстание более широко — в масштабе региона или всей России — для описания событий в Саратовском Поволжье используют фонды центральных архивов. Отдельные документы комплекса архивной комиссии,

посвященного крестьянской войне, привлекали внимание историков, но в целом весь комплекс ждет нового исследователя уже более полувека.

* * *

Материалы фонда, относящиеся непосредственно к восстанию, можно разделить по содержанию на следующие группы:

— документы оперативного характера (о передвижениях войска Пугачева, боях с пугачевцами, обороноспособностями крепостей и т. п.);

— документы о настроениях населения в Нижнем Поволжье и в соседних регионах, в том числе и за пределами России;

— манифесты, указы, обращения к населению правительства и духовных властей;

— материалы дознания над пугачевцами и над лицами духовного звания, «впадшими в преступление» (здесь имеется в виду расследование, проводившееся администрацией Астраханской губернии, а также архиепископом Мефодием и походной канцелярией генерал-майора П. Д. Мансурова).

По содержанию к этому собранию документов примыкают еще две рукописи, которые нужно отметить особо. Они отличаются от остальных дел коллекции как по происхождению — поскольку не принадлежат к делопроизводству учреждений Астраханской губернии — так и по форме. Это экстракт документов Оренбургской губернской канцелярии, составленный по распоряжению оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа (Д. 1321) и рукопись сочинения П. И. Рычкова «Описание шестимесячной оренбургской осады» (Д. 1322).

Все остальные документы о пугачевском восстании, хранящиеся в фонде Комиссии, представляют собой материалы делопроизводства Астраханской губернской канце-

лярии, Царицынской комендантской канцелярии, а также духовных правлений Казани и Астрахани, имеется одно дело Саратовской конторы иностранных поселенцев. Большая часть документов, которые позволяют судить о ходе событий во время восстания (переписка астраханского губернатора П. Н. Кречетникова с комендантами крепостей, военачальниками регулярных и казачьих войск, своими коллегами из соседних губерний и Сенатом, духовными властями), сосредоточена в очень крупных по объему делах, до 200 листов и более. Здесь же хранятся и протоколы заседаний губернской канцелярии, переписка с местным магистратом и т. д. Каждая такая подборка документов является чисто формальным объединением под одним переплетом группы небольших по объему дел, не связанных по содержанию, с перебивкой в хронологии. Поэтому удобнее давать характеристику группам документов и отдельным документам, следя за хронологией событий Крестьянской войны. В настоящем обзоре будут рассмотрены документы только одной из названных выше тематических групп — а именно, материалы о ходе военных действий. Полная характеристика изучаемой коллекции возможна в более обширном обзоре. Сохранившиеся материалы показывают, что известия о начавшихся осенью 1773 г. событиях в Оренбургской губернии, доходили до астраханской администрации сперва только как разовые сообщения локального характера (Саратов относился тогда к Астраханской губернии).

Астраханский губернатор П. Н. Кречетников в ответ на тревожные сообщения из Оренбурга поспешил принять меры предосторожности. Это выразалось, главным образом, в рассылке предписаний комендантам крепостей о защите границ губернии, городов и селений, мобилизации военных сил и т. п. Интересно, что сам Кречетников осенью-зимой 1773—1774 гг. находился не в Астрахани, а в Саратове (Д. 1320. Л. 191), здесь же он провел и часть лета 1774 г.

Первым сообщением о событиях в Оренбургской губернии, которые знаменовали собой начало Крестьянской войны, был, вероятно, секретный рапорт из Яицкой комендантской канцелярии от 20 сентября 1773 г. В нем речь идет о появлении «бежавшего ис Казани ис тюрьмы Донского войска казака Емельяна Иванова сына Пугачева». Яицкая канцелярия сообщила о ненадежности положения в городке — начальство боялось открытого «возмущения» местных мятежных казаков, которые были готовы примкнуть к Пугачеву (Д. 1329. Л. 1).

О том, какие меры предполагала принять астраханская администрация, свидетельствует черновик секретного указа канцелярии, разосланного по крепостям губернии 10 октября. В указе предписывалось сообщать в Астрахань о появлении «партий» Пугачева (Д. 1329. Л. 4). Сохранились и другие указы губернской канцелярии за октябрь-ноябрь того же года, предписывающие принять меры безопасности против «злодейских партий» в случае появления их у границ губернии (Д. 1329. Л. 5–26, 43; Д. 1318. Л. 3–4; Д. 1331. Л. 138–140, 144–146, 155). Все они имели гриф секретности, и все умалчивали о весьма существенном моменте — о самозванстве Пугачева. Только после получения указа Военной коллегии от 15 октября 1773 г., т. е. после объявления на всю страну о том, что Пугачев «дерзнул наименовать себя императором Петром Третьим», астраханские чиновники перестали обходить молчанием этот факт. В октябре и ноябре 1773 г. главной заботой астраханской администрации было сберечь денежную казну и «злодейскую шайку переловить и переходу... через Волгу всемерно препятствовать» (Д. 1329. Л. 28). Ловить Пугачева и «шайку» намеревались, в первую очередь, в раскольничьих селениях на берегах рек Большой и Малый Иргиз и в Малыковской волости (район совр. г. Вольска Саратовской области). Властям было известно, что Пугачев бывал в тех местах и

якобы собирался вновь там обосноваться, надеясь на поддержку раскольников (Д. 1329. Л. 14).

Совершенно очевидно, что астраханская администрация, как, впрочем, и само правительство, в первые два месяца движения не осознавала истинных масштабов восстания. Это объясняется явной скудостью информации, а зачастую и нежеланием властей принимать всерьез настроения казаков, крестьян, городских жителей. А между тем события в Оренбургской губернии приобретали все больший размах. Секретная промемория, направленная из Дмитриевской гражданской канцелярии (Дмитриевск — ныне Камышин) в Царицынскую 25 октября 1773 г., сообщает об опасности, угрожающей непосредственно самому Оренбургу. К тому времени центр Оренбургской губернии уже почти три недели находился под огнем повстанческих пушек. В названной промемории говорится о том, что «материя всего возмущения» — беглый донской казак Емельян Пугачев, назвавшийся именем Петра III. Цель самозванца определена здесь очень четко: «намереваютца итти к помещичьим жительствовам, приклоняя крестьян в свою волю обнадеживанием дать волю» (Д. 1318. Л. 2—4).

В начале ноября силы повстанцев разбили команды генерал-майора В. А. Кара и полковника П. М. Чернышева. В декабре положение Оренбурга стало отчаянным. Уфа оказалась в осаде. Повстанческое движение охватило ряд районов огромной Оренбургской губернии. А из Астраханской губернской канцелярии шли приказы в калмыцкие улусы, находившиеся в заволжских степях. В улусах служили русские переводчики, которые подчинялись астраханскому губернатору. Им предписывалось узнать, не бежал ли Пугачев «один или с собранною партиєю» в улусы, а в случае его обнаружения — поймать и в крепких кандалах, под караулом отправить в Астрахань (Д. 1329. Л. 59). 5 декабря в Царицын был послан ордер с требованием искать

и взять в плен Пугачева. А 18 декабря ордера подобного содержания губернатор разослал уже по всем крепостям Астраханской губернии (Д. 1318. Л. 25; Д. 1320. Л. 109).

Несколько ранее, в ноябре, Царицынская комендантская канцелярия получила тревожную весть, которая, в свою очередь, была сообщена секретными промемориями в ближайшие города, в Дмитриевск и Саратов. Речь шла не больше и не меньше, как о появлении Пугачева на луговой стороне Волги (Д. 1331. Л. 153–154). Известие это исходило от профессора П. С. Палласа, который находился в то время в калмыцких улусах. Но он ошибся. Однако интересен сам факт — среди калмыков ходили слухи о скором появлении Пугачева. Впрочем, угроза «Мятежа» оказалась вполне реальной для Поволжья в конце декабря 1773 г. Астраханский губернатор П. Н. Кречетников 24 декабря обратился с письмом в Бугульму к генерал-майору Ф. Ю. Фрейману, предлагая распределить воинские команды вдоль Волги, чтобы в случае необходимости дать отпор «злодеям». В то же время в губернскую канцелярию поступили вполне достоверные сообщения о том, что отряды сторонников Пугачева действовали на реке Самара «в помещичьих жительствох, в селах Жданове и Ярынове». На Иргиз и вдоль Волги «для поимки злодеев» были отосланы воинские команды. Об этом писал губернатор Кречетников в своем сообщении в Симбирскую провинциальную канцелярию (Д. 1320. Л. 159).

Демонстрируя служебное рвение, П. Н. Кречетников в сообщении к генерал-аншефу А. И. Бибикову подробно расписал, какие меры будут приняты для обороны подчиненных ему городов, крепостей и селений (Д. 1320. Л. 176–178). Бибиков, назначенный командующим карательными войсками в конце ноября, прибыл в Казань только 25 декабря. Астраханский губернатор поспешил отчитаться перед авторитетным и высокопоставленным начальником. Его со-

общение к А. И. Бибикову содержит интересные подробности о положении дел в губернии. Так, он пишет о появлении возле Черного Яра по луговой стороне Волги при казачьих станицах и хуторах «злодейских киргис-кайсацких партий», которые нападали на казаков, брали в плен их жен и детей. Существовала опасность и «с кубанской стороны», т. е. со стороны горских народов Северного Кавказа. Существенно также замечание Кречетникова о положении вокруг Сызрани и Ставропольской крепости: там «вся чернь взволновалась» и «по тракту тож начинается от некоторых обывателей волнение» (Д. 1320. Л. 176 об.). Учитывая сложность обстановки в Поволжье, Бибиков отдал распоряжение перевести пленных турок, находившихся к тому времени в Царицыне, в Воронежскую губернию. Сохранился ордер Кречетникова, составленный в соответствии с указанием генерал-аншефа, в адрес царицынского коменданта И. Е. Цыплетева (Д. 1353. Л. 1, 4). Ордер отправлен 31 января 1774 г. Положение было настолько серьезным, что в Астрахани начались спешные приготовления к обороне. Учреждения, ведавшие «инородцами» (так наз. суды — азиатский армянский, азиатский магометанский и дворы — Гилянский и Агрыжанский) составляли списки своих подопечных. В списках указано, кто из обывателей имеет оружие, а кто — не имеет (Д. 1320. Л. 203–222).

Но уже в начале января 1774 г. в Астраханскую губернию доходят вести о первых успехах правительственных войск в борьбе с «бунтовщиками». А 22 марта генерал П. М. Голицын одержал значительную победу над повстанцами под Татищевой крепостью. Весьма пространное описание этого события содержится в сообщении П. Н. Кречетникова, адресованном Низовой соляной конторе (она находилась в Саратове). Губернатор здесь высказывает свои соображения относительно того, где ловить остатки «разбойничьей шайки». Он предполагает, что побежденные «злодеи» побегут через Волгу

на Кубань, мимо Гурьева городка на Каспийское море «в заграничные тухменские и персические пределы» (Д. 1337. Л. 30–32).

Астраханским властям казалось, вероятно, что угроза миновала. Во всяком случае губернатор Кречетников спешил распространить сведения о поражении Пугачева. 17 апреля он обратился к епископу Астраханскому и Ставропольскому Мефодию с просьбой обнародовать по церквям увещание, сочиненное по этому случаю Казанским архиепископом Вениамином (Д. 1320. Л. 23). К Саратовскому коменданту полковнику И. К. Бошняку был отправлен ордер с предписанием «в народе публиковать» о поражении повстанцев (Д. 1320. Л. 24). Но, как выяснилось впоследствии, самые опасные для астраханской администрации дни были еще впереди. В начале апреля Крестьянская война вступает в новую фазу. Несмотря на то, что в сражении под Сакмарским городком 1 апреля повстанцы опять потерпели неудачу; несмотря на успехи карательных войск под Уфой, на среднем и нижнем течении Яика и на среднем Урале, Пугачев продолжал действовать, привлекая все новые силы в свое войско. На этом этапе Крестьянской войны события разворачивались сначала на Урале, но в середине лета армия повстанцев оказалась в Поволжье.

Пока события развивались в удаленных от Астраханской губернии местах, сведения о них поступали редко и отрывочно. Но после боев под Казанью главной ареной боевых действий стало Поволжье. Из Казанской и Нижегородской губерний основные силы Пугачева направились на юг, вниз по Волге. Отряды его сторонников успешно воевали и в Воронежской губернии. События июля-августа 1774 г. оставили весьма заметный след в документах астраханских губернских учреждений и Царицынской канцелярии. Сохранилось довольно много материалов о взятии Пугачевым Казани. В делах Царицынской канцелярии за июль

1774 г. имеются: копия письма казанского губернатора Я. Л. Бранта к воронежскому генерал-поручику И. Л. Шетневу от 17 июля о подробностях наступления «злодеев» на Казань, секретные сообщения о том же, адресованные царицынскому коменданту от его саратовского и дмитриевского коллег, а также некоторые другие документы (Д. 1318. Л. 86, 88, 90, 91; Д. 1320. Л. 34, 90). Самый интересный из них — рапорт дмитриевского коменданта полковника К. З. Меллина к астраханскому губернатору от 22 июля 1774 г. Меллин пересказал сведения, полученные разными путями, о пожаре в Казани 12 июля и о том, что губернатор Брант «и прочие генералитеты» заперлись в крепости вместе с некоторыми гражданскими лицами (Д. 1353. Л. 12). Этими гражданскими лицами были чиновники и состоятельные горожане. Только прибытие карательного отряда И. И. Михельсона спасло их от гибели. О продвижении войска Пугачева после его поражения под Казанью говорится в копии предложения казанского губернатора от 20 июля 1774 г. (Д. 1320. Л. 52 об.).

Несмотря на вполне понятное старание должностных лиц как можно скорее передавать друг другу все важные известия, они доходили с большим опозданием. Так, дмитриевский комендант К. З. Меллин смог отправить рапорт о полученных им сведениях о переправе Пугачева 17 июля на нагорную сторону Волги у Кокшайска только спустя одиннадцать дней после этого события (Д. 1353. Л. 21). Понятно, что стремительность передвижений армии повстанцев часто ставила в тупик и военачальников, и комендантов крепостей, т. к. они не имели подчас фактически реального представления о положении дел. Неудивительно, что астраханский губернатор, посылая свои ордера 4 августа к дмитриевскому и саратовскому комендантам, и знать не знал о взятии Пугачевым Петровска в тот же самый день.

На Иргизе должен был поджидать Пугачева гвардии поручик Г. Р. Державин со своей командой — «в предохранении злодейских нашествий». Судя по секретному ордеру Кречетникова к саратовскому коменданту от 27 июля, Державин доставил немало неприятностей местным начальникам. Сначала он рвался к активной деятельности на Иргизе, потом хотел двинуться на защиту Саратова. Губернатор сдерживал его порывы (Д. 1353. Л. 15). В конце концов, будущий великий поэт все же оказался в Саратове, и уже там вступил в конфликт с комендантом И. К. Бошняком.

6 августа астраханский губернатор отправил три ордера — комендантам Саратова, Царицына и Дмитриевска. Все они предписывали принимать меры к «истреблению» и «предохранению» от «общественного врага». В обширном и подробном ордере на имя И. К. Бошняка самое интересное — дата документа: губернатор Кречетников отдавал свои заповедные распоряжения в тот самый день 6 августа, когда казаки Пугачева ворвались в Саратов (Д. 1320. Л. 25–27). Оборона Царицына связывалась с обороной всей Царицынской линии крепостей, которая была частью системы укреплений на южной границе России. Прорыв этой линии грозил серьезными последствиями для обороноспособности государства. «Внутренний враг» Пугачев мог соединиться с врагами внешними. Защита крепости и всей линии планировалась астраханским губернатором с привлечением калмыцкого войска (здесь Кречетников сильно просчитался). Кроме того, он распорядился не отпускать из Царицына в Саратов легкую полевую команду майора А. Т. Дица, которая первоначально должна была следовать именно туда (Д. 1318. Л. 107–108).

Взятие Пугачевым Саратова и обстоятельства, связанные с этим событием, конечно, очень интересовали всех, кто приложил руку к формированию фонда Саратовской ученой архивной комиссии. И все же, в фонде сохранилось

мало документов на эту тему. В ходе самого восстания погибли документы важнейших учреждений, находившихся тогда в Саратове — местной коментантской канцелярии и Конторы опекунства иностранных поселенцев. А вот материалы Низовой соляной конторы тогда уцелели (Низовая соляная контора распоряжалась добычей и доставкой соли с Эльтонского озера). Но, к сожалению, в фонд ученой архивной комиссии они не вошли. Спасенные от рук «злодейской шайки», дела Соляной конторы век спустя после «пугачевщины» были попросту уничтожены.

Как видно из документов, одной из причин падения Саратова были бесконечные дразги среди первых лиц города. Главный судья Конторы опекунства иностранных поселенцев статский советник М. М. Ладыженский и прибывший в Саратов гвардии поручик Г. Р. Державин с одной стороны, и саратовский комендант полковник И. К. Бошняк — с другой ожесточенно спорили о том, как защищать город. Каждая сторона отстаивала свой план защиты, и эта борьба продолжалась фактически до тех пор, пока всем спорщикам не пришлось спасаться бегством от Пугачева.

Документы Конторы опекунства иностранных поселенцев, находящиеся в деле 1330, как раз отражают все подробности этих событий. Пререкания начальников между собою, попытки что-то предпринять, сообщения из Пензы и Петровска о наступлении Пугачева и военные действия под Саратовом и в самом городе 5–6 августа, накануне его падения — вот содержание журнала Конторы и других материалов дела. Особенность этих документов — явная тенденция к тому, чтобы свалить все грехи на коменданта Бошняка и доказать правоту Ладыженского и его сторонников. В исторической же литературе со времен пушкинской «Истории Пугачева» утвердилась противоположная точка зрения. Материалы Конторы помогают взглянуть на события июля-августа 1774 г. в Саратове не с позиций рапортов,

которые составлял Бошняк, а с позиций его оппонентов Из них мы узнаем также, что «немалое число колонистов» оказалось в войске Пугачева. Причем, они пристали к «бунтовщикам» добровольно и оставались среди повстанцев вплоть до последнего сражения под Черным Яром. Около сорока человек колонистов попали в плен к «усмирителям» и были отправлены в Саратов (Д. 1330. Л. 12 об.).

Пребывание Пугачева в Саратове ознаменовалось неожиданной и весьма крупной неприятностью для светских властей и духовного владыки — астраханского епископа Мефодия. Саратовское духовенство принимало активное участие в торжественной встрече Пугачева жителями города 7 августа 1774 г. А затем священники на протяжении нескольких дней во время службы в церквях молились о здравии новоявленного императора и «царицы» Устиньи Петровны. Мало того, духовные особы участвовали в грабежах и разбоях в городе. Все эти происшествия были потом расследованы духовными и светскими властями. Первый донос епископу на действия саратовского духовенства написал 23 сентября архимандрит саратовского Спасо-Преображенского монастыря Иероним (Д. 1356). Чтобы попытаться защищаться от расправы, члены Саратовского духовного правления протоиерей Алексей Иродионов и Онисим Герасимов и написали доношение к астраханскому епископу (Д. 1336). В их письме к Мефодию изложены не только подробности о действиях лиц духовного звания во время взятия города Пугачевым. Здесь можно найти описание штурма города, поведения жителей, происшествий на улицах, перечисление разграбленных и розданных населению казенных запасов и т. д. Естественно, что авторы доношения очень тенденциозны и всячески стараются оправдать «грехи» духовенства. Так, они весьма красноречивы в описании притеснений со стороны «разбойников», которые

вынудили священников участвовать в торжественной встрече самозванца и молиться о его здравии.

Необычные приключения выпали на долю судна, которое 5 августа отправилось из Саратова и на которое были погружены документы и казна Низовой соляной конторы. Оно должно было плыть в Царицын, однако в положенный срок к городу не подошло. Судно было захвачено «злодеями», а затем отбито офицерами саратовского и царицынского батальонов. Исполнив свой долг, некоторые из них решили вознаградить себя и присвоили часть денег казны Соляной конторы, находившейся на судне. Пострадало также имущество главного члена конторы коллежского советника М. Жукова и некоторых саратовских дворян и чиновников, которые погрузили свои вещи на это судно. Для расследования этого происшествия в Царицыне была учреждена специальная комиссия. В одном из дел Царицынской канцелярии сохранилось довольно много ее документов. (Д. 1331. Л. 48–76, 103–104, 112, 113, 130, 156; Д. 1335. Л. 37, 38, 45, 49, 58, 59).

Некоторые подробности о событиях в Саратове с 6 по 11 августа содержатся в документах, в которых фиксировался ущерб, нанесенный казенному имуществу (Д. 1360. Л. 42–43; Д. 1331. Л. 56–77). Сразу после взятия Пугачевым Саратова стала реальной угрозой Дмитриевску и Царицыну. Но до астраханского губернатора эти сведения дошли слишком поздно. Поэтому и распоряжения Кречетникова делались с опозданием. Сохранился его секретный ордер к царицынскому коменданту с изложением официальной версии падения Саратова. Чтобы подбодрить И. Е. Цыплетева губернатор пишет, что Пугачев «слабосилен». В другом ордере им указаны меры к защите Дмитриевска (Д. 1318. Л. 122–124, 152; Д. 1320. Л. 91–92, 97). О падении этой крепости и об измене Волжского казачьего войска сохранился рапорт царицынского коменданта (Д. 1320. Л. 110) и

ордер к нему от губернатора Кречетникова (Д. 1318. Л. 138) от 20 августа.

Определенный интерес представляют материалы коллекции, в которых отражена роль казачьих войск — Волжского и Донского — в ходе восстания. Некоторые из этих документов вошли в состав сборника «Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг.»¹¹. Судя по отдельным сведениям, астраханские власти с большой опаской относились к Донскому войску и отнюдь не стремились его использовать в борьбе со «злодеями». Возможно, донских командиров намеренно держали в неведении относительно продвижений Пугачева. 10 августа старшина Донского войска Василий Манков запрашивал царицынского коменданта о том, где находится «изменник с ево богомерскою толпою» (Д. 1318. Л. 110). Намерения донских казаков вызывали серьезное беспокойство и со стороны их командиров. Об этом свидетельствуют специальные грамоты «О наблюдении верноподданнической присяги», которые были отправлены к казакам от донских атаманов и старшин (Д. 1318. Л. 113). О сражениях донских казаков с пугачевцами в районе Царицына и у казачьих станиц сообщается в промемории канцелярии Войска донского в Царицынскую комендантскую канцелярию — 18 августа у Ветеревской станицы, после этого — у Заполянской, 22 — под Дубовкой (Д. 1331. Л. 16).

Полковник Донского войска Алексей Иловайский рапортовал о сражении со «злодейскою партиєю» за речкой Мечетной (Д. 1318. Л. 160). На следующий день, 26 августа тот же Иловайский сообщал о продвижениях команд Донского войска и о смертельном ранении одного из его командиров — полковника Ф. Кутейникова (Д. 1318. Л. 164). Однако через несколько листов в том же деле Царицынской комендантской канцелярии мы встречаем рапорт, составленный самим Кутейниковым в Качалинской станице 23 ав-

густа. Рассказ Кутейникова читается как литературное произведение — он прост по форме, но содержание его необычайно интересно. Кутейников был ранен и взят в плен вблизи Мечетной речки, расстрелян сторонниками Пугачева, но остался жив, добрался до Качалинской станицы и просил у царицынского коменданта дать ему увольнение от службы для излечения (Д. 1318. Л. 169–170).

Другой военачальник Донского войска — походный атаман Абросим Луковкин, который действовал в районе донских станиц на Медведице, рапортовал, что «бежавшая от Малодельской станицы злодейская толпа... за линиею казаками вся разбита». Это произошло 28 августа (Д. 1318. Л. 185). Через два дня вблизи Николаевской слободы небольшой отряд «злодеев» столкнулся с разъездом, посланным из Дмитриевска. Старшина его Максим Чеберев составил очень интересный рапорт об этом событии. В нем сообщается, что в отряде «злодеев» видели белое знамя — значит, по мнению дмитриевцев, там был сам Пугачев (Д. 1318. Л. 191).

Судя по всем документам, во второй половине августа произошел роковой для Пугачева перелом. Волжские казаки, хотя они совершенно недвусмысленно действовали в пользу самозванца, были немногочисленны. Донские же полки, посланные против Пугачева, оказались неустойчивы. Частично они «предавались» на сторону повстанцев, частично — действовали против них. В целом, Дон не поддержал Пугачева. Но даже тогда, когда соратники самозванца перестали верить в его удачу, его противники продолжали бояться его. Астраханский губернатор и после Царицына не знал, откуда ему ожидать врага и каковы силы Пугачева. П. Н. Кречетников опасался за судьбу Астрахани. 24 августа он отправил поручика Чичагова и капитана Мордкина на разведку в сторону Черного Яра с целью узнать о передвижениях повстанцев (Д. 1320. Л. 129–133). Одно-

временно были направлены ордера к комендантам Черного Яра и Енотаевска с наставлениями об обороне крепостей (Д. 1320. Л. 135, 143). Для поддержания гарнизона Енотаевской крепости Кречетников вновь обратился к калмыкам. Он просил у полковника князя А. И. Дондукова пятьсот всадников (Д. 1320. Л. 142). Вероятно, положение представлялось губернатору весьма тяжелым, если он решил обратиться к таким ненадежным союзникам. 26 и 27 августа он направил свои указания об обороне Астрахани в губернскую канцелярию и в магистрат (Д. 1320. Л. 140–141) Предполагалось вооружить часть населения города.

О поражении Пугачева в последнем его сражении, между Царицыным и Черным Яром, 25 августа говорится в извещении П. И. Панина, печатный экземпляр которого находится в одном из дел Царицынской канцелярии (Д. 1331. Л. 80). Судя по документам, Астраханская губерния в то время была наводнена различными видами войск. В течение сентября положение в Нижнем Поволжье продолжало оставаться нестабильным. 13 сентября походный атаман Донского войска Абросим Луковкин составил рапорт с описанием военных действий против «толпы» под предводительством пугачевского полковника М. Каменского и о своей победе над ним в слободе Баланде (Д. 1335. Л. 26). Промемория от канцелярии Войска Донского сообщает, что «злодейская партия» в пятьсот человек была разбита недалеко от Грачевской крепости (по Царицынской линии) (Д. 1335. Л. 79). Из Сарептской колонии форштейгер Д. Фик просил защитить колонистов от набегов калмыков (Д. 1331. Л. 21, 95; Д. 1335. Л. 96, 142).

В то же время донские казаки под командованием Абросима Луковкина преследовали «злодейские толпы» в селах по дороге от Саратова на Тамбов, — в Алшанке, Барках, Уваровом, Колене, Голицыне и Ключах. Специальная казачья команда была послана в село Хрущевку для поимки

знаменитого пугачевского полковника Ивана Иванова (Д. 1335. Л. 66, 74). О том, чем завершилась миссия этой команды, свидетельствует несколько необычный документ. Это — копия расписки, данной жителями сельца Никольского деревни Хрущевка полковнику Донского войска Андрею Вуколову в том, что 17 августа через деревню прошла «злодейская партия». Ее предводитель назывался Иваном Михайловым, а Иванова жители деревни не видали (Д. 1335. Л. 68).

Документы фонда Саратовской ученой архивной комиссии могут существенно дополнить представление исследователей о ходе Крестьянской войны, и особенно — на последнем ее этапе. Помимо представленных в обзоре документов, историк может найти в данной коллекции очень интересные подробности об отношении различных слоев населения к восстанию, о взаимоотношениях военачальников, об обстановке в калмыцких улусах, о судьбах людей этой необычайно яркой эпохи.

-
- ¹ *Краснодубровский С. С.* Наши архивные комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1888. Т. I. Вып. 1. С. 37.
 - ² Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии // Труды СУАК. 1888. Т. I. С. 7.
 - ³ *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. I. С. 165.
 - ⁴ Труды СУАК 1890. Т. II. Вып. 2. С. XXXI—XXXII.
 - ⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 77.
 - ⁶ *Герасимов А. А.* Обзор «пугачевских» дел из Астраханского губернского архива // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. С. 33–51.
 - ⁷ *Леопольдов А. Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848; он же Исторический очерк Саратова и пугачевщины. Саратов, 1874.
 - ⁸ *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч.; он же. Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. I.

- ⁹ *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- ¹⁰ *Кушева Е. Н.* Саратов в третьей четверти XVIII в. // Труды Нижне-Волжск. обл. науч. общ-ва краеведения. Саратов. 1928 Т. 35. Вып. 2.
- ¹¹ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 годов. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1961

**ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В СБОРНИКЕ А. Ф. БЮШИНГА (1784 г.)
И ЕГО РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ**

В 1784 г., через девять лет после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, в Галле в ежегоднике А. Ф. Бюшинга «Сборник новой истории и географии» была опубликована анонимная работа под названием «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и поднятом им восстании»¹.

Первую оценку этой работы дал А. Ф. Бюшинг, видный немецкий ученый и издатель историко-географических журналов. В предисловии к публикации он отметил, что присланное ему из России сообщение о восстании Пугачева «не только достоверное, но и единственное на эту тему» (S. 2). В отечественной историографии утвердилось мнение об этой статье как о первом научном труде, автор которого попытался нарисовать картину мощного народного движения в России в 1773–1775 гг.

В литературе высказано два предположения по поводу автора статьи о Пугачевском восстании. Одно из них опирается на замечание А. Ф. Бюшинга о том, что написал ее, видимо, офицер из корпуса полковника И. И. Михельсона, неоднократно сражавшегося с Главным повстанческим войском. Так сложилось мнение, что публикацию следует рассматривать, как мемуары одного из приближенных Михельсона.

С критикой этих взглядов выступил литературовед Г. П. Блок. Он отметил широту охвата в статье событий народного движения, многие из которых не могли быть восстановлены по документам военно-походной канцелярии Михельсона, «общее построение статьи и деловитую сжа-

тость слога», указывающих на работу «опытного литератора и незаурядного профессионала-историка, умело владеющего архивным документом»². А затем, исходя из примечаний Бюшинга, в которых говорилось, что рукопись тому была прислана знаменитым ученым из России, Блок, впервые высказал предположение о принадлежности статьи известному историку и географу академику Петербургской Академии наук Г. Ф. Миллеру.

Широкие научные интересы и многолетняя дружба связывали Г. Ф. Миллера с А. Ф. Бюшингом. Подробно анализируя содержание «Сборника новой истории и географии», Л. П. Белковец называет большое количество статей Миллера, а также публикаций документов, сочинений путешественников по России, снабженных комментариями академика. По выводам исследовательницы, Миллер был самым активным сотрудником ежегодника и «Сборник новой истории и географии» можно рассматривать как «важный источник для изучения творчества академика Г. Ф. Миллера»³. А. Ф. Бюшинг высоко ценил работы Миллера и характеризовал его как «весьма заслуженного в географии и истории России ученого, настоящего архивариуса, обладающего огромным собранием лучших географических и исторических известий о России»⁴.

Как известно, при статье о Пугачевском восстании имя Г. Ф. Миллера как автора не значится. Г. П. Блок дает объяснение причинам, по которым Бюшинг мог скрыть имя автора и опубликовал работу Миллера лишь после его смерти. Среди них он называет политику строжайшего запрета каких-либо упоминаний о Пугачевском движении, проводимую правительством в соответствии с Манифестом Екатерины II от 17 марта 1775 г. и последующими указами Сената. Миллер, опасаясь за себя и судьбу своих близких, мог просить Бюшинга не подписывать статьи его именем.

В защиту версии об авторстве Миллера Г. П. Блок, а вслед за ним другие исследователи приводят данные о собирании Миллером документов Крестьянской войны, а также указывают на прошлые научные интересы историка, связанные с изучением войн и народных движений в Русском государстве⁵. Параллельно ученые проводили текстологический анализ статьи. Весомым доказательством авторства Миллера явилось такое, например, наблюдение Л. П. Белковец.

В 1775 г. Г. Ф. Миллер, живший с 1765 г. в Москве, где руководил Архивом коллегии иностранных дел, послал Бюшингу сообщение об отношении трудового населения Москвы к Пугачеву. Бюшинг поместил эту работу в своих «Еженедельных известиях о новых ландкартах, географических, исторических и статистических книгах и сочинениях» (Берлин, 1775. Вып. 27). Миллер, очевидец событий лета 1774 г., писал: «Когда в прошлом году мятежник Пугачев подошел к Казани, в Москве возникло возмущение, во время которого слепая чернь объявила разбойника своим спасителем». В анонимной же статье из «Сборника новой истории и географии» дается предельно близкая оценка этих событий: «Вся Москва ждала его [Пугачева] прихода и готова была при одном только приближении мятежников встать под его знамена» (S. 45)⁶. Еще один пример. На основании изучения текста анонимной статьи Г. П. Блок доказывает, что работа писалась в России русским подданным, но по национальности не русским, возможно, немцем⁷. Исследователь высказал надежду, что неоспоримые подтверждения авторства Миллера могут найтись среди бумаг архива Бюшинга. Но, как видно из работ немецких историков, рукописное наследие Бюшинга уже с прошлого столетия считается утерянным⁸.

Одним из реальных путей поиска дополнительных свидетельств, которые дали бы возможность признать Миллера

автором рассматриваемого исторического очерка. является, на наш взгляд, источниковедческий анализ работы, выявление ее источников, изучение известных нам документов из собрания Миллера. Как выяснено Р. В. Овчинниковым, в «пугачевском» портфеле Миллера в соответствии с описью конца XVIII в. было 12 дел. В настоящее время в коллекции документов по истории Крестьянской войны, собранной Миллером и ныне хранящийся в РГАДА, всего 6 дел. Остальные дела приписаны архивистами к другим фондам⁹.

Под № 1, 3 и 4 в собрании Миллера значатся «Дневная записка о самозванце Пугачеве, веденная города Оренбурга церкви Благовещения, что на Гостином дворе, священником Иваном Осиповым 1773 года», «История о происхождении самозванца Пугачева, сочиненная города Оренбурга Троицкой церкви священником Иваном Полянским» и «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Пугачеве»¹⁰.

При сопоставлении текста статьи с этими тремя источниками выясняется, что именно их информацией воспользовался Аноним, давая характеристику яицкому казачеству, описывая боевой путь первого повстанческого отряда Пугачева в сентябре 1773 г. и ход сражений повстанцев с гарнизоном осажденного ими центра губернии (S. 6, 8–16, 18, 26). Сведения, подсказанные этими источниками вместе с выводами автора изложены на 8 страницах, т. е. составляют примерно до $\frac{1}{7}$ объема текста очерка.

Вот некоторые конкретности, подтверждающие наши наблюдения. Сообщая о подступе Пугачева к Яицкому городку 18 сентября 1773 г., автор использует следующие свидетельства Полянского и Осипова: в отряде Пугачева было 300 чел., против них комендант крепости Симонов выслал 6-ю полевую команду и 500 казаков; в городок Пугачев направил манифест от имени царя Петра III и потребовал от гарнизона сдачи крепости, от казаков — службы «их истинному царю»; 500 казаков перешли к повстанцам и

насиленно увели 12 старшин (S. 8)¹¹. Правда, здесь, как и в ряде других случаев, не обошлось без ошибок в передаче фактов. В статье число высланных против повстанцев казаков из-за лишнего нуля возросло с 500 до 5 тысяч, а вместо старшин, не пожелавших присоединиться к восстанию и казненных за это, у автора появились 11 казачьих офицеров (S. 8). Много ошибок в датировании событий. Так, сражения под Оренбургом были 6 октября, а не 5-го; 12-го, а не 17-го; 14 ноября, а не 17 декабря; город штурмовали 2 ноября, а не 7-го (S. 13–16, 18) и др.¹² Некоторые из ошибок могли появиться при печатании очерка, другие говорят о поспешности автора.

Под № 10 из коллекции Миллера хранилось «Описание мятежа, происходившего в войске Яицком», а в деле № 2 — мемуары казанского архимандрита П. Любарского. Следы использования их в статье видны в изложении сведений о яицких казаках и при описании захвата пугачевцами Казани (S. 6, 38, 41, 42).

Взглянем внимательней на дело № 11 «пугачевского» портфеля Миллера. Там было 4 документа из канцелярии пугачевского атамана И. Н. Белобородова: указ повстанческой Военной коллегии атаману И. Н. Белобородову о немедленном выступлении его отряда к Магнитной крепости на соединение с Главным войском Е. И. Пугачева, а также наставление и ордера Белобородова. В них содержалось требование повстанческого командования крепить воинскую дисциплину в отрядах, сообщалось о комплектовании корпуса Белобородова на Саткинском заводе, служившем ему некоторое время базой¹³. И автор статьи изложил это такой фразой: на Белорецком заводе к Пугачеву «присоединился Белобородов с 1500-ми хорошо обученными повстанцами, которых он большей частью набрал на Саткинском заводе» (подчеркнуто мною — И. Г.). Как видится из нашего сопоставления, автор неправильно указывает только

место присоединения Белобородова к Главному войску повстанцев — Белорецкий завод (S. 28). Между тем, Белобородов подошел к Пугачеву позднее, после захвата повстанцами Магнитной крепости. Тут, возможно, автора ввело в заблуждение сообщение, содержащееся в указе повстанческой Военной коллегии Белобородову от 2 мая 1774 г., — сообщение о выступлении Пугачева из Белорецкого завода.

В тетрадях — делах за № 5–9 из коллекции Миллера (более 150 листов) были собраны манифесты и указы Екатерины II и Сената, копии писем императрицы к командующим войсками, направленными на подавление восстания, и к губернаторам, донесения и рапорты командиров карательных частей, переписка гражданских властей. Заметим, что обилием фактического материала отличались Манифест Екатерины II от 19 декабря 1774 г. «О преступлениях казака Пугачева» и сентенция от 10 января 1775 г. «О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». Нет сомнений в том, что именно из этих документов наш автор взял биографические данные о Пугачеве и его сподвижниках И. Н. Белобородове, А. А. Овчинникове, ряд сведений об общем ходе восстания (S. 5–7, 17 и др.).

Известно, что собирая документы и другие источники по истории Крестьянской войны, Миллер обращался к свидетелю осады Оренбурга пугачевцами П. И. Рычкову, член-корреспонденту Петербургской Академии наук. Осенью 1774 г. он получил составленную Рычковым хронику шестимесячной осады Оренбурга, в основе которой был экстракт из документов Оренбургской губернской канцелярии. Миллер вел активную переписку и с оренбургским губернатором, от которого также получал интересующие его документы о повстанческом движении в крае¹⁴. Из текста статьи видно, что автор был знаком с рапортами губернатора И. А. Рейнсдорпа в Военную коллегию, откуда были извле-

чены, в частности, некоторые известия о сражениях под Оренбургом 12 октября, 2 и 10 ноября, 30 января, об отправлении команды Зубова в Берду после ухода оттуда пугачевцев (S. 14, 15, 25).

Автор брал сведения также из переписки генералов В. А. Кара (S. 15–16), А. И. Бибикова (S. 19, 20), П. И. Панина (S. 48, 49) с императрицей и Военной коллегией; из рапортов генерала П. М. Голицына генералу А. И. Бибикову (S. 23, 24, 26), извлечения из которых печатались в «С.-Петербургских ведомостях» в 1773–1775 гг. Некоторые из этих газет сохранились в «портфеле Миллера».

Самую большую группу документов, оказавших автору значительную помощь в воссоздании событий Пугачевского восстания, составили, однако, рапорты подполковника (а затем полковника) И. И. Михельсона к командующим карательными войсками. Операциям Михельсона в статье отведено центральное место. Такое внимание к Михельсону не трудно объяснить инициативой и вкладом этого военачальника в разгром народного движения. О его операциях и высокой оценке их со стороны императрицы и командующего карательными войсками П. И. Панина автор мог знать по документам, газетам и по общественному мнению, сложившемуся в дворянских кругах. В реляции Панина Екатерине II от 2 сентября 1774 г. Михельсон назван «отлично храбрым и неутомимым полковником». А в ответном письме Екатерины II Панину от 16 сентября дается такая характеристика «неутомимому» офицеру: «Отлично храбрые, расторопные и неутомимые поступки усердного полковника Михельсона с его detachmentом всякой похвалы достойны»¹⁵. Высочайшая оценка почти дословно перешла на страницы статьи Анонима, которого приводил в восторг и сам «деятельный и неутомимый полковник Михельсон», «неутомимый полководец», — и его «усердие..., достойное

восхищения», «настоящий героизм и патриотизм» (S 27, 45, 46, 48 и др.).

Интересно, что стремление автора выделить Михельсона из числа других военачальников, участвовавших в подавлении восстания, Г. П. Блок объясняет не только научными задачами, но и некой «побочной целью». В последней он видит желание Анонима воздать по заслугам Михельсону, о чьей «беспримерной службе» трону стали забывать сразу после Крестьянской войны, которую дворянско-помещичьи круги старались вычеркнуть из памяти. По мнению исследователя, в работе, предназначенной для западного читателя, автор, в расчете на европейское общественное внимание, дает панегирик в честь Михельсоновых деяний. К тому же, «едва ли стоит сомневаться в том, — пишет Блок, — что она [статья] была если не заказана, то инспирирована Михельсоном»¹⁶. Это мнение Блока можно подержать достаточно достоверным предположением о том, что все рапорты Михельсона и другие документы военно-походной канцелярии полковника были переданы автору статьи самим Михельсоном или кем-либо из его приближенных.

Текстологическое изучение статьи позволяет сделать вывод о том, что Аноним был знаком с не менее, чем 37 документами военно-походной канцелярии Михельсона за 1774 год: 3 его рапортами за март, 3 за апрель, 6 за май, 7 за июнь, 9 за июль, 9 за август (S. 20–22, 26–35, 38–48)¹⁷. Данные из рапортов Михельсона были использованы Анонимом при изложении таких центральных событий восстания, как сражения повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики с правительственными войсками под Уфой 24 марта 1774 г., схватки михельсоновцев с отрядами Салавата Юлаева, преграждавшими путь подполковнику на восток, к местам действий Главного войска Е. И. Пугачева, а также — сражения Михельсона с Пугачевым в северо-восточной части Башкирии 22 мая, 3 и 5 июня, бои под Казанью, Ца-

рицыном, Черным Яром. Помимо карты военных действий, из рапортов Михельсона автором статьи была извлечена информация, свидетельствующая о размахе народного восстания, его движущих силах, об устремлениях повстанцев. Все это занимает около 20 страниц текста. Таким образом можно утверждать, что почти треть статьи написана на материале документов военно-походной канцелярии Михельсона.

Остановимся подробнее на этой части исторического очерка. Ее отличает точная хронологическая последовательность изложения событий. Некоторые документы пересказываются почти целиком, из других берутся отдельные факты. Примером пространного изложения документов может служить рапорт Михельсона генерал-аншефу А. И. Бибикову от 24 марта 1774 г. о разгроме карателями Чесноковского повстанческого центра¹⁸. Данные этого источника переданы на двух страницах текста (S. 21–22). Широко использованы и факты, извлеченные из рапортов Михельсона генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову от 8, 13, 22 и 23 мая о его боях и стычках с отрядами Салавата Юлаева и с другими пугачевскими полковниками и атаманами¹⁹. Из этих же документов автор черпал информацию о продвижении войска Пугачева по заводам и крепостям Уфимской и Исетской провинций (S. 27–30). А придавая особое значение описанию встреч правительственных команд с войском Пугачева на поле боя, Аноним предложил читателю почти дословный, лишь немного сокращенный и отредактированный рапорт Михельсона Щербатову от 3 июня 1774 г. (S. 33–34)²⁰.

Отметим, что автор статьи достаточно бережно относился к фактическому материалу этих источников, хотя в ряде случаев его можно уличить в преувеличении боевых успехов карательного корпуса, а иногда и в непоследовательности при описании событий. Так, Михельсон отчитывался, что во время боев под Уфой погибло 500 повстанцев, взято в плен 1560 чел., отбито 25 пушек²¹. В статье цифры

соответственно возросли до 800, 2000, 45 (S. 22). И еще. В сражениях под Казанью, по донесениям Михельсона, было убито 2000 чел., в статье же указано — 3000; освобождено «из плена» Пугачева 10 тыс. чел., автор доводит это число до 30 тыс. (S. 41)²². По документам Михельсона, после сражения 24 марта у д. Чесноковка И. Н. Зарубин отошел к Табынской крепости, где он и 20 его сподвижников были захвачены местными казаками и переданы прибывшей туда команде из корпуса Михельсона. В статье этот эпизод передан в таком виде: Зарубина и с ним неких 42 повстанческих офицеров захватил в Табынске сам подполковник (S. 22)²³. Сегодня названный комплекс рапортов Михельсона хранится не в коллекции Миллера, а рассредоточен, как говорилось выше, по разным делам и фондам. Однако допустимо, что в свое время они были в руках у Миллера, возможно, в копиях, переданных историку самим Михельсоном или кем-нибудь из его приближенных.

Можно предположить также, что автор получил из архива Михельсона не все 37 рапортов. В 1774 г. в канцелярии Михельсона велся «Журнал военных действий... подполковника И. И. Михельсона против изменника и самозванца, донского казака Емельяна Иванова сына Пугачева... и его, Пугачева, злодейских сообщников» за март-август 1774 г.²⁴ Он был построен на использовании рапортов Михельсона и других документов, которые переданы в Журнале в кратком изложении. Журнал мог дать автору всю основную информацию о боевых делах Михельсона. Однако, при сопоставлении текстов статьи, рапортов и Журнала выясняется, что в статье использованы некоторые данные, имеющиеся только в рапортах. Так, в Журнале нет сведений об отправке капитана А. В. Мельгунова из Уфы в Бирск, но они содержатся в рапорте Михельсона генералу Ф. Ф. Щербатову от 5 мая 1774 г.²⁵ и в статье (S. 27). Только из рапорта Михельсона Щербатову от 1 июня автор

мог взять подробности боев с отрядами Салавата Юлаева и Таиша Ченыкаева²⁶ (S. 33), а из рапорта полковника П. И. Панину — сведения о вступлении в село Починки и о захвате в плен пугачевского полковника А.Е.Суходольского и людей из его отряда (S. 45–46)²⁷.

Об использовании автором рапортов, а не Журнала говорят и такие факты: о разливе весной рек в Башкирии, что препятствовало продвижению карателей (S. 27), о хитрости повстанцев, которые лишь «для виду» присягали Михельсону (S. 28), об отдельных деталях сражения под Казанью (S. 41)²⁸. В Журнале об этом ничего не сообщается. Ясно, что подобные сведения Аноним мог извлечь из рапортов Михельсона.

Вопрос может стоять так: либо у автора был весь комплекс рапортов Михельсона командующими карательными войсками, либо он использовал информацию Журнала и несколько рапортов полковника.

В пользу того, что автор исторического очерка пользовался архивом Михельсона, говорят и такие факты. В статье подробно рассказывается о сражении Михельсона с отрядами Салавата Юлаева у переправы через р. Ай 31 мая 1774 г. В основе сюжета — рапорт Михельсона Ф. Ф. Щербатову от 1 июня. Но встречаем в тексте такие подробности, каких нет в этом донесении: о приказе Михельсона «40 казакам взять с собой на лошадь по одному егерю и переправится» через реку Ай, где расположились салаватовцы, и «удерживать участок берега, пока не переправятся остальные»; о том, как перетаскивали через реку пушки (с заткнутыми отверстиями и с помощью канатов) и др. (S. 32–33). Подобные детали мог знать только участник боя. Второй факт. В официальной переписке военных властей не могло быть точного верстового исчисления пути, пройденного командой Михельсона. По всей вероятности, автору были предоставлены какие-то записки Михельсона, где последний под-

водил итоги кампании: «за несколько месяцев прошел со своим небольшим отрядом 8000 верст и добился при этом столь важных побед над врагом, зачастую численно превосходящих его во много раз». И далее — о последнем взлете «усердия»: «За 35 дней он прошел от Казани, через Арзамас, почти до Черноярска 1400 верст» (S. 48). Подобные примеры можно продолжить.

Из текста статьи видно, что автор пользовался и другими источниками, предоставленными ему во временное пользование. Например, там подробно рассказано о судьбе молодого ротмистра барона Лондона, погибшего в сражении 26 мая 1774 г. под Бирском. В обстоятельном рапорте командира Лондона секунд-майора О. И. Дуве генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову от 27 мая названы все офицеры, дравшиеся «с неустрашимую храбростию» (некоторые из них — капитан Мельгунов, поручик Фукс отмечены и в статье), но среди них не было Лондона. Только в числе убитых назван «ротмистр один, рядовых осмнатцать»²⁹. Значит, у автора был иной источник сведений о ротмистре. Скорее всего, это — рассказы дяди ротмистра, «военного интенданта е. и. в. Лондона», который упоминается в статье (S. 35).

Как мы уже заметили, автор статьи допускал некоторые ошибки при изложении фактов, взятых из различных источников. Но ряд неточностей нельзя отнести на счет невнимательности или небрежности автора. Тут явно сказалась правка Бюшинга, не всегда внимательная и умелая. В предисловии к очерку издатель сам признавался, что редактировал текст, исправлял транскрипцию русских собственных имен и названий (S. 2). Результатом этого явились такие неточности: вместо С. М. Оболяева, по прозвищу Еремина Курица, хозяина постоянного двора, появилось поместье Еремина Курица (S. 7); Рейнсдорп стал Рейнсфорфом (S. 11, 13, 15); Чернышев — Чернычевым (S. 15, 16), Рыч-

ков — Кичковым (S. 18); генерал Деколонт стал Деколомом (S. 20); вторая жена Пугачева Устинья — Ульяной (S. 26); Воскресенский завод был отнесен на р. Миас, на границу с Сибирской губернией, хотя находился на р. Тор, притоке р. Белой, в самом центре Башкирии (S. 26); Катав-Ивановский завод записан как Катов за Ивановской (S. 27); р. Ведка вместо р. Вятки (S. 27, 39); Усть-Катавский завод назван Уйским (S. 28); кр. Петропавловская превращена в Петровловскую, Уйская — в Устишенскую (S. 29), Чебаркульская — в Чербакуль (S. 31); Кыштымский завод — в Кыштин, Златоустовский — в Стату-Устовский (S. 31); д. Бураево стала Браева (S. 39); с. Царицыно — Цацицыным (S. 40); кр. Черный Яр — Черноярск (S. 46); комендант Саратова И. К. Бошняк переименован в Босняка (S. 44), а комендант Царицына И. Е. Цыплетев — в Циплатова (S. 45) и др. Во многом неправильно определены расстояния между населенными пунктами. Так, вместо точных цифр оренбуржца И. Полянского, написавшего, что кр. Чернореченская была в 18 верстах от Оренбурга, в статье расстояние возросло до 80. Невозможно заподозрить в таких грехах самого автора, русского подданного, который мог всегда навести справки и по работе П. И. Рычкова «Топография оренбургская», вышедшей в 1762 г., и по «Географическому лексикону Российского государства», выпущенному в 1773 г. Ф. А. Полуниным и Г. Ф. Миллером (в приложении к словарю была помещена «Роспись географическим долготам и широтам», составленная Миллером), т. е. работы известные или подготовленные Миллером, авторство пугачевской статьи которого мы стремимся обосновать.

В статье обнаружены следы использования печатных трудов. По тексту видно, что автор читал роман «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева». Книга, наполненная всяческими из-

мышлениями и небылицами, была издана на французском языке в Лондоне в 1775 г. С усмешкой Миллер упомянул романиста в своей статье: «Для казака Пугачев был умен, возможно даже умнее того легкомысленного (продувного) француза, возмечтавшего стать его Вергилием» (S. 47). И еще. Сведения о количестве башкир и территории их проживания были взяты, скорее всего, из работы географа и историка И. Г. Георги, в 1770 г. побывавшего в составе экспедиции Петербургской Академии наук в Башкирии (S. 17)³⁰.

Указывая на источники, послужившие Анониму при создании его труда, нельзя вновь не заметить и того, что о многом он знал сам как современник описываемых событий. До него не могли не дойти ходившие в народе слухи об удивительном спасении царя Петра III, вместо которого, якобы, был убит похожий на него гвардеец. С именем Петра III угнетенные массы связывали надежду на улучшение своего положения. Автор определил эти слухи как «авантюристические истории» (S. 7, 9), но правильно оценил самозванчество Пугачева как один из решающих факторов в зарождении восстания и в привлечении трудового народа на сторону новоявленного «Петра III».

Автор был осведомлен о реакции правительства, российского дворянства на восстание. Ему, безусловно, известно было негодование Екатерины II и смятение среди столичного дворянства в связи с неожиданным появлением в Москве генерала В. А. Кара, возглавившего первую карательную экспедицию в октябре 1773 г., а через месяц бежавшего после разгрома войска в боях с повстанцами. Поэтому автору не составляло труда дать такую оценку этих событий: «Двор в Петербурге был между тем удивлен малодушием и неосмотрительностью генерала Кара и поражен размахом волнений» (S. 15).

Автор знал и о новом командующем войсками, направленными против повстанцев, крупном государственном деятеле и военачальнике генерал-аншефе А. И. Бибикове. При первом его упоминании в очерке характеризуется как «человек честный, храбрый и прозорливый полководец» (S. 19). С особой симпатией автор писал об оренбургском губернаторе И. А. Рейнсдорпе, называя его «деятельным», «храбрым и рассудительным» хозяином губернии (S. 11, 13, 15).

До автора дошли слухи о том, что казанский митрополит Вениамин вручил, якобы, Пугачеву мешок золота. Но, не зная, что в ходе правительственного и церковного расследования этого «преступления» митрополит был полностью оправдан, он высказал такое предположение: с захватом казанского кремля «митрополит сделал бы для спасения своей жизни и второй шаг — короновал бы бунтовщика. Тогда народ окончательно утвердился бы в своей вере, что это царь Петр III» (S. 41).

Автор, видимо, был очевидцем казни Пугачева и экзекуции над его сподвижниками в Москве. Он записал, что 10 января 1775 г. Пугачев, приговоренный к четвертованию, был по ошибке палача вначале обезглавлен (S. 50). (Дело же было не в ошибке палача. Все шло по заранее отрепетированному сценарию, дабы в последнюю минуту продемонстрировать «милосердие» императрицы³¹).

Как видим, указанных в архивной описи документов по истории Пугачевского восстания из собрания Миллера, изученных им источников из личных архивов, опубликованных документов, собственных наблюдений современника Крестьянской войны было достаточно для подготовки очерка об этом грандиозном народном движении. Историка выдает не только серьезная источниковая база исследования, не только объем информации, извлеченной из разнообразных документов, но четкость изложения огромного материала. Здесь почти каждое событие получает оценку автора.

Автор уделяет большое внимание личности предводителя восстания. Излагая биографию Пугачева и оценивая его роль в восстании, он подчеркивает «здоровый природный ум», «редкое присутствие духа», воинский опыт Пугачева. Автор делает вывод, что именно эти качества, а также находчивость и смекалка донского казака Пугачева «дали ему возможность так долго сводить на нет все усилия русских полководцев», отправленных правительством на подавление восстания (S. 6). Восстанавливая события сентября-ноября 1773 г., когда к Пугачеву присоединились казаки из многочисленных крепостей и форпостов Оренбургской пограничной линии, разные категории податного населения Оренбургской губернии, и повстанцы одерживали победу за победой в боях с оренбургским гарнизоном и войсками генерала Кара, автор писал, что это было заслугой Пугачева, который «проявлял рассудительность в своих планах и смелость при их осуществлении, и тем самым завоевал доверие своих людей» (S. 16–17).

В статье приводится бытовавшее тогда в западноевропейских общественных кругах мнение о том, что Пугачев был «не только опытный и искусный полководец, но и видный государственный муж». Автор выступает с решительной критикой такой оценки Пугачева и указывает на отсутствие разработанных планов боевых действий войска Пугачева: «Был бы он только одним — только государственным деятелем или только солдатом, он, конечно, пошел бы на Москву вместо того, чтобы осадить Казань. Но если даже это было необходимо, чтобы прикрыть свой тал, то он прямоком пошел бы оттуда на столицу империи, вместо того, чтобы увлечься сумасбродной идеей поднять кубанских татар и донских казаков» (S. 47–48).

Автор возлагает на Пугачева всю ответственность за начало Крестьянской войны. Но справедливо отмечает, что самозванного «Петра III» поддержало и активно участвова-

ло в воосстании все эксплуатируемое население Урала и Поволжья. В конце 1773 г., говорится в статье, «большинство населения Оренбургской и Казанской губерний, в особенности Оренбургской, встало на сторону» Пугачева (S. 19), его «толпа росла как снежный ком и достигла уже численности несколько тысяч человек» (S. 10). А после переправы через Волгу «бунт сразу же охватил места, по которым проходил» Пугачев (S. 42).

Отмечая многонациональный состав восставших, автор называет среди них русских, башкир, татар, удмуртов, калмыков. «Все башкиры... подняли флаг бунта», — заключает автор и приводит даже имена их предводителей: «Юламанка, Каранайка и Салаватка» (S. 17). Это были действительно выдающиеся вожаки народных масс. Юламан Кушаев, пугачевский генерал, не приносил повинную властям до конца 1774 г. Повстанческий полковник Карапай Мратов был захвачен в плен властями в ноябре 1774 г.

Среди сподвижников предводителя восстания особенно много места отведено повстанческому бригадиру Салавату Юлаеву. Автор отмечает большую популярность Салавата среди народных масс, его воинское мастерство, проявленное в боях против михельсоновцев. Карателям без продовольствия и фуража приходилось идти через пустые башкирские селения, так как «все они были покинуты жителями, вставшими под знамена Салаватки» (S. 33). Повстанцы, не оставляя в покое Михельсона, постоянно нападали на «неутомимого полководца». И автор с удивлением пишет, как это «у Салаватки хватило смелости пойти ему [Михельсону] навстречу и вызвать его на бой» (S. 32–34).

Автор, выступавший с позиций дворянской историографии, не видел социально-экономических причин, сплотивших «черный люд» в выступлении против господ. Поэтому он не мог разобраться, например, в том, почему после сокрушительного разгрома повстанцев под Татищевой

крепостью, когда, по данным статьи, были захвачены в плен 6000 пугачевцев, потеряна вся артиллерия, повстанцы не покинули своего вожака. Автор пытается объяснить это... ораторским искусством Пугачева: собрав остатки войска, тот, якобы, обратился к ним «с хватающим за душу красноречием..., заклиная их быть стойкими и преданными в борьбе за не совсем еще безнадежное дело их государя» (S. 24). После этого за Пугачевым последовали 4 тысячи повстанцев, констатировал автор.

Автор отдает должное стремительности наступления отрядов повстанцев, иногда завершавшихся их победой. Восторгаясь храбростью и воинским искусством Михельсона, он нередко пишет о «яростных атаках» пугачевцев, о «строгом боевом порядке», с которым они встречали правительственные части (S. 386 47). Имеются в работе и такие объективные оценки встреч на поле брани: «Бой был трудным и вначале победа склонялась то в одну, то в другую сторону» (S. 41), или о победе над Каром: «Одной этой победы было бы достаточно, чтобы повсюду раздуть пламя восстания» (S. 16).

В статье показана жестокость народного выступления, которое автор рассматривает как трагедию для страны. Но в то же время он довольно точно определяет антикрепостническую направленность Пугачевского движения: «Дворяне... бросали свои дома и поместья, оставляя свое добро на разграбление злодеев, спасая только свою жизнь... Слуги убивали своих господ, а подчиненные начальников» (S. 12, 42).

В целом же, вся статья пронизана тенденциозностью в описании Крестьянской войны. Это проявляется как в оценке, в отборе фактов, так и в языке. Автор обвиняет повстанцев в незаконном покушении на коренные основы государства и общества; казаков — в «непостоянстве и дикости»; башкир, крестьян разных национальностей — в «легковёрности и постоянной готовности бунтовать», в при-

сущей им, якобы, жестокости и стремлениям к грабёжам (S. 6, 9, 11 и др.). Повстанческое войско называется «гнусной ордой», а Пугачев — «чудовищем» (S. 38 и др.). Главная задача автора сводится к показу усилий правительства Екатерины II по подавлению Пугачевского восстания.

Таким образом, анализ источниковой базы и самого текста статьи о Пугачевском восстании, опубликованной на немецком языке в «Сборнике новой истории и географии» в 1784 г., подтверждает ранее высказанное предположение о принадлежности этого очерка перу историка Г. Ф. Миллера. Остается надежда получить документальные доказательства того, что Миллер отправил свою статью Бюшингу, в сохранившихся в С.-Петербургском отделении Архива РАН письмах Бюшинга Миллеру и черновиках ответных писем Миллера³². К сожалению, из-за своеобразия почерка Бюшинга, письма его поддаются расшифровке с большим трудом, многие из них до сих пор не прочитаны, а потому и не стали достоянием исследователей.

¹ Zuverlässige nachrichten von dem Auirührer Jemelian Pugatschew und der von demselben angestifteten Empörung // Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1784. № 18 S. 5–50. В последующем ссылки на эту публикацию приводятся непосредственно в тексте статьи, где внутри круглых скобок после латинской литеры «S» указываются номера соответствующих страниц.

² Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949

³ Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 213–245.

⁴ Цит по кн.: Белковец Л. П. Указ. соч. С. 272.

⁵ Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. I. С. 271; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 210–211; Гофман П. О переписке Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга // Археографический

- ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 290–295; *Гвоздиков И. М.* К изучению источников «Истории Пугачева» А. С. Пушкина // Двадцать седьмая всесоюзная пушкинская конференция. Тезисы докладов. Оренбург, 1983. С. 12–13; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.) М., 1985. С. 19–27; *Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154–166; *она же.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988; *Каменский А. Б.* Академик Г. Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // История СССР. 1989 № 1. С. 154–159
- ⁶ *Белковец Л. П.* К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера. С. 165.
- ⁷ *Блок Г.* Указ. соч. С. 94, 98–102.
- ⁸ *Гофман П.* Указ. соч. С. 295.
- ⁹ *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 169–177; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 152.
- ¹⁰ Мемуары И. Осипова и И. Полянского опубликованы: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-ти т. М.; Л., 1940. Т. 9. Ч. 2. С. 551–597. «Экстракт...», известный как Журнал И. А. Рейнсдорпа сохранился в нескольких экземплярах (РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 4–65; РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 179–197; Д. 1233. Л. 2–13, 75–88, 324–339 и др.).
- ¹¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 9. Ч. 2. С. 551–552, 583–584.
- ¹² Там же. С. 556, 574, 590, 593–594; РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 13, 15, 16, 18.
- ¹³ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 67, 68, 281, 291, 292, 438.
- ¹⁴ *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867. С. 142–149.
- ¹⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 130, 136.
- ¹⁶ *Блок Г.* Указ. соч. С. 104–106.
- ¹⁷ Ныне подлинники этих документов хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 20. Д. 1232. Л. 435–440; Д. 1233. Л. 392–393; Д. 1236. Л. 297; Д. 1237. Л. 110, 177, 284–285; Д. 1238. Л. 405, 431–432, 513–514; Д. 1239. Л. 138–139, 144–147, 181, 373–374; Д. 1240. Л. 230–232, 236–237, 239, 314, 343,

- 347, 352, 362–363, 433, 468, 486) и Российском государственном архиве древних актов (Ф. 6 Д. 490. Ч. 1. Л. 204–205, 215, 218, 267–268; Ч. 2. Л. 110–111; Ф. 1274. Д. 174. Л. 146–147). Часть этих документов опубликована в сборнике: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975. С. 111–117, 121–124, 128–129, 131–132, 134–138, 139–141, 144–146, 153–155, 158–160, 168–169, 171–173, 184–186, 193–195, 196–197, 200; Грот Я. К. Труды СПб, 1901 Т. 4 С. 574–579.
- 18 Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 111–115.
- 19 Там же. С. 139–141, 144–146. 153–155.
- 20 Там же С. 171–173.
- 21 Там же. С. 113.
- 22 РГВИА. Ф. 20. Д. 1240 Л. 363.
- 23 Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 116.
- 24 Журнал опубликован в сборнике: Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973. С. 194–223, 383–391.
- 25 Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 136.
- 26 Там же. С. 168–169.
- 27 Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. 3. Из архива Пугачева. С. 78–80.
- 28 Рапорт И. И. Михельсона Ф. Ф. Щербатову от 25 апреля, 13 мая, 16 июня 1774 г. // Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 136, 145; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 363.
- 29 Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии С. 162.
- 30 *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. В 3-х ч. СПб., 1776–1777. Ч. 2. С. 94.
- 31 *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е.И.Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995 С. 176–183.
- 32 *Гофман П.* Указ соч. С. 290–295; Белкоовец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. С. 13–14.

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ «КОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВОДОПРОВОДА» (1779–1814 гг.)

Коллекция материалов по истории московского водопровода хранится в фонде Музея г. Москвы¹. Эти материалы отложились в процессе деятельности Комиссии строения производимых в пользу Москвы водяных работ за 1779–1788 гг.; Канцелярии директора работ полковника А. И. Герарда за 1797–1805 гг.; Канцелярии директора водопроводов при Главном управлении III округа путей сообщения за 1807–1814 гг.

За представленный в обзоре период сохранилось 218 архивных дел.

Материалы по строительству и ремонту водопровода имеются также и в других архивах страны. Так, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) есть записка генерал-инженера Ф. В. Бауера о московском водопроводе, относящаяся к 1778 г.² и проект строительства водопровода в Москве, составленный Ф. В. Бауером в 1799 г.³ О ходе сооружения водопровода свидетельствуют донесения московских главнокомандующих (генерал-губернаторов) Екатерине II за 1782–1788 гг.⁴

В Российском историческом архиве в Санкт-Петербурге сохранились материалы за 1805–1809 годы в фондах Департамента водяных коммуникаций и Канцелярии главного директора водяных коммуникаций.

В 1779–1783 гг. архив московского водопровода хранился в двух местах: в Петербурге у инженер-генерала Ф. В. Бауера, к которому посылались дела из Москвы, и в Комиссии производимых в пользу города Москвы работ⁵, созданной под председательством того же Ф. В. Бауера.

О ведении делопроизводства по водопроводу за эти годы сообщает Комиссия в Государственную ревизион-коллегию от 13 мая 1783 г.: «Комиссия... сим уведомляет, что о заведении на записку о приходе и расходе денежной казны книг, особливого повеления и формы от господина... фон Бауера Комиссии дано не было, относительно к московскому водоведению счета ведены на немецком языке, на котором и имеются годовые книги, в которых как приход, так и расход помесечно показан; сверх оных даны были Комиссии за рукою от генерала шнуrowые на каждый год книги, в которых как приход, так и расход с расписками приемщиков хотя и на российском языке, однако произвольною формою написаны; что принадлежит до приема отпускаемых на водяные работы сумм, то отпущенные от него, господина генерала, о том письменные требования наперед отсылаемы им были в Комиссию, которая, сняв с них только копию, для получения требуемого числа денег в надлежащие места их подавала; в рассуждении сего распоряжения Комиссия кроме упомянутых взятых сообщений господина генерала Бауера копий других документов к отсылке не имеет. Касательно до отсылки счетов, то Комиссия, учреждена будучи от него, генерала, и заимствуя единственно от одних его повелений, и отсылала как ежемесячной, так и годовой отчет со всеми книгами к нему, генералу, от которого уже те счета, сколько Комиссии известно, ее императорскому величеству ежегодно доносимы были...»⁶.

После смерти Ф. Бауера в 1783 г. его преемник подполковник И. К. Герард получил оставшиеся в Петербурге в архиве Ф. В. Бауера дела, планы и чертежи по водопроводу и привез их в Москву⁷.

Во время остановки работ (с 1787 по 1796 г.) дела хранились у инженера С. И. Бланкенагеля⁸, с 1797 по 1809 г. — при директоре работ А. И. Герарде, который принял дела от С. И. Бланкенагеля по ведомости в 1798 г.⁹, а с

1809 г. — при директоре-распорядителе работ III округа путей сообщения инженер-полковника С. Х. Зеге-фон-Лауренберга. В 1812 г. архив водопровода был вывезен в город Рыбинск и возвращен в Москву 23 ноября 1812 г.

В 1843 г. в связи с реорганизацией округов III округ путей сообщения и публичных зданий вошел в состав IV округа, куда вместе со всеми делами был передан весь архив. С 1867 г. дела водопровода вместе с архивом ликвидированного IV округа путей сообщения были переданы в строительное отделение Московского губернского правления. Перед революцией архив хранился в Московской городской думе. В начале 20-х гг. XX в. он был передан в Московский коммунальный музей.

Материалы коллекции были использованы в книге П. В. Сытина «История планировки и застройки Москвы», т. 2¹⁰; в книгах Н. И. Фальковского «Москва в истории техники»¹¹ и «История водоснабжения в России»¹². Документы использовались без ссылки на номера дел и страниц, т. к. в то время коллекция еще не была обработана.

До устройства в Москве водопровода жители употребляли воду из Москвы-реки и ее притоков, находящихся в черте города, и из колодцев. Водой из ключевых колодцев: Трехгорного, Вавилона на Девичьем поле и некоторых других могли пользоваться только жители ближних мест и богатые семейства, имевшие возможность платить за доставку или держать для этой цели своих лошадей.

С ростом населения и промышленности Москвы вода колодцев, рек и ручьев стала непригодной из-за загрязнения почвы.

На состояние водоснабжения Москвы было обращено внимание московского депутата в Комиссии о сочинении Нового уложения (1767 г.). В наказе ему говорилось: «Не менее же сего нужна також де необходимая к пропитанию человеческого чистота воды, в чем здешние жители в из-

вестные времена года претерпевают великую нужду. Для отвращения сего толь чувствительного недостатка, просить о приложении старания изысканием в удобных местах хороших вод,... К тому же кажется необходимым увеличить идушие сквозь город реки проведением воды из ближних мест, буде оное за благо принято и по способности к действию проведено быть может»¹³.

В 1770 г. был поставлен вопрос об устройстве в Москве водопровода. В 1778 г. Екатерина II велела инженер-генералу Ф. В. Бауеру произвести необходимые изыскания и устроить в Москве водопровод. Бауер исследовал все известные ключи под Москвой. Из его записки видно, что кроме Мытищинских источников им были исследованы также ключи на Пресне, близ Андреевской богадельни, в селе Преображенском, на Введенских горах, за Трехгорною и Рогожскою заставами, близ Андроньева монастыря и в других местах.

Бауер обратил внимание на источники, расположенные вблизи села Большие Мытищи. Местность эта представляла собой котловину, покрытую лесом и большими торфяными болотами, из которых вытекает река Яуза.

В 1779 г. Бауер представил проект «О проведении чистых вод в Москву» от источников села Большие Мытищи. По этому проекту предполагалось устроить у села ряд водосборочных кирпичных бассейнов, соединенных между собой и с водопроводом трубами. Для первого перехода через Яузу около Мытищ нужно было уложить два ряда чугунных труб, для второго, около деревни Ростокино, возвести мост с водопроводною на нем галерею, такие же галереи должны идти по мостам через речки Ичку, Тростянку и другие речки и овраги. Для собирания ключевых вод с находящейся на пути Поклонной горы (возле сельца Раева) следовало устроить стоки в галерее. В Сокольничьей роще, где поверхность земли возвышалась над уровнем воды, надо было

проложить галерею под землей, то же сделать и возле Сухаревой башни. Первое ответвление от магистрали предполагалось соорудить на Каланче (Каланчевской улице) и далее провести воду чугунными трубами к площади у Богоявления в Елохове, где устроить чугунный бассейн, такой же бассейн устроить в Немецкой слободе. Резервуар на Каланче с водоподъемной паровой машиной должен был снабжать Басманную, Мясницкую и Мещанскую части Москвы. Среденская часть должна была снабжаться через резервуар на Трубе. Такие же резервуары (водосборные бассейны) предполагались соорудить у Троицкого моста и в других местах.

28 июля 1779 г. этот проект был утвержден высочайшим указом и его исполнение было поручено Ф. В. Бауеру. Екатерина II указала: «генерал-поручику Бауеру произвести в действие водяные работы для пользы престолюного нашего города Москвы»¹⁴.

В копии указа Екатерины II Московской штатс-конторе от 28 июля 1779 г.¹⁵ говорится об отпуске средств на строительство: «показанную по смете его на то сумму миллион сто тысяч рублей отпустить таким образом: в нынешнем году пятьдесят тысяч, в 1780, 1781, 1782, 1783 и 1784 в каждом по сто по пятидесяти тысяч, в 1785, 1786, 1787 годах по сто тысяч рублей...»¹⁶

Другими указами Екатерина II повелела главнокомандующему Москвы кн. М. Н. Волконскому помогать Ф. В. Бауеру всеми средствами и представлять «из дивизии от трех до четырех сот человек»¹⁷.

Об отпуске средств на строительство водопровода в первые годы имеются ордера главнокомандующего Москвы И. Д. Еропкина в Комиссию¹⁸, отношения Ф. В. Бауера в Московскую штатс-контору и Главное московское казначейство для штатных сумм за 1779–1792 гг.¹⁹, отношения Комиссии в Московское для штатных сумм казначейство за 1784 г.²⁰

О подготовительных работах к строительству водопровода имеются сведения в ряде дел коллекции. В инструкциях и ордерах Ф. Бауера Ф. Б. Медеру за 1779 г. говорится о нивелировании территории по трассе водопровода, о заключении контрактов на поставки материалов, о выломке камня и кирпича из стен Белого города²¹. В сообщении Экспедиции строения Кремлевского дворца Бауеру говорится об отдаче мельницы под Троицким мостом для толчения «разного к производимой работе цемента» (28 апреля 1780 г.)²². В сообщении конторы Главной дворцовой канцелярии речь идет о разрешении строить кирпичные заводы на казенной земле в селах Тайнинском и Измайлове (16 мая 1780 г.)²³.

Под надзором Бауера и подобранных им чиновников («Комиссии производимых в пользу города Москвы водяных работ») были начаты работы, для чего и выписаны каменных дел мастера из Италии и минеры с Саксонских горных заводов.

Генерал Бауер жил в Петербурге, в Москву приезжал редко и руководство работами осуществлялось им путем переписки. Причем, почти вся переписка велась на немецком языке, так как большинство членов Комиссии были немцами. В 1783 г. В. Ф. Бауер умер и главное управление всеми работами было поручено Московскому главнокомандующему гр. З. Г. Чернышеву, а техническое руководство — статскому советнику И. К. Герарду, жившему в Петербурге.

Непосредственно о строительстве за 1779–1788 годы сведения содержатся в рапортах Комиссии главнокомандующим Москвы (1783–1785 гг.²⁴) и в отношениях Комиссии в Московскую казенную палату (8 января 1787 г.²⁵); в рапортах инженеров в Комиссию за 1781–1785 гг. и в описании работ произведенных в 1782 г.²⁶ Несомненный инте-

рес представляет план-проект работ на 1783 г. составленный Ф. Медером (на немецком языке)²⁷.

Комиссия продолжала работу до 12 июня 1788 г., когда по случаю войны с Турцией правительство прекратило отпуск денег на строительство. Чиновники водопровода были откомандированы в действующую армию, за исключением инженер-майора С. И. Бланкенагеля, оставленного для надзора за сохранностью выстроенных уже сооружений.

В ордерах главнокомандующего Москвы П. Д. Еропкина в Комиссию за 1788 г. сообщается о прекращении строительства водопровода²⁸.

До 1788 г. были проделаны следующие работы: устроены водосборные бассейны в с. Большие Мытищи (28 бассейнов с 62 родниками), из каждого бассейна был сделан сток в водопровод по глиняным трубам, ключевые бассейны были соединены между собой и с водопроводной кирпичной галереей. Для первого перехода через Язу у Мытищ были проложены два ряда чугунных труб, а для второго — у села Ростокина был выстроен грандиозный каменный мост-акведук (большая его часть сохранилась до наших дней). Для перехода через более мелкие речки, ручьи, овраги и низины было построено еще несколько мостов-акведуков. Так как воду было решено доставить в Москву самотеком, то вся галерея была проложена с уклоном (1 фут на версту, т. е. 1:4200).

Для соблюдения равномерного уклона в низких местах галерею возвели на искусственных насыпях, в высоких — проложили глубоко под землю. Стены галереи положены были на деревянных лежнях, а в тех местах, где она шла по насыпям, деревянные лежни покоились на сваях.

В 1787 г. почти все работы внутри города были закончены, оставалось только устроить галерею в Сокольничьей роще, у Каланчевского поля и у Сухаревой башни. Водопроводная галерея была проложена от Мытищ, через село

Алексеевское, Сокольники, Каланчевское урочище, Сухаревскую площадь до пересечения Садовой с Самотекой, где был сделан выпуск в Самотецкий пруд. В это же время были отделаны берега Самотецкого канала до Кузнецкого моста (570 сажен т. е. 121 метр).

Остановка в работе сказалась очень сильно на прочности галереи. Уже в ордере главнокомандующего Москвы П. Д. Еропкина генерал-инженеру С. И. Бланкснагелю от 26 июля 1788 г. говорится о повреждениях водопровода: «...близ Сухаревой башни часть вырытого канала начала обваливаться, отчего проезжающим и проходящим предвидится немалая опасность»²⁹.

В 1797 г. Павел I осмотрел начатый водопровод и по его распоряжению тайный советник И. К. Герард составил проект о «довершении и улучшении сего водопровода», который был утвержден 8 июня 1797 г.

В 1798 г. были возобновлены работы, на которые выделили 400 тыс. руб. Директором этих работ был назначен полковник А. И. Герард (он служил под руководством своего отца — И. К. Герарда, который заведовал водопроводом до перерыва работ). В 1802–1803 гг. было отпущено на дальнейшее продолжение работ еще 200 тысяч рублей.

Об отпуске средств на окончание строительства водопровода в коллекции имеется несколько документов: копия с распоряжения Павла I государственному казначею барону А. И. Васильеву от 8 июня 1797 г.³⁰, официальное письмо тайного советника И. К. Герарда А. И. Герарду от 3 июля 1797 г.³¹, переписка А. И. Герарда с Государственным статным казначейством за 1798 г.³² и 1803 г.³³

Большой интерес представляют составленные инженерами описания работ по строительству водопровода за 1798–1802 гг.³⁴

При возобновлении работ в 1798 г. сначала занялись окончанием галереи в тех местах, где ее не успели доделать

до 1787 г. Галерея была закончена, повреждения, происшедшие за 1787—1797 гг. были по возможности исправлены. Число водосборных бассейнов увеличилось до 43, т. е. было прибавлено еще 15 ключевых бассейнов. Галерея была доведена до Трубной площади, на которой был устроен бассейн с беседкой из кирпича и дикого камня. На Каланчевском поле соорудили первый открытый бассейн и четыре колодца. От бассейна на Трубной площади был проложен чугунный водовод вдоль Самотецкого канала с двумя фонтанами из дикого камня.

Воду впервые пустили 28 октября 1804 г. Тайный советник И. К. Герард во вверподданейшем рапорте на имя Александра I от 20 февраля 1805 г. сообщил об окончании строительства водопровода: «...который ныне... из села Больших Мытищ, изобильных чистых вод до предполагаемого места на Кузнецком мосте совершенно окончен, и употреблено в течении 17-ти работных лет 1.648.000 рублей...»³⁵.

Окончание строительства московского водопровода было крупным событием в Москве. Вот как об этом писали современники: «...Но открылся водовод и Москва водою богата, водою чистою и прекрасною, свежую и здоровую, прозрачною и текучею; удовольствована ее нужда единственная, но весьма важная, и первая Российская столица не завидует теперь ни Риму, орошаемому величественным Тибром, ни Лондону, вознесенному на берегах многоводной Темзы, ни Санкт-Петербургу, питающему воду невискую...»³⁶.

От Сокольничьей роши выложенный кирпичем подземный канал шел под Каммер-коллежским валом, минуя Каланчевское поле, огибал Сухареву башню у Сретенки и шел дальше по направлению речки Неглинной до Трубной площади, отсюда по чугунной трубе вдоль Самотецкого канала

(канал реки Неглинной) до Кузнецкого моста и здесь вливался в Неглинный канал.

В конце рапорта И. К. Герард ходатайствовал о доведении водовода до самой Москвы-реки: «...по поводу сему, как сия прибывающая вода при Кузнецком мосте вытекает в речку Неглинную без всякой пользы, осмеливаюсь представить... не благоугодно ли будет высочайше повелеть продолжить оной водопровод посреди города до Москвы-реки, с приведением в лучшее состояние безобразное и вредное от дурного испарения местоположение речки Неглинной около города Китая и Кремля, с таковым притом распоряжением, чтоб в будущее время возможно было распространить по желанию сей водопровод и в остальные части города...»³⁷.

В 1805 г. остальные работы по водопроводу были возложены на Департамент водяных коммуникаций, находящийся в Петербурге.

В Указе Департамента тайному советнику К. И. Герарду от 16 мая 1805 г. предлагается представить проекты и сметы на продолжение канала до Кузнецкого моста и на отделку берегов речки Неглинной диким камнем³⁸.

В рескрипте Александра I главному директору водяных коммуникаций гр. Н. П. Румянцеву от 17 марта 1805 г. повелено: «...продолжать водопровод от Кузнецкого моста, обделать реку Неглинную диким камнем до Троицкого моста, и от него провести оную покрытым каналом до Москвы-реки...»³⁹. Решено было начать работы в 1806 г. В том же году было отпущено 360000 руб. на отделку реки Неглинной.

Водопровод в 1806 г. был доведен до Воспитательного дома. Он шел по чугунной трубе по современной Неглинной улице, затем вдоль Петровского рва на современную Театральную площадь, затем по Кремлевскому рву на Красной площади, по Москворецкой улице и набережной. С 1806 по 1811 г. был проведен ремонт галерей и устроены еще 5 водосборных колодцев: на дворе Спасских казарм,

близ Шереметевской больницы на Садовой улице; у церкви Николы в Драчах и два колодца в переулках на Трубе (в Колосовом и Сергиевском). На реке Неглинной ниже Кузнецкого моста, до истока ее в реку Москву, устроены были три открытые канала (с бассейнами) из дикого камня, длиною 355 сажен (около 756 метров) и кирпичная галерея со сводами — 487 сажен (около 1037 метров).

В 1809 г. при вновь учрежденном Главном управлении путей сообщения была образована особая дирекция Мытищинских водопроводов, подведомственная III округу путей сообщения.

В ряде документов коллекции имеются сведения о работах, проведенных по строительству водопровода в 1809—1814 гг.: в копии письма главного директора водяных коммуникаций принца Георга Голштинского главнокомандующему Москвы гр. И. В. Гудовичу от 22 октября 1809 г.⁴⁰, в распоряжении начальника III округа путей сообщения генерал-майора Саблукова директору-производителю работ инженер-полковнику С. Х. Зеге-фон-Лауренбергу от 22 июня 1813 г.⁴¹ и за 1814 г.⁴², в рапортах инженер-капитана Полизова С. Х. Зеге-фон-Лауренбергу за октябрь 1813 г.⁴³ В коллекции также имеются ведомости о работах, проведенных в 1813 г.⁴⁴, и журнал ежедневных работ по ремонту водопровода за март 1813 г.⁴⁵ Данные о поставке на строительство кирпича, камня, труб и других материалов имеются в рапортах оберквартирмейстера Ф. Б. Медера главнокомандующим Москвы гр. З. Г. Чернышеву и Я. А. Брюсу за 1784 г.⁴⁶, в ордерах полковника А. И. Герарда подчиненным за 1779--1804 гг.⁴⁷

Интересные сведения можно почерпнуть из контрактов на выполнение работ и на поставки материалов за 1779—1784 гг.⁴⁸ и за 1797—1805 гг.⁴⁹

В коллекции имеются: указ из Департамента водяных коммуникаций от 6 сентября 1807 г. о заключении контрак-

та с купцом Селаевым на поставку труб⁵⁰, предписание начальника III округа путей сообщения Саблукова от 20 января 1814 г. о заключении контрактов с крестьянами на содержание насосов по водопроводу⁵¹, кондиции на поставку чугунных труб для водопровода от Кузнецкого до Троицкого моста за 1809 г.⁵² Представляют интерес не только сами контракты, но и замечания на них, составленные в 1811–1814 гг. Зеге-фон-Лауренбергом⁵³.

Сведения о расходе материалов и инструментов содержатся во многих делах коллекции: в рапортах расходчика Федорова, представленных им Зеге-фон-Лауренбергу в 1807 г.⁵⁴; в ведомостях о числе кирпича, доставленного из разобранных стен и башен московского Белого города в 1781 г.⁵⁵; в ведомостях о приходе и расходе строительных материалов и инструментов за 1783 г.⁵⁶; за 1804–1805 гг.⁵⁷ и за 1811 г.⁵⁸; в списках материалов и инструментов, полученных из казны и закупленных у частных поставщиков в 1779–1782 гг.⁵⁹; книгах прихода и расхода материалов и инструментов⁶⁰.

В большой группе дел имеются сведения о расходовании средств на строительство водопровода. Это рапорты Комиссии главнокомандующим Москвы гр. З. Г. Чернышеву и Я. А. Брюсу за 1783⁶¹ и 1785⁶² гг.; ордера Ф. Бауера подполковнику Ф. Б. Медеру за 1780 г.⁶³; доклады Ф. Б. Медера в Комиссию⁶⁴; указы из Департамента водяных коммуникаций А. И. Герарду за 1803–1804 гг.⁶⁵; ордера А. И. Герарда материальному расходчику Судакову и рапорты подчиненных А. И. Герарду за 1797–1805 гг.⁶⁶; указы из Департамента водяных коммуникаций директору-распорядителю работ Зеге-фон-Лауренбергу за 1807⁶⁷ и 1809 гг.⁶⁸; предписания начальника III округа путей сообщения, Зеге-фон-Лауренбергу и Рыбникову за 1813–1814 гг.⁶⁹; сметные исчисления на производство работ на 1812 г.⁷⁰; ведомости прихода и расхода денежных средств

материального надсмотрщика⁷¹; ведомости расходов на 1813 г.⁷², книги прихода и расхода строительных сумм за 1779–1788 гг.⁷³, за 1798–1805 гг.⁷⁴, за 1807⁷⁵ и 1809⁷⁶ гг.; книги прихода и расхода средств на жалование чиновникам и на содержание команды (копии) за 1812–1813 гг.⁷⁷ В ряде дел за 1783, 1785, 1787 и 1788 гг. имеются сведения о повышении в чинах, перемещении по службе и об увольнении инженерных «чинов» и служащих водопровода⁷⁸. В отношениях Конторы артиллерийской и фортификационной Ф. Б. Медеру за 1779 г. имеются данные о снабжении деньгами и продовольствием солдат, командированных в Москву на строительство⁷⁹. Представляют большой интерес рапорты инженеров водопровода за 1780–1787 гг. в Комиссию о находящихся в их командах людях с указанием отработанных каждым из них дней и заработанных денег⁸⁰.

В ряде дел имеются данные о прикомандировании к водопроводу специалистов: в письме тайного советника К. И. Герарда А. И. Герарду от 3 июля 1797 г. говорится: «...об определении находящихся в Москве инженер-офицеров в команду А. И. Герарда для окончания работ по водопроводу...» и об откомандировании минеров⁸¹, в письме от 8 июля 1797 г. — об отправке из Петербурга в Москву минеров⁸². В коллекции имеются списки инженеров, прибывших в Москву в 1798 г.⁸³, сведения о рядовых пионерского полка, работавших на строительстве водопровода в 1797–1805 гг.⁸⁴, данные о назначениях, увольнениях, перемещениях по службе, награждениях и выдаче жалования офицерам и рядовым инженерной команды за 1806–1814 гг.⁸⁵

Водопровод с самого начала имел ряд существенных недостатков: кирпичная галерея была положена на деревянных лежнях, а в насыпях — на свайном фундаменте. Строители не учли, что деревянные части водопровода будут гнить, многие из них обветшали, осели и разрушились

прежде, чем был закончен водопровод. Поэтому в местах, где галерея лежала на сваях, вода по пути уходила, а где она шла глубоко под землей, почвенные воды проникали в галерею и загрязняли воду. Мосты, построенные через речки и в особенности Ростокинский акведук из белого мячковского лицевого и бутового камня не были рассчитаны на влияние мороза, почему в них вскоре после сооружения оказались трещины, увеличивавшиеся с каждым годом. Хотя в 1799 г. внутренняя галерея Ростокинского акведука и была обложена свинцом, но это мало помогло. Поэтому ремонт водопровода поглощал часть средств, предназначенных на его дальнейшее строительство.

В январе 1815 г. главный директор водопроводов инженер-полковник Зеге-фон-Лауренберг, описывая состояние водопровода, указывал на важные недостатки, одним из которых является то, что вода плохого качества, поступая в водопровод, загрязняет чистую воду. Он потребовал основательной перестройки всего сооружения, но работы по водопроводу в течении многих лет (до 1826 г.) ограничивались ремонтом сооружения и незначительными работами по его улучшению.

В целом же Московский водопровод представлял грандиозное по тому времени сооружение. Вот как отзывался начальник московских водопроводов инженер-полковник барон А. И. Дельви́г о проекте Бауэра: «Проект Бауэра замечателен и любопытен во многих отношениях. Значительное протяжение водопровода, огромные препятствия от извилистой местности, малое число людей, сведущих в гидравлике, почти совершенное отсутствие порядочных мастеров для производства водопроводных работ и огромные издержки, потребовавшиеся на их производство, при тогдашних малых средствах России, ставят Мытищинский водопровод наряду с замечательными сооружениями гидравлической архитектуры XVIII века»⁸⁶.

Кроме материалов, непосредственно относящихся к сооружению водопровода, в делах коллекции с 1784 г. часто встречаются документы по другим сооружениям Москвы и ее окрестностей, так как в компетенцию сначала Комиссии, а позже директора водопроводов входили все вопросы, связанные с водяными работами в Москве: строительством и ремонтом мостов и плотин, укреплением берегов и очисткой рек.

При водопроводе были сосредоточены опытные строители-мостовики, каменных дел мастера, минеры-водопроводчики и другие специалисты. Часто царь в указе на имя генерал-губернатора (главнокомандующего или военного губернатора) Москвы повелевал составить проект на постройку или ремонт того или иного сооружения, а иногда и назначал ответственное за эту работу лицо. В свою очередь генерал-губернатор, которому были подведомственны все вопросы городского хозяйства Москвы, поручал инженеру, стоящему во главе водопровода, наблюдение за постройкой или ремонтом сооружения или освидетельствование уже готовых построек. Таким образом, переписка по всем этим вопросам откладывалась в делах коллекции.

Большой интерес представляют материалы о ремонте Большого Каменного (Всехсвятского) моста. В апреле 1783 г. произошло одно из больших наводнений реки Москвы. В донесении главнокомандующего Москвы г. З. Г. Чернышева имп. Екатерины II от 1 мая 1783 г. говорится: «...Бывшая же большая вода приключила вред Всехсвятскому каменному мосту, у коего одна арка тронулась... часть моста разрушилась и имевшиеся на нем каменные лавки уничтожены...»⁸⁷. Был составлен проект исправления моста. В рапорте Комиссии в 5-й департамент Сената от 8 мая 1784 г. говорится о публикации в газете «Московские ведомости» вызова желающих взять на себя поставку материалов и работы по исправлению моста. К рапорту

приложен текст объявления, в котором подробно перечисляются необходимые работы (поставка бревен, глины, дикого хорошеевского камня и белого пахорского и мячиковского камня, кирпича, сломка находящейся перед мостом старой каменной башни и т. д.)⁸⁸. Для ремонта моста главнокомандующий Москвы гр. З. Г. Чернышев учредил при Комиссии Департамент для строения каменного Всехсвятского моста, но подразделение это вскоре было ликвидировано⁸⁹.

В 1785 г. ожидалось в Москве повторение в дни весеннего водополя большого наводнения и были приняты экстренные меры к починке моста, о которых главнокомандующий Москвы Я. А. Брюс доносил Екатерине II 8 апреля 1785 г. В коллекции имеется ордер главнокомандующего Москвы в Комиссию от 19 декабря 1785 г. об израсходовании средств на строительство моста⁹⁰.

Наводнение в конце августа 1786 г., вызванное проливными дождями, причинило мосту большие разрушения. Ремонт моста велся по проекту И. К. Герарда до 1792 г. и обошелся в 213 тысяч рублей.

О ремонте моста за этот период в коллекции имеются следующие документы: предложение генерал-губернатора Москвы П. Д. Еропкина в Комиссию от 28 августа 1786 г. и ордер от 2 сентября 1786 г.⁹¹; рапорта Комиссии П. Д. Еропкину от 5 сентября 1786 г.⁹² и от 1–2 июля 1786 г.⁹³

О ремонте моста в 1809 г. говорится в отношении Московского военного губернатора П. И. Туголмина А. И. Герарду от 28 мая и 14 июня⁹⁴, в сообщении из Московской казенной палаты А. И. Герарду от 31 июля 1809 г. о назначении торга для желающих принять оптом работы⁹⁵.

Интересны документы об укреплении берегов Москвы-реки. С 1786 г. берега Москвы начали укреплять деревянными обрусами. Укрепление берегов, пострадавших от на-

воднения, продолжалось «беспрестанно» как доносил главнокомандующий Москвы П. Д. Еропкин Екатерине II 7 ноября 1786 г.⁹⁶

В фонде имеются рапорта Комиссии главнокомандующим Москвы П. Д. Еропкину и Я. А. Брюсу за 1786 г. об укреплении берегов Москвы-реки и водоотводного канала, поврежденных при наводнениях⁹⁷.

В связи с частыми наводнениями встал вопрос об укреплении берегов каменными набережными. И. К. Герард в 1786 г. составил проект «Об укреплении берегов Москвы-реки от подмытия и обрывов и разлития оной реки каменной одеждою». Проект был послан на заключение Комиссии для управления Санкт-Петербургских водяных работ, которая признала проект очень дорогим⁹⁸. В коллекции имеется также рапорт И. К. Герарда генерал-губернатору Москвы от 19 декабря 1789 г. с приложением изъяснения московской комиссии на мнение Санкт-Петербургской комиссии относительно укрепления камнем берегов Москвы-реки⁹⁹, смета материалам и деньгам на построение в Москве каменных берегов Москвы-реки от 26 октября 1786 г.¹⁰⁰

Только указом от 7 августа 1795 г. решено было создать на обоих берегах Москвы-реки набережную, отделанную камнем. В 1794–1795 гг. производилась отделка берегов Кремлевской набережной «диким камнем» под руководством молковника А. И. Герарда. В коллекции имеется рапорт А. И. Герарда главнокомандующему Москвы кн. Ю. В. Долгорукому от 15 октября 1797 г. об отделке берегов¹⁰¹. Эти работы продолжались с 1798 по 1804 г. под руководством Кремлевской экспедиции. С 1802 по 1806 г. производилась отделка набережной против Воспитательного дома и Кремля, под надзором генерал-майора А. И. Герарда. В делах имеется ордер военного губернатора Москвы А. А. Беклешева А. И. Герарду от 27 мая 1804 г. о проекте облицовки

берега Москвы-реки между Кремлем и Воспитательным домом и ассигновании средств на эти работы¹⁰² .

Имеется несколько документов об очистке реки Яузы и укреплении ее берегов.

В 1790 г. на Яузе в пределах города было четыре мельницы с прудами и плотинами. Вода в них застаивалась. Жители Немецкой слободы неоднократно жаловались на ужасное зловоние, распространяемое рекой. Был составлен план и смета по очистке Яузы. Об этом говорится в письме И. К. Герарда генерал-адъютанту Е. А. Кушелеву от 3 июля 1797 г.¹⁰³ и в рапорте И. К. Герарда кн. С. С. Гагарину от 13 июля 1797 г.¹⁰⁴ В последнем документе сказано и о качестве воды в реке: «...при осмотре мною реки, спрашивал я жителей около оной, не примечают ли они себе какого вреда, на что мне объявили, что они терпят лихорадочные болезни, особливо в июле и августе месяцах, когда цветет и гниет вода, и от чего зарождаются разные черева»¹⁰⁵ .

В 1798 г. были уничтожены мельницы на Яузе, убраны Островские бани и почти все красильни, перенесены многие фабрики и строения в другие места, спущены пруды по р. Яузе ниже Дворцового моста, а также и пруды, лежащие на левом берегу Яузы ниже Покровского (Рубцовского) моста; низкие берега были подняты насыпью и спланированы, сделаны откосы.

В коллекции хранится смета на отделку берегов р. Яузы диким камнем¹⁰⁶ .

Интересен также документ о предполагаемом ремонте Пушечного двора на реке Неглинной в 1802 г.

Пушечный двор, построенный при Василии III для литья пушек и колоколов, ко времени открытия в Москве водопровода уже утратил характер военного завода. В нем были пороховая продажа и селитроварение, хранились бомбы, ружья, орудия, знамена и до 1795 г. помещалось присутствие Московского артиллерийского депо. В 1802 г.

встал вопрос о ремонте Пушечного двора. В отношении Московского артиллерийского депо генерал-майору А. И. Герарду от 22 июня говорится о составлении сметы на его починку¹⁰⁷. В 1802 г. все хранившееся на Пушечном дворе перевезли в Арсенал, тогда почти отделанный; пороховую продажу и селитроварение перевели на полевой артиллерийский двор. В 1803–1804 гг. Пушечный двор был разобран. Материалы его были оценены в 40000 руб., из них построили каменный мост через реку Язу. План, фасад и смету на постройку моста составил генерал-майор А. И. Герард. Построение моста принял по подряду московский купец Савелий Андреянов с условием, что ему будут отданы материалы им же сломанного Пушечного двора¹⁰⁸. В коллекции имеется отношение из московской Управы благочиния А. И. Герарду от 6 октября 1804 г., в котором предлагается «освидетельствовать» построенный мост¹⁰⁹. Мост был принят 5 ноября 1805 г.

Несколько документов коллекции относятся к ремонту каменного Дворцового моста через р. Язу. Этот мост в Немецкую слободу был построен в 1781 г. по проекту архитектора С. Я. Яковлева рядом с деревянным Дворцовым мостом. В начале XIX в. потребовался ремонт каменного моста. В предписании московского военного губернатора А. И. Герарду от 4 июля 1803 г. указывается: «...освидетельствовать все ветхости каменного Дворцового моста, близ Екатерининских казарм находящегося...»¹¹⁰. Имеется также копия рапорта Московской городской шестигласной думы московскому военному губернатору гр. И. П. Салтыкову от 1 июля 1803 г. о состоянии Дворцового каменного моста¹¹¹.

Ряд документов относится к исправлению Боролицкого и Троицкого каменных мостов через р. Неглинную, построенных в XVI–XVII вв. С того времени они неоднократно перестраивались и ремонтировались.

В ордере главнокомандующего Москвы гр. Я. А. Брюса в Комиссию от 13 марта 1785 г. говорится о составлении сметы на 1786 г. и об отпуске средств на ремонт мостов¹¹². В коллекции имеется ведомость материалам и деньгам, употребленным на починку кремлевских Троицкого и Боровицкого мостов за 1785 г. с описанием, какие проводились работы и сколько израсходовано на это материалов и средств¹¹³. В отношении от 3 мая 1809 г. московский военный губернатор так описывает А. И. Герарду состояние Троицкого моста: «...стена Троицкого моста на довольном расстоянии совсем обрушилась и остаток ее, а равномерно и таковая же с другой стороны моста стена, по ветхости своей угрожает падением. .» и предлагает составить смету на его исправление¹¹⁴.

Ряд интересных документов относится к ремонту Московского арсенала.

Московский арсенал начали строить по проекту архитекторов Х. Конрада и Д. Иванова в 1702 г., а окончили в 1736 г. После пожара 1737 г. арсенал был возобновлен архитектором Д. В. Ухтомским в 1754 г. Внутренняя отделка арсенала продолжалась до конца XVIII — начала XIX в.

В фонде имеются документы о ремонте кремлевского арсенала. Это рапорты Комиссии генерал-губернатору Я. А. Брюсу об осмотре строительства арсенала за 1786 г.¹¹⁵, смета на ремонт на 1787 г.¹¹⁶, книга прихода и расхода строительных сумм на исправление арсенала за 1797 г.¹¹⁷, отношение Московского артиллерийского депо А. И. Герарду от 22 июля 1802 г. о ремонте арсенала¹¹⁸, ордер главнокомандующего Москвы А. А. Беклешева А. И. Герарду от 5 июня 1804 г. об осмотре повреждений в сводах с подробным описанием внутреннего состояния арсенала¹¹⁹.

В письме Государственной экспедиции для ревизии счетов А. И. Герарду от 28 июля 1809 г. говорится о работах по исправлению Камер-коллежского вала, тогдашней гра-

ницы Москвы¹²⁰. Вал, построенный в 1742 г., к 1800 г. развалился, ров около него заплыл, засорился. Работы по ремонту вала производились, согласно высочайшего указа от 16 мая 1806 г., в 1806–1808 гг. под наблюдением генерал-майора И. К. Герарда.

В коллекции находятся документы о строительстве Шапиловской и ремонте Цареборисовской плотин в дворцовом селе Царицыне.

В связи со строительством дворцовой усадьбы в с. Царицыне по проекту архитектора В. И. Баженова инженер Ф. В. Бауер получил в 1781 г. повеление Екатерины II о новом построении Шапиловской и ремонте Цареборисовской плотин в Царицыне. На эти работы ассигновали 25 тыс. руб. Постройка и ремонт плотин производились с 1783 по 1786 г. Окончательная отделка плотин была в 1787 г. передана Экспедиции кремлевского строения. О работах произведенных за 1783–1787 гг. свидетельствуют: рапорт оберквартирмейстера Ф. Б. Медера главнокомандующему Москвы гр. З. Г. Чернышеву от 28 февраля 1784 г. с приложением ведомости расходов за 1783 г. и сметы на 1784 г.¹²¹, рапорт Комиссии главнокомандующему Москвы Я. А. Брюсу от 12 октября 1784 г. об израсходовании средств в 1784 г. и о суммах, необходимых на окончание строительства¹²², ордера главнокомандующего Москвы П. Д. Еропкина в Комиссию об отпуске средств и о суммах, израсходованных на постройку и ремонт плотин за 1787 г.¹²³, рапорт Комиссии главнокомандующему Москвы П. Д. Еропкину от 3 июня 1787 г. об отпуске средств на окончание работ¹²⁴, отношение Экспедиции кремлевского строения в Комиссию от 26 июля 1787 г. и рапорт дивизионного квартирмейстера Г. Штаудница от 3 августа 1787 г. о передаче отделки плотин Экспедиции кремлевского строения¹²⁵, опись Цареборисовской и Шапиловской плотинам за 1787 г.¹²⁶

Наличие большого количества документов в коллекции, относящихся к строительству и ремонту мостов и дорог в Московской губернии за период с 23 ноября 1812 г. по октябрь 1813 г., объясняется следующими причинами. 23 ноября в Москву из эвакуации (из Рыбинска) возвращается директор-распорядитель работ по III округу путей сообщения, в ведении которого находился московский водопровод. В связи с тем, что канцелярия III округа еще находилась в Рыбинске, в его компетенцию были переданы вопросы строительства и ремонта дорог и мостов в Московской губернии, которые сильно пострадали в результате военных действий. С переездом в Москву канцелярии III округа эти вопросы были изъяты из его ведения, о чем говорится в предписании начальника III округа путей сообщения Н. А. Саблукова директору-распорядителю работ С. Х. Зеге-фон-Лауренбергу от 1 ноября 1813 г. «...все сношения Ваши как с московским военным губернатором по устройению мостов, так равно и со всеми посторонними местами делаемы были отныне чрез меня»¹²⁷.

Большая группа дел коллекции относится к строительству и ремонту мостов. Предписание начальника III округа путей сообщения директору-производителю работ Зеге-фон-Лауренбергу за 1813 г. о заключении контрактов с подрядчиками на постройку мостов¹²⁸, отношения Московского губернского правления С. Х. Зеге-фон-Лауренбергу за 1813 и 1814 гг. о вызове желающих заключить кондиции на починку мостов¹²⁹, контракты, заключенные с разными лицами за 1812–1814 гг.¹³⁰, рапорты дорожных смотрителей Зеге-фон-Лауренбергу за 1813 г. о заключении контрактов, состоянии дорог и мостов, выдаче жалования чиновникам трактов¹³¹, ведомости о состоянии команды III округа Тульского тракта за 1813 г.¹³², сметные исчисления на постройку и ремонт мостов по различным трактам Московской губернии¹³³.

Материалы коллекции представляют большой интерес для историков, изучающих городское хозяйство Москвы конца XVIII — начала XIX в. Коллекция является богатейшим собранием документов по строительству и ремонту Мытищинского водопровода с 1779 по 1814 г., ценнейшим источником по состоянию дорог и мостов в Московской губернии после изгнания армии Наполеона из Москвы, ремонту Цареборисовской и строительству Шапиловской плотин в Царицыне. В коллекции имеются интересные сведения по строительству и ремонту различных сооружений Москвы: ремонту Большого каменного (Всехсвятского) моста, укреплению берегов Москвы-реки, очистке реки Яузы и укреплению ее берегов, о предполагавшемся в 1802 г. ремонте Пушечного двора, ремонту Дворцового моста через р. Яузу, исправлению Боровицкого и Троицкого каменных мостов через реку Неглинную, постройке Яузского каменного моста, ремонте Московского арсенала и Камерколлегского вала. В этих документах часто встречаются сведения о состоянии того или иного сооружения, планах его перестройки, средствах, отпущенных на его ремонт и т. д.

Таким образом, коллекция является ценным источником по многим вопросам строительства и исправления различных сооружений Москвы за довольно значительный хронологический период.

¹ Музей города Москвы. Ф. 4118.

² РГАДА. Ф. 11. Д. 1041. Ч. 2.

³ Там же. Ф. 199. Д. 150. Ч. 14. № 19.

⁴ Там же. Ф. 16. Д. 555. Ч. 2; Д. 576; Д. 578. Ч. I—III. № 385

⁵ Далее — Комиссия.

⁶ Музей г. Москвы. Ф. 4118. Д. 48. Л. 7 об. Далее все документальные ссылки даются на этот же фонд.

- 7 Д. 48. Л. 17.
- 8 Д. 97. Л. 38.
- 9 Д. 110.
- 10 *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. М., 1954. Т. 2.
- 11 *Фальковский Н. И.* Москва в истории техники. М., 1950.
- 12 *Фальковский Н. И.* История водоснабжения в России. М.; Л., 1947.
- 13 Сборник Русского исторического общества. Т. 93. С. 122.
- 14 Д. 1. Л. 25.
- 15 Там же. Л. 30.
- 16 Д. 2.
- 17 Д. 1
- 18 Д. 71.
- 19 Д. 13.
- 20 Д. 60.
- 21 Д. 2.
- 22 Д. 13. Л. 15.
- 23 Там же. Л. 21.
- 24 Д. 45, 58, 72.
- 25 Д. 92. Л. 10.
- 26 Д. 21, 22, 46, 47, 52, 59, 61, 63, 74.
- 27 Д. 51.
- 28 Д. 97. Л. 7; Д. 98. Л. 38.
- 29 Д. 98. Л. 97.
- 30 Д. 102. Л. 14.
- 31 Там же. Л. 12.
- 32 Д. 112.
- 33 Д. 160.
- 34 Д. 111, 126, 140, 150.
- 35 Д. 177 Л. 1-10.
- 36 Вестник Европы. СПб., 1804. № 23.
- 37 Д. 177. Л. 2, 10.
- 38 Д. 178. Л. 102-103.
- 39 Там же. Л. 102 об.
- 40 Д. 192.

- 41 Д. 204. Л. 1–6.
42 Д. 220. Л. 27.
43 Д. 212.
44 Д. 211. Л. 8а–9; Д. 212. Л. 8–11.
45 Д. 217.
46 Д. 45, 58.
47 Д. 109, 115, 123, 132, 148, 169
48 Д. 4, 15, 42, 50, 65.
49 Д. 103, 114, 127, 134, 140, 149, 162, 170, 180.
50 Д. 187. Л. 226.
51 Д. 220. Л. 14.
52 Д. 193.
53 Д. 199, 221.
54 Д. 187.
55 Д. 5. Л. 1.
56 Д. 53.
57 Д. 168, 178.
58 Д. 195.
59 Д. 9, 23, 39.
60 Д. 106, 107, 129, 137, 143, 144, 153, 154, 163, 164, 171, 172, 181.
61 Д. 45.
62 Д. 72.
63 Д. 12, 18, 19.
64 Д. 20.
65 Д. 160, 168.
66 Д. 109, 110, 123, 132, 148, 161, 169, 179.
67 Д. 187.
68 Д. 192.
69 Д. 204, 219, 220.
70 Д. 201.
71 Д. 26, 38, 41, 54, 67, 68, 69, 77, 95, 96, 100.
72 Д. 217.
73 Д. 10, 11, 17, 28, 29, 30, 43, 55, 56, 78, 88, 104.
74 Д. 117, 122, 135, 136, 141, 142, 155, 156, 165, 166, 173.
75 Д. 188.

- 76 Д. 190.
- 77 Д. 202, 215, 216.
- 78 Д. 46, 73, 86, 92, 98.
- 79 Д. 3. Л. 1-5.
- 80 Д. 16, 25, 32, 46, 64, 73, 86.
- 81 Д. 102. Л. 10-12
- 82 Д. 101. Л. 38.
- 83 Там же. Л. 39.
- 84 Д. 102. Л. 44; Д. 113. Л. 23; Д. 115; Д. 125. Л. 4.
- 85 Д. 179, 186, 205-209.
- 86 Исторический очерк водоснабжения Москвы // Известия Московской городской думы за 1877 г. М., 1877. Вып. 2. С. 47.
- 87 Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1954. Т. 2. С. 191.
- 88 Д. 58. Л. 41.
- 89 Д. 99. Л. 38.
- 90 Д. 71. Л. 39.
- 91 Д. 79. Л. 1-2.
- 92 Д. 80. Л. 30.
- 93 Д. 81. Л. 29-30.
- 94 Д. 192. Л. 51-54, 70.
- 95 Там же. Л. 99.
- 96 Сытин П. В. Указ. соч. С. 221.
- 97 Д. 80. Л. 28-29.
- 98 Д. 79. Л. 23.
- 99 Д. 81. Л. 38.
- 100 Там же. Л. 33-37.
- 101 Д. 101. Л. 52.
- 102 Д. 168. Л. 19.
- 103 Д. 101. Л. 21.
- 104 Там же. Л. 22-23.
- 105 Там же. Л. 21.
- 106 Там же. Л. 53.
- 107 Д. 145. Л. 76.

- 108 *Гастев М.* Материалы для полной и сравнительной статистики
Москвы. М., 1841. Ч. 1. С. 157.
- 109 Д. 168. Л. 54.
- 110 Д. 160. Л. 80.
- 111 Там же. Л. 81.
- 112 Д. 71. Л. 6.
- 113 Д. 72. Л. 43.
- 114 Д. 192. Л. 40.
- 115 Д. 81. Л. 15, 17-18.
- 116 Д. 93. Л. 23.
- 117 Д. 104.
- 118 Д. 145. Л. 76.
- 119 Д. 168. Л. 21.
- 120 Д. 192. Л. 94-96.
- 121 Д. 58. Л. 16-17.
- 122 Там же, Л. 91-93.
- 123 Д. 93. Л. 1-4, 6, 10-13.
- 124 Д. 90. Л. 51-52.
- 125 Там же.
- 126 Там же. Л. 44-45.
- 127 Д. 213. Л. 1.
- 128 Д. 204, 205, 206.
- 129 Д. 207, 220.
- 130 Д. 206, 207, 210, 220.
- 131 Д. 206-208, 211.
- 132 Д. 205. Л. 24.
- 133 Д. 214.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II И Г. А. ПОТЕМКИНА ВРЕМЕН ОЧАКОВА (1787–1788 гг.)

Осада Очакова — ключевая операция начала второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. — по разному оценивалась историками. Одни считали, что она обнаружила бездарность Потемкина как главнокомандующего, его беспомощность перед лицом реальной угрозы России. Так, А. Г. Брикнер, автор крупнейшего труда о царствовании Екатерины II, написанного в прошлом веке, и монографии о Потемкине, до недавнего времени остававшейся наиболее серьезной работой, посвященной жизни светлейшего князя, утверждал: «При осаде Очакова не было единства стратегической мысли, не доставало настоящего доверия к главнокомандующему»¹. «Избалованный счастьем, привыкший к постоянному исполнению своих малейших желаний, Потемкин приходил в отчаяние от того, что военные действия затягивались, тогда как он рассчитывал кончить все одним ударом»². Несколько иначе высказано подобное мнение современной американской исследовательницей Изабель де Мадариага, в целом весьма высоко оценивавшей деятельность светлейшего князя: «Серьезная неудача, постигшая Потемкина как солдата, заставила многих историков проглядеть тот факт, что он был первым современным русским генералом, командовавшим не просто одной армией, но несколькими театрами военных действий, помещавшимися от Дунайских княжеств и Бессарабии до Крыма и Кавказа, сочетая это с задачей интегрировать операции созданного им Черноморского флота в общую русскую стратегическую систему»³. Куда более критично оценивает деятельность Потемкина на посту главнокомандующего современный российский историк А. Б. Каменский, который вслед за Брик-

нером убежден, что именно Екатерина в сложные моменты войны проявляла «твердость и присутствие духа», поскольку «отступать было не в характере императрицы, в отличие от ее генерал-фельдмаршала»⁴.

Иначе рассматривают руководство Потемкина армией те исследователи, которые углубленно работали непосредственно с документами светлейшего князя времен второй русско-турецкой войны. Издание Д. Ф. Масловским и Н. Ф. Дубровиным в 1891–1895 гг. собрания документов военного архива⁵ резко изменило представление о многих событиях войны и роли отдельных личностей в конфликте с Портой. «Выводы о бездарности Потемкина как полководца — не научны, — писал Масловский, — поскольку сделаны без опоры на главнейшие материалы, которые были неизвестны до настоящего времени... Потемкин в турецкую войну являлся первым главнокомандующим, нескольких армий, оперировавших на нескольких театрах, и флота. Потемкин первым, худо-хорошо, дал и первые образцы управления армиями и флотом общими указаниями — «директивами»... Он имел вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность самых сложных действий на полях сражений»⁶. Отмечая талант Потемкина в подборе сотрудников и умение заставить яркие одаренные личности слаженно трудиться на пользу общего дела, историк подчеркивает, что главнокомандующий «во всех случаях держал себя начальником», не выпуская главные нити из своих рук. Потемкинские директивы, названные Масловским «образцовыми», ясно определяли главные задачи подчиненных военачальников, предоставляя им при исполнении широкую тактическую свободу действий. По мнению Масловского, Потемкин имел четкий план очаковской операции, который однако резко расходился не только с общими «светскими» представлениями о целях осады, но и с планом гениального русского полководца А. В. Суворова. С идеей Масловского

соглашается современный русский исследователь В. С. Лопатин. «Цель Суворова — взять Очаков решительным штурмом, — пишет он, — цель Потемкина взять Очаков с наименьшим риском, сохранив кадры войск на будущие кампании и постараться завоевать господство на Черном море. Очаков, притягивавший к себе основные силы турецкого флота, обрекал их на пассивность. Как показали дальнейшие события, именно под стенами Очакова турецкому флоту был нанесен первый чувствительный удар, позволивший русскому флоту захватить инициативу на Черном море в свои руки и не выпускать ее до конца войны»⁷. В книге «Потемкин и Суворов», ставшей наиболее значительным современным трудом, посвященным биографиям двух великих русских государственных деятелей и военачальников, Лопатин развивает приведенные взгляды. Он подчеркивает частность идеи Суворова, ее несвязанность с общим положением дел на театре военных действий, политическими реалиями того времени и дальнейшими перспективами развития конфликта. В отличие от нее потемкинский план верно учитывал все перечисленные моменты, а его осуществление принесло армии наибольшие результаты при наименьших потерях⁸.

Характерно, что историки, посвятившие свои исследования царствованию Екатерины II в целом, и уже по одной этой причине не склонные вникать в тонкости отдельных событий и скрупулезно работать с неопубликованными документами, повторяют старую несостоятельную версию о неудачной очаковской операции, бездарности Потемкина как главнокомандующего и ограниченности его влияния на дела волей самой императрицы. Исследователи же, непосредственно изучающие и издающие источники по истории екатерининского царствования, в частности материалы, связанные с вопросами государственного управления, военной организации, внешней политикой, личные документы Ека-

терины II и светлейшего князя, напротив, придерживаются мнения о решающей роли Потемкина в разгроме Оттоманской Порты во вторую русско-турецкую войну и установлении господства России на Черном море, о талантливости Григория Александровича как полководца и в первую очередь как руководителя армии, о его колоссальном личном влиянии на императрицу и постоянном участии в решении важнейших политических вопросов того времени.

Именно поэтому обращение к переписке Екатерины II и Г. А. Потемкина времен Очакова представляется нам чрезвычайно важным. Письма корреспондентов как никакой другой источник открывают перед исследователем картину личных и государственных взаимоотношений императрицы с ее фактическим соправителем, рассказывают о планах, надеждах и чаяниях Екатерины и светлейшего князя в турецкую войну, показывают существовавшие между ними разногласия, объясняют как и почему из нескольких вариантов решения того или иного вопроса был выбран определенный путь.

Большинство писем Екатерины было опубликовано в русских исторических журналах второй половины прошлого — начала нынешнего века, что касается писем Потемкина, то они практически не изданы и хранятся разрозненно в фондах РГАДА, РГВИА, АВПр и ГАРФ.

В самом начале войны произошло трагическое событие во многом предопределившее скорость продвижения русских войск к Очакову, а также характер и темпы будущей осады. 24 сентября 1787 г. Потемкин получил известие, что севастопольский флот, вышедший, по его приказу в море навстречу турецкой эскадре, двигавшейся из Варны к Очакову, попал в сильный пятидневный шторм и исчез. Это был страшный удар для командующего. Главное дело его жизни — черноморский флот, строившийся с такими трудами и заботами несколько лет, погиб за считанные часы.

Потемкин был потрясен, на кораблях находилось множество людей, обучение которых в Херсоне и Севастополе тоже заняло не один год; без флота невозможно было защищать Крым — его Тавриду. И все эти несчастья постигли человека, сраженного в этот момент жесточайшим приступом лихорадки.

«Матушка-государыня, — писал он по получении страшного известия, — я стал несчастлив... Флот севастопольский разбит бурей... Бог бьет, а не турки! Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, я себя чувствую, не дайте через сие терпеть делам. Ей, я почти мертв... Теперь пишу к графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство»⁹.

В тот же день князь обратился с двумя письмами к П. А. Румянцеву. В создавшихся условиях Потемкин считал, что войска, находящиеся в Крыму, и многочисленные поселенцы окажутся на полуострове как в мышеловке, со всех сторон обложенные турецким флотом. Доставить им помощь без кораблей будет практически невозможно. Григорий Александрович пришел к нелегкому для себя выводу о необходимости эвакуации войск и жителей Тавриды. «Граф Петр Александрович, прошу Вас как отца, скажите мне свою на сие мысль, — писал Потемкин, — что бы ни говорил весь свет, в том мне мало нужды, но важно мне Ваше мнение»¹⁰. Во втором письме князь просил старого фельдмаршала принять командование. «Полезно дел гребует Ваших наставлений, ибо я не в силах»¹¹, — говорил он.

Обдумав ситуацию, Потемкин составил собственноручное донесение императрице, в котором обосновывал необходимость оставления Крыма. «Сколько еще достает моего рассудка, то я осмеливаюсь доложить, что без флота в полуострове стоять войскам трудно, ибо флот турецкий в Черном море весь находится и многочислен кораблями и

транспорты, а посему и в состоянии делать десанты в разных местах... Кинбурн подвержен всем силам неприятельским, и ежели не устоит, то Крым с Херсоном совсем разрезан будет, равно как и всякая коммуникация прервется»¹². Тон этого донесения значительно тверже, чем тон письма, а подпись «Вашего императорского величества вернейший и благодарнейший подданный князь Потемкин-Таврический» соответствует рангу и положению «светлейшего», тогда как на письме он подписался «раб Ваш Г. Потемкин», как бы возвращая себя в 1774 г. и отказываясь от всех пожалований.

Между написанием приведенных посланий прошло всего несколько часов, оба они помечены 24 сентября. Для Потемкина это время было заполнено напряженной работой, о которой свидетельствуют его ордера за указанное число. Командующий предпринял энергичные меры к розыску и спасению остатков севастопольского флота¹³. Составляя приказания к командирам войск, расположенных по берегам Крыма и на Кинбурнской косе, князь, видимо, сумел взять себя в руки, и единственными свидетелями его горя стали письма к Екатерине и старому учителю Потемкина — П. А. Румянцеву.

Однако именно эти письма раньше других документов попали в поле внимания историков, что привело к созданию версии о якобы полной растерянности Потемкина после катастрофы с севастопольским флотом. Некоторые исследователи упрекают светлейшего князя в том, что болезнь, на которую он ссылался, прося передать командование Румянцеву, была мнимой¹⁴, и единственное, чем страдал Потемкин в сентябре 1787 г., был приступ малодушия¹⁵. Нам представляется, что для принятия решения об оставлении Крыма, области, которую князь присоединил к империи и обустроил, Григорию Александровичу потребовалось все его мужество. Он отдавал себе отчет, что после такого шага его

карьера будет окончена, но судьба войск и поселенцев, которые могли попасть в блокаду, оставаясь в Тавриде, заботила Потемкина в тот момент больше. Что же касается болезни, то началась она еще до войны, после окончания знаменитого путешествия Екатерины II в Крым, когда дела Потемкина складывались наилучшим образом, и ему не для чего было симулировать «спасмы».

Почерк писем Потемкина августа — октября 1787 г. аналогичен почерку его писем лета 1783 г., когда Григорий Александрович впервые заболел лихорадкой и находился при смерти. Обычный почерк Потемкина весьма тверд, разборчив, четок; на странице 25–27 ровных строк, в строке 5–7 слов, т. е. 32–39 знаков. Во время болезни почерк «светлейшего» становится более размашист, нетверд, менее разборчив, буквы в словах увеличиваются и начинают «скакать», понижается выработанность и связность почерка. На странице помещается 17–18 строк, иногда очень неровных, промежутки между ними большие. В строке только 3–5 слов или 22–25 знаков. Если судить по неразборчивости и размашистости почерка, то кризис в болезни князя пришелся именно на вторую половину сентября.

26 сентября Потемкин написал Екатерине из Кременчуга новое письмо. Разметанный бурей севастопольский флот не погиб, многие корабли лишились мачт, были сильно потрепаны штормом, но почти все уцелели. Лишь один оторвался от других и был унесен в Константинопольский пролив. Остальные собрались вместе, были атакованы турками, но отбились и вернулись в Севастополь. Молодой черноморский флот состоял для Потемкина не только из кораблей, но и из хорошо обученных людей, сумевших спасти свои суда и привести их «без руля и без ветрил» под огнем противника на базу в Севастополь. Об этих людях князь в первую очередь сообщал в письме императрице:

«Слава Богу, что люди не пропали! Слава Богу, что не прибило их к неприятельскому берегу!»¹⁶.

Чудесное спасение флота снимало с повестки дня вопрос о возможной сдаче Крыма; если бы князь лукавил, говоря о своей болезни, то в изменившихся условиях он должен был бы немедленно излечиться. Но почерк письма, написанного счастливым человеком также плох, как и почерк писем, свидетельствующих о горе Потемкина.

Удар от известия 24 сентября из Кременчуга был смягчен в Петербурге тем, что курьер Душинкевич, посланный с письмом 26 сентября, на 10 часов опередил курьера Баранцова, выехавшего раньше, и прибыл в столицу 2 октября в первом часу по полуночи¹⁷. Екатерина получила сначала почту за 26 число о спасении флота, а затем в 11 часов утра письмо и донесение Потемкина 24 сентября, привезенное Баранцовым.

Ответ последовал немедленно. Императрица была резко несогласна ни с оставлением Крыма, ни с желанием светлейшего князя сложить с себя командование Екатеринославской армией. «Ничего хуже не можешь делать, как лишить меня и империю низложением твоих достоинств человека самонужного, способного, верного да и при том лучшего друга»¹⁸, — уговаривала она Потемкина. В это же время Екатерина поделилась с А. М. Дмитриевым-Мамоновым тревожившими ее мыслями. «Честь моя и собственная княжия требует, чтоб он не удалялся в нынешнем году из армии, не сделав какого-нибудь славного дела, — говорила она. — Должно мне теперь весь свет удостоверить, что я, имея к князю неограниченную во всех делах доверенность, в выборе моем не ошиблась»¹⁹. На выход войск из Крыма Екатерина не могла решиться по чисто политическим соображениям. «Начать войну эвакуацией такой провинции, которая дондесь не в опасности, кажется, спешить не для чего»²⁰, — писала она. Ее уверенность в безопасности Таври-

ды основывалась на известиях из Константинополя последних чисел августа, когда турецких кораблей еще не было в море. Кроме того императрица сознавала, какой неблагоприятный для России международный резонанс получит вывод войск из Крыма. Она стремилась ободрить князя, говоря, что буря «столь же была вредна и неприятелю». «Ни уже, что ветер дул лишь на нас?» — спрашивает Екатерина. Однако эти слова не могли утешить Потемкина, уже получившего точные сведения от А. В. Суворова из Кинбурна, что вышедшие из Варны турецкие суда уже соединились под Очаковым с ранее находившимися там кораблями и составили флот в 42 вымпела²¹.

Тем временем под Кинбурном разворачивались опасные для крепости события. Как и предполагал Потемкин, турки попытались отрезать Крым от материка и взять в блокаду. 1 октября противник высадил на Кинбурнскую косу 5 тысяч янычар под командованием французских офицеров. Бой был труден и кровопролитен, он продолжался, как явствует из рапорта Суворова, с трех часов дня до полуночи²². Описание этого сражения в письме Потемкина императрице очень показательно. «Пришло все в конфузию, — говорит князь о первом натиске противника, когда русские дрогнули, — и бежали расстроенные с места, неся на плечах турок. Кто же остановил? Гренадер Шлиссельбургского полку примером и поощрениями словесными. К нему пристали бегущие и все поворотилось, сломили неприятеля и конницу удержали, отбили свои пушки и кололи без пощады даже так, что сам генерал-аншеф не мог уже упросить спасти ему хотя трех живых, и одного, которого взяли, то в руках ведущих ранами истыкан»²³.

Против турок сражалось 4 тыс. солдат, в подавляющем большинстве рекрут-новобранцев, для которых это был первый бой. Дстойно держались только старослужащие солдаты, которые и остановили бегство. Остальные одина-

ково не слушали команд Суворова, и когда он приказывал прекратить ретираду, и когда просил пощадить несколько пленных. Рекруты обезумели сначала от страха, а потом от ярости, и финальные сцены боя походили больше на крестьянский самосуд.

Слой солдат по сравнению с рекрутами, т. е. старослужащих по сравнению с новобранцами, был как обычно в начале войны в армии весьма невелик. Победа под Кинбурном ясно продемонстрировала командующему, с какими войсками он должен штурмовать Очаков. В его распоряжении были храбрые, но плохо обученные люди, бросить которых немедленно на штурм прекрасно укрепленной неприступной крепости, значило погубить их.

Известия о победе под Кинбурном несказанно обрадовали императрицу и изгладил ее недовольство последних дней. 22 октября из Елисаветграда князь направляет Екатерине письмо о своей поездке в Кинбурн. Во время этой поездки Потемкин вместе с военными инженерами генерал-майором И. И. Миллером и полковником Н. И. Корсаковым, подплыв в лодке к Очакову меньше чем на пушечный выстрел, осматривали укрепления крепости. «Без формальной осады взять ее и подумать невозможно, — сообщал князь Екатерине, — Александр Васильевич при всем своем стремлении и помышлять не советует»²⁴. Ссылка на совет Суворова — вести «формальную», т. е. правильную осаду крупной турецкой крепости, которую 12 лет укрепляли по последнему слову европейской фортификации французские инженеры, очень показательна. В суворовской историографии сложилось мнение, будто Александр Васильевич сразу после победы при Кинбурне рвался овладеть Очаковым без предварительной подготовки²⁵. Однако, нетерпение Суворова, как показывает его переписка, относится к середине лета 1788 г. В октябре же 1787 г. в своих письмах Потемкину он выражал полное согласие на правильную осаду²⁶.

В ордере на имя Суворова, подписанном 9 октября, командующий говорил: «В настоящем положении считаю я излишним покушение на Очаков без совершенного обнадешения в успехе; и потеря людей и ободрение неприятеля могут быть следствием дерзновенного предприятия»²⁷.

Иного мнения придерживались в Петербурге. «Если б Очаков был в наших руках, то и Кинбурн был бы приведен в безопасность»²⁸, — замечала Екатерина в письме 9 октября. Ту же мысль императрица повторила в письме 2 ноября, прося взять крепость с наименьшей потерей времени²⁹. Откуда такая поспешность в самом начале войны, когда все операции до полного укомплектования войск велись «на дифензиве», т. е. оборонительно? Объяснение ей следует искать в той морально-психологической обстановке, которая сложилась при дворе в это время. Партия А. Р. Воронцова — П. В. Завадовского прилагала значительные усилия, чтоб разжечь в столичной публике нетерпеливое ожидание скорого взятия Очакова. Они поддерживали надежды императрицы, что гарнизон крепости разбежится при приближении русских войск, как в конце прошедшей войны гарнизон Хотина. При появлении в городе очередного курьера Завадовский во всеуслышании выражал твердую уверенность, что, наконец, привезено известие о взятии Очакова. Такая обстановка сложилась в конце октября — начале ноября, когда русская армия еще только начала подготовку к осаде. «Во всю прошедшую войну мы Очаковым завладеть или не умели, или не хотели, — замечает в одном из своих донесений на юг М. И. Гарновский, управляющий светлейшего князя в Петербурге, — и я не понимаю, почему господин Завадовский взятие Очакова почитает незатруднительным»³⁰. А. Р. Воронцов отстаивал ту же идею в Совете. Общие настроения подстегивали нетерпение императрицы, в то время как Потемкин продолжал настаивать на необходимости правильной осады.

«Кому больше Очаков на сердце, как мне? — спрашивал князь в письме 1 ноября. — Не стало бы за доброю волею моей, еслиб я видел возможность. Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может, и к ней столь много приуготовлений. Теперь еще в Херсоне учат минеров. До ста тысяч потребно фашин... Вам известно, что лесу нету поблизости. Я уже наделал в лесах моих польских, откуда повезу к месту... Сохранение людей столь драгоценных обязывает идтить верными шагами и не делать сумнительной попытки, где может случиться, что потеряв несколько тысяч, пойдем не взявши... Уменьша старых солдат будем слабы»³¹. Пока же войскам следует встать на зимние квартиры и готовиться к длительной осаде.

Между тем при дворе проявляли все большую обеспокоенность усиливавшимся вооружением Швеции. В годы первой русско-турецкой войны и Пугачевщины Густав III не решился воспользоваться бедственным положением России, чтобы вернуть потерянные при Карле XII земли, и потом горько сожалел об этом. С началом второй русско-турецкой войны, когда основные войска соседнего государства оказались оттянуты на юг, у шведского короля появился новый шанс. В 1787 г. Турция обратилась к Густаву с просьбой объявить войну России на основании союзного трактата, заключенного между Стокгольмом и Константинополем в 1740 г. Если в 1768 г. Швеция проигнорировала этот документ, то теперь ссылка на него оказалась весьма кстати. В ноябре 1787 г. Екатерина сообщила своему корреспонденту о тайной поездке Густава в Берлин для получения денежной субсидии³². В феврале 1788 г. Густав получил в Амстердаме заем на 600 тыс. рейхсталеров³³ и принялся за подготовку своего военно-морского флота и войск в Финляндии к походу.

24 марта Екатерина особым письмом решила объяснить со светлейшим князем по поводу надвигавшейся уг-

розы новой войны. Вокруг отправки этого письма развернулась настоящая борьба. Враждебная Потемкину партия А. Р. Воронцова — П. В. Завадовского через своих представителей в Совете постарались убедить императрицу, что не стоит отвлекать командующего от дел на юге еще и вопросами осложнившихся русско-шведских отношений. Таким образом, эта группировка, прозванная при дворе «социететом», попыталась оттеснить светлейшего князя от решения вопросов, касающихся возможного конфликта с балтийским соседом России, и приобрести приоритетное влияние в этой сфере.

Когда Екатерина, наконец, села за письмо, ее, видимо, неоднократно отвлекали от работы, за что она весьма резко выговорила А. В. Храповицкому: «Не дадут кончить несчастного письма»³⁴. Предоставив князю всю имевшуюся у нее информацию о шведском флоте Карлскроне и новых военных лагерях в Финляндии, разбитых по границе с Россией, императрица делает вывод о намерениях Густава III: «Есть подозрение, что целит на Лифляндию»³⁵, — говорит она.

Несмотря на то, что письмо было написано 24 числа, отправка его задержалась до 27 марта, т. е. до обсуждения ситуации на заседании Совета. Лишь после этого Екатерина окончательно утвердилась в решении посоветоваться со светлейшим князем и отправила письмо. Кроме того, она через Дмитриева-Мамонова дала знать Гарновскому для донесения в Елисаветград, что «желает на письмо иметь скорый, а при том и обстоятельный ответ». Сторонники Потемкина были чрезвычайно довольны обращением императрицы к Григорию Александровичу по поводу шведских дел, т. к. оно показало представителям противной партии в Совете, «что они не во всем и не везде всеведущи»³⁶.

Получив тревожное письмо Екатерины 24 марта, светлейший князь отвечает ей обширной почтой 6 апреля, где подробно разбирает меры военного и чисто дипломатиче-

ского характера, которые следовало принять ввиду обострения отношений на границе. Потемкин сознавал, что открытие «второго фронта» будет для России тяжелым испытанием, поэтому просил Екатерину, пока еще есть надежда, использовать все возможные дипломатические средства, чтобы предотвратить начало войны на Балтике. «Не все пушками дела решаются»³⁷, — убеждает ее князь в письме.

Особая записка, приложенная к этому пакету с почтой, была посвящена Потемкиным анализу обстановки в Петербурге. Князь дал понять императрице, что среди столичных чиновников существуют лица, заинтересованные в обострении отношений России и Швеции, т. к. это приведет к усилению их влияния на государственные дела. «Иной назначал себя уже и командиром»³⁸, — говорит Григорий Александрович.

Летом начались знаменитые морские сражения на Лимане, в результате которых турки лишились из 60 вымпелов 15 крупных кораблей и 30 более мелких судов, что составляло флот, превосходящий мощностью сева­стопольскую и херсонскую эскадры. Потери русской стороны не доходили и до ста человек³⁹. Командующий турецким флотом Газы-Хасан вынужден был с немногими уцелевшими кораблями бежать из-под стен Очакова, но был разбит у мыса Фидониси авангардом сева­стопольской эскадры, которым командовал тогда еще капитан бригадирского чина Ф. Ф. Ушаков. Успех был полным. Между тем ситуация на Балтике осложнялась с каждым днем. Екатерина пребывала в тревоге и письма Потемкина с юга очень поддерживали ее. «Боже мой, что бы у нас было, если бы ни последние Ваши приятные вести»⁴⁰, — доносил из Петербурга М. А. Гарновский. «Наша публика здесь несказанно обрадована победою, на Лимане одерженною, — писала императрица 20 июня, — на три дни позабыли говорить о шведском вооружении»⁴¹.

В эти дни перед императрицей стоял важный вопрос, касавшийся разрыва со Швецией. «Если бы ты был здесь, я бы решила в пять минут, переговора с тобой»⁴², — писала Екатерина 4 июня. Сразу после повреждения черноморского флота бурей императрица обещала сформировать на Балтике эскадру и отправить ее в Архипелаг по примеру эскадры А. Г. Орлова — Г. А. Спаридова в первую русско-турецкую войну. Появление такой эскадры, способной блокировать действия турецкого флота, не позволяя ему вновь двинуться к Очакову, значительно облегчило бы осаду. К лету 1788 г. эскадра была готова, но в условиях обострения отношений со Швецией Екатерина не знала отсылать ли ее от русских берегов. Григорий Александрович, понимая, как необходимы дополнительные корабли на Балтике, первым освободил императрицу от данного ею слова. Блестящие победы на Лимане показали, что русская сторона способна и малыми силами противостоять турецкому флоту. «Мы лодками разбили в щепы их флот и истребили лучшее, — писал Потемкин 19 июня. — Вот, матушка, сколько было заботы, чтоб в два месяца построить то, чем теперь бьем неприятеля. Не сказывая никому, но флот Архипелажский теперь остановить совсем можно... Бог поможет, мы и отсюда управимся»⁴³.

26 июня Екатерина сообщила Потемкину, что шведы, так и не объявив войны, атаковали Нейшлот. «Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним. Справедливость, право и истина на нашей стороне»⁴⁴, — писала императрица. Чтобы ободрить жителей столицы, она переехала из Царского Села в Петербург.

В условиях начала войны на два фронта и нехватки войск Екатерина отдала должное той осторожности, с которой Потемкин подошел к осаде Очакова. «Паче всего старайся сберечь людей»⁴⁵, — писала она 26 июля. За день до этого на юге произошло крайне неприятное для командую-

щего событие. Турки предприняли вылазку из крепости. Встречным боем командовал А. В. Суворов, который был ранен в шею и в разгар схватки уехал в лагерь. Гренадеры отступили в беспорядке, неся большие потери: до 800 чел. по неофициальным данным. Возвращаясь в лагерь, солдаты говорили: «Мы де очень стояли крепко, да некому нами было командовать»⁴⁶.

Среди армейских офицеров ходил слух, будто Суворов, недовольный медленностью осады, желал, воспользовавшись вылазкой турок, ворваться в крепость на их плечах и тем спровоцировать штурм, но потерпел неудачу, и если не подоспевший с пушками корпус Н. В. Репнина, посланный Потемкиным, урон был бы очень велик⁴⁷. «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам, — писал Суворову в тот же день Григорий Александрович. — Ни за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова»⁴⁸. Лишь 6 августа, подробно выяснив все детали неудачного дела и получив от Суворова два рапорта с объяснениями, Потемкин сообщил императрице о случившемся. «Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоило четыреста человек, — писал командующий. — У меня на левом фланге в 6 верстах затеял после обеда шармицель, и к казакам, соединив два батальона, забежал с ними, не уведомя никоготприкосновенных, и без пушек, а турки его через рвы, коих много на берегу, отрезали. Его ранили, он ускакал в лагерь, прочие остались без начальника. И к счастью, что его ранили, а то бы он и остальных завел. Я, услышав о сем деле, не верил. Наконец, послал пушки, под которыми и отретировались»⁴⁹. Из письма видно, что Потемкин вдвое уменьшает потери войск после суворовского «шармицеля», чего командующий не стал бы делать, если бы хотел, как утверждают позднейшие био-

графы Суворова, вызвать гнев императрицы на Александра Васильевича⁵⁰.

Столь значительные потери солдат в результате отражения простой вылазки была тем более неприятна Потемкину, что в это время командующий вел тайные переговоры с высокопоставленными турецкими чиновниками о капитуляции крепости, гарантируя жителям «целость имущества, жен и детей»⁵¹. Однако, заговор был раскрыт, а его руководители казнены. «В Очакове на сих днях удавили двух из знатных жителей, которые были в числе восьми, предлагавших паше о сдаче города»⁵², — сообщал Екатерине Григорий Александрович в письме 15 сентября.

К декабрю положение крепости стало критическим. Осадные работы были окончены, что сразу высвободило значительное число солдат для будущего штурма. Турецкий флот удалился из-под порядком поврежденных русской артиллерией стен Очакова зимовать на юг. Помощи осажденным ждать было неоткуда. Утром 6 декабря в результате короткого штурма, продлившегося 5 четвертей часа, крепость пала. Потери турок составляли 9,5 тыс. убитых и 4 тыс. пленных, русская армия лишилась 926 человек убитыми и 1704 ранеными⁵³.

7 декабря, уже из крепости Потемкин написал Екатерине письмо о взятии Очакова. «Поздравляю Вас с крепостью, которую турки паче всего берегли, — писал князь. — Дело столь славно и порядочно произошло, что едва ли экзерциции бывают лучше. Гарнизон до 20 тысяч отборных людей, не меньше на месте положено семи тысяч, что видно, но в погребах и землянках побито много»⁵⁴. Следует отметить, что командующий, рассчитывая наиболее удачное время для штурма, не поддался соблазну принести императрице Очаков в дар ко дню св. Екатерины — 24 ноября. «Не довольно еще были сбиты укрепления крепостные, чтобы можно было взять, — пояснял он в письме 7 декаб-

ря, — и коммуникация еще не поспела для защиты идущей команды левого фланга на штурм, без чего все бы были перестреляны».

Известие о взятии Очакова вызвало ликование в Петербурге. «За ушки взяв тебя обеими руками, мысленно целую, друг мой сердечный, князь Григорий Александрович!»⁵⁵ — писала императрица 16 декабря. К 20 декабря план Очакова был снят, потери и полученные трофеи точно пересчитаны, а списки отличившихся при штурме составлены. Это позволило командующему послать в Петербург подробное донесение. «С таким все исполнено порядком, что я смело могу утверждать: подобного никто из служащих здесь не видел... Стремление столь сильно, что через пять четвертей часа все падл, по милости Божией, под российский меч. А на вечер представился город разоренным и обитаемым мертвыми телами»⁵⁶, — писал князь в собственноручном донесении.

В своих донесениях и письмах императрице Потемкин подчеркивает особую «экзерциционность», как бы учебность, штурма крепости. Следует отметить, что практически вся очаковская операция напоминает громадные полевые маневры, проведенные в реальной боевой обстановке. Правильная осада Очакова представляла собой идеальные условия для обучения солдат: они участвовали в обширных фортификационных работах, минировании турецких укреплений, бомбардировке города с моря и с «сухого пути», сменяющими друг друга отрядами отражали вылазки неприятеля, отрабатывали приемы ближнего рукопашного боя и привыкали ходить в штыковую атаку. Именно в результате очаковской операции неуверенные в себе рекруты, нестройной толпой бежавшие, а потом наступавшие при Кинбурне, превратились в солдат, способных за пять четвертей часа взять штурмом главную черноморскую твердыню Турции, действуя при этом с маневровой точностью. Задачей

кампании 1788 г. было не только овладение Очаковым, но и создание из новобранческих войск настоящей армии. Обе эти цели были достигнуты Потемкиным с минимальными потерями.

Екатерина высоко оценила выдержку светлейшего князя. После взятия Очакова, когда правота Потемкина в затягивании штурма была доказана малым числом жертв, императрица в ответ на поздравления представителя австрийского императора Иосифа II при русской армии принца Шарля Жозефа де Линя написала письмо, в котором ясно дала понять, что она знает о неблагоприятном поведении австрийских союзников в ставке командующего. «Прежде чем начать приступ этого города, — говорит императрица, — фельдмаршал князь Потемкин, разумеется, испытал все другие средства. Самым удобным временем для этого предприятия было неоспоримо то, когда Лиман, покрытый льдом, делает недоступною со стороны моря помощь для осажденных... Но нетерпение молодых людей, полных отваги, или в большей или меньшей степени легкомысленных, завистников, врагов открытых и скрытых, конечно, невыносимо в подобном случае и подвергло бесконечным испытаниям колебимую твердость и настойчивость фельдмаршала, что и доставляет ему в моих глазах самую большую честь... Теперь говорят, что он мог бы взять Очаков ранее; это правда, но никогда не мог бы он взять его с меньшею невыгодою»⁵⁷.

О какой невыгоде пишет императрица? Ее австрийский корреспондент должен был прекрасно понять эти слова и прочитав в них завуалированный упрек, ведь именно он, как представитель Иосифа II, пытался убедить Потемкина немедленно приступить к штурму Очакова, не считаясь с жертвами, отказаться от собственного плана кампании и перебросить значительную часть русских войск в поддержку

«цесарской» армии⁵⁸. Однако командующий не пошел на это.

Падение Очакова улучшило международное положение России. «Перемена от Каира до Стокгольма, от Багдада до Филадельфии!»⁵⁹, — писал Потемкину А. В. Суворов. Однако князь не разделял распространенного тогда мнения, что война после взятия крепости, которую турки считали ключем в Черное море, будет окончена. Он был уверен, что европейская коалиция поддержит угасающие силы Порты, обещая ей субсидии и военную помощь. Предстояла еще долгая борьба с т. н. «лигой», и Григорий Александрович отправлялся в Петербург, чтоб обсудить с Екатериной дальнейшие действия.

¹ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. С. 432.

² Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 127.

³ Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London, 1981. P. 567.

⁴ Каменский А. Б. Под сению Екатерины. СПб., 1992. С. 335.

⁵ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1891–1895. Вып. IV, VI–VIII.

⁶ Масловский Д. Ф. Кинбурн-очаковская операция 1787–1789 // СБВИМ. 1891. Вып. IV. С. IV–XI.

⁷ Суворов А. В. Письма. М., 1987. С. 565.

⁸ Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 133.

⁹ АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 152

¹⁰ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Спб., 1893. С. 150.

¹¹ Там же. С. 151.

¹² АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 314.

¹³ Лопатин В. С. Указ соч. С. 123.

¹⁴ Alexander J. J. Catherine the Great. Life and Legend. New York, 1989. P. 263.

- 15 *Петрушевский А. Ф.* Генералисимус князь Суворов. СПб., 1900. С. 184–185.
- 16 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 153.
- 17 *Гарновский М. А.* Записки // РС. 1876. № 2. С. 264.
- 18 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 49.
- 19 *Гарновский М. А.* Указ соч. С. 263.
- 20 РГАДА Ф 5 № 85. Ч. II. Л. 52.
- 21 *Лопатин В. С.* Указ. соч. С. 123.
- 22 *Суворов А. В.* Документы. М., 1949–1953. Т. II. С. 342.
- 23 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 337.
- 24 Там же. Л. 191 об.
- 25 *Петрушевский А. Ф.* Указ. соч С 195.
- 26 *Суворов А. В.* Письма. М., 1987. С. 133.
- 27 СБВИМ. 1893. Вып. IV. С. 200.
- 28 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 56.
- 29 Там же. Л. 61.
- 30 *Гарновский М. А.* Указ. соч. // РС. 1876. № 3. С. 474.
- 31 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 185–186.
- 32 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 68.
- 33 *Григорович Н.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. 1881. Т. 29. С. 2.
- 34 *Храповицкий А. В.* Памятные записки. М., 1990. С. 54.
- 35 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 92.
- 36 *Гарновский М. А.* Указ. соч. // РС. 1876. № 4. С. 715.
- 37 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 174–179.
- 38 Там же. Л. 382.
- 39 *Петрушевский А. Ф.* Указ. соч. С 184.
- 40 *Гарновский М. А.* Указ соч. // РС. 1876. № 5. С. 24.
- 41 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 110.
- 42 Там же. Л. 108.
- 43 РС. 1876 № 7. С. 475.
- 44 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 113.
- 45 Там же Л. 129
- 46 *Цебриков Р. М.* Вокруг Очакова // РС. 1895. № 9. С. 176.

- 47 *Энгельгардт Л. Н.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы XVIII век. М., 1988. С. 260.
- 48 РС. 1875. № 5. С. 38.
- 49 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 263.
- 50 *Полсвой Н. А.* История князя италийского, графа Суворова-Рымникского. СПб., 1858. С. 133–135.
- 51 РС. 1875. № 6. С. 160.
- 52 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 279.
- 53 РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 11. Л. 74.
- 54 АВПР. Ф. 5. № 585. Л. 288 об.
- 55 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 149.
- 56 РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 11. Л. 258 об.
- 57 Сб. РИО. 1885. Т. 42. С. 3, 4.
- 58 *Лопатин В. С.* Указ. соч. С. 141, 142.
- 59 *Суворов А. В.* Письма. М., 1987. С. 174.

**ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕФОРМ НАЧАЛА XIX ВЕКА: ДОКУМЕНТЫ
М. М. СПЕРАНСКОГО В АРХИВАХ ХЕЛЬСИНКИ**

Территория Финляндии была включена в состав Российской империи в 1809 г. С того момента начинается период политических реформ: новые власти продемонстрировали новым подданным — и всему миру — либеральную программу преобразований. Действия русского правительства в Финляндии — пример реализации проектов «для России, но не в России». Именно этим интересен для историков данный эпизод — он выходит за рамки истории одного региона, страны, показывает вектор развития Европы XIX столетия.

По указанию Александра I М. М. Сперанский в 1809–1812 гг. руководил подготовкой всех реформ государственного устройства и правовой системы Великого княжества Финляндского. Лично Сперанский координировал официальные контакты правительства в Петербурге с властями Финляндии¹.

Тема «Сперанский и Финляндия» показывает «человека действия», активного чиновника-реформатора. Ведь известные проекты реформ в России — это в значительной мере источники о планах, надеждах и мечтах Сперанского-мыслителя. В архивах Хельсинки есть данные о практическом воплощении и механизме реализации целей М. М. Сперанского.

Мы видим путь реформы: роль царя, высокопоставленных сановников, позицию центральных и местных органов власти империи, реакцию финских властных структур и самоуправления, отдельных групп населения и общества Финляндии в целом.

Цель статьи — показать информационные возможности документов о деятельности Сперанского, хранящихся в Государственном архиве Финляндии и Архиве Университета Хельсинки. Малоизвестные в отечественной историографии материалы могут дополнить сведения опубликованных источников². Отметим, что в 1916–1917 гг. с документами Сперанского в финляндских хранилищах работал профессор Хельсинкского университета С. А. Корф (член комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа Сперанского при РАН), который подготовил соответствующий доклад и опись бумаг. Однако, эти обзоры Академия не успела опубликовать, их местонахождение в настоящее время неизвестно³.

Фонд *Valtiosihteerinviraston arkisto* (статс-секретариат) Государственного архива Финляндии включает в себя 29 папок (812 ед. хр.; по русской описи XIX в. 811, но одно дело № 13b пропущено) подфонда Fa «*Suomen asiasin komission akteja (acter)*» — Комиссии финляндских дел за 1808–1811 гг. В каждом из дел хранятся автографы Сперанского, письма и докладные записки к нему, его документы проливающие свет на положение Сперанского в русском истеблишменте. Большинство документов на русском языке, шведский текст некоторых документов сопровождается параллельным переводом на французский и русский языки. Ряд оригинальных текстов — на французском.

Специалисты изучают эти документы «с финской точки зрения», т. е. рассматривают их прежде всего как источники по истории Финляндии. Для нас же важен несколько другой аспект — феномен реформы, проводимой российским правительством на присоединенной территории, реакция населения, оценка действий центрального правительства русскими чиновниками.

Изучение конкретных дел дает общее представление о круге обязанностей Сперанского, о его взаимоотношениях с

министрами империи, центральными государственными учреждениями (1810. Фа 13. Д. 160)⁴.

Трудно дать исчерпывающий список вопросов, которыми занимался Сперанский в 1808–1811 гг. Более того, трудно систематизировать их. В качестве рабочей схемы предложим следующий список: конституционные вопросы и автономия Финляндии; развитие системы управления и бюрократия; гражданские права и сословные привилегии; внешняя политика; экономические вопросы и торговля; денежная система и бюджет; правительственная политика в отношении науки и культуры Финляндии.

Отдельные документы посвящены развитию почты, проблемам герольдии, помилованию уголовных преступников, вопросы семейного права (разрешение на вступление в брак и споры относительно наследования по закону).

Конституционные вопросы и автономия Финляндии. В деле 2 (1809. Фа 2) находится переписка между графом А. Н. Салтыковым и Сперанским о ходатайствах финских депутатов перед русским правительством. Приложено мнение специальной комиссии, готовившей текст ответа императора. Мы видим с одной стороны четко выраженные интересы сословий присоединенного Великого княжества, с другой стороны — реакцию на них российской администрации.

Развитие системы управления: бюрократия. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — время когда бюрократия, как сила государства нового времени, все активнее выходит на политическую арену, заменяет феодальную систему организации общества. Именно Сперанский был в центре сложного процесса формирования бюрократической схемы управления Финляндией в начале «русского периода». Именно ему передавались документы для высочайшего утверждения кандидатов в правительственный совет (1809. Фа 2. Д. 9. Л. 121). Именно перед ним главнокомандующий армией и генерал-губернатор в Финляндии

М. Б. Барклай-де-Толли ходатайствовал о наградах для своих подчиненных (1809. Fa 7. Д. 165). При его участии принималось решение о должности переводчика при местном правительстве (1809. Д. 63), об увеличении числа чиновников Правительствующего совета (1811. Fa 16. Д. 6), рассматривался вопрос о медленном формировании штата госучреждений. Характерно, что представление об отмене военной цензуры поступило к государю через Сперанского (1809. Д. 34).

Мельчайшие вопросы церемониала и этикета при прибытии Александра I в Финляндию в 1809 г. (1809. Fa 2. Д. 6), финансирование издержек на царский визит (Там же, ср.: 1810. Fa 13. Д. 160), — все эти вопросы контролировал Сперанский.

Характеризуют всю систему управления сведения о представлениях правительства Финляндии, неразрешаемых в Петербурге (в том числе и в канцелярии Сперанского) годами (1810. Fa 10. Д. 68; 1811. Fa 18. Д. 18). В процентном отношении задерживалось (по нашим подсчетам) 15,7% представлений общего собрания Правительствующего совета, 34,8% отделения юстиции, 25,8% отделения общественного хозяйства.

Политика либерализма, формально подчеркнутого уважения к национальным ценностям, соединялась со стремлением сформировать лояльный к Петербургу правительственный аппарат и, уступая в мелочах, выиграть в главном — создать верную и спокойную провинцию. В архиве находим много ярких подтверждений такой оценки. Одно из них — рассеянные в нескольких делах сведения о судебном процессе против православного священника Петрова (1810. Fa 13. Д. 179; 1811. Д. 63). Сельский священник, донося на различные проступки лютеранских пасторов, сам нарушил законы местного права и преступил запрет православных иерархов. Ясно видно как в его доносах и жалобах экс-

плуатируется идея доминанты православной церкви на оккупированных землях.

Сперанский, как и оставшиеся высокопоставленные чиновники в Петербурге, поддержал мнение финского суда (который защитил интересы лютеран) в том числе и потому, что главной его задачей было создание стабильного правового порядка в Финляндии. Именно таким путем должно было быть окончательно завоевано Великое княжество. Главным условием считался действующий на основании законов сильный аппарат управления. Поэтому нельзя было открыто отменить решение суда. Сила закона и суда казались более ценными, чем моральное удовлетворение от поддержки неуживчивого соотечественника.

Сперанский, служащие духовного ведомства в Петербурге и финские чиновники-лютеране составляли единое целое, их объединяли интересы государства как понятия почти наднационального. Как заметил Гегель: «Государственная служба требует жертвования самостоятельным и случайным удовлетворением субъективных целей...»⁵, амбиции священника были принесены в жертву политическим интересам.

Гражданские права и сословные привилегии. Информацию о сословной структуре Финляндии, о самосознании граждан Великого княжества дают многочисленные ходатайства и прошения на имя государя; все они передавались Сперанскому (1809. Д. 13–16; 1810. Фа 11. Д. 101; 1811. Д. 137; 1811. Фа 24. Д. 157).

В деле 1 (1811. Фа 16) содержится любопытная переписка по поводу сборов с недворян, которым предоставлены дворянские имущественные права. Финляндский Правительствующий совет предполагал по традиции, сложившейся при шведском режиме, передавать эти деньги не только на социальные нужды, но и «в пользу финляндского дворянского сословия» (Л. 2). Решение, принятое императо-

ром по докладу Сперанского было иным — собранные средства поступили в общую доходную часть бюджета Финляндии. Это пример реализации важнейшего принципа формирования единого государственного бюджета, попытка изменения сословного финансового механизма, придание налогам характера обязанности перед государством, а не перед дворянством.

Но нельзя не заметить и другой аспект — на практике деньги, вопреки обычаю, перестали поступать в конкретные училища и госпитали (точнее в данном случае — не начали поступать в финские дворянские учреждения в то время как жители страны потеряли возможность пользоваться прежними шведскими учреждениями). Система государственной финансовой поддержки образования и медицины находилась еще в зачаточном состоянии, о чем свидетельствуют многие прошения, хранящиеся в фонде (1809. Д. 102–119; 1810. Фа 10. Д. 68. Л. 4–6; 1811. Д. 137 и т. д.). Таким образом возникал повод для недовольства — новая государственная идея, поспешно претворяемая в жизнь, не всегда четко соответствовала существующему укладу жизни.

Самостоятельное значение имеет уголовное дело об оскорблении величества землемерным учеником Нервендером. Состоявшееся помилование — деталь к портрету либеральной эпохи (1811. Фа 20. Д. 107).

Внешняя политика. Большой интерес представляет переписка Сперанского с генерал-губернатором о таможенном режиме и участии России в континентальной блокаде (1811. Фа 18. Д. 52). Внешнеполитические пристрастия государственных деятелей определяли их позицию по конкретным внутривосточным вопросам. Линия горизонта, разделяющая внутреннюю и внешнюю политику⁶ империи в начале XIX в., была действительно условной и воображаемой. Специфика Финляндии, в частности, в том, что многие внешнеторговые операции совершались на ее территории

(грузы морских судов сгружали на подводки и отправляли в Петербург). Поэтому таможенные запрещения и преграды воспринимались особенно болезненно и купцами, и местными жителями, и представителями местной администрации.

Среди занятий Сперанского — и проблема территориального разграничения со Швецией (1811. Fa 19. Д. 63).

Нельзя не упомянуть о «финской линии» заговора против Сперанского, ставшего одной из причин к его смещению с поста Государственного секретаря в марте 1812 г. (1810. Fa 11. Д. 86; 1811. Fa 18. Д. 52). Интрига была построена на эксплуатации антифранцузских настроений населения, в ее осуществлении участвовало несколько высокопоставленных представителей местной аристократии.

Экономические вопросы. Усилия центрального правительства, направленные на развитие сельского хозяйства в Финляндии (1810. Fa 13. Д. 173; 1811. Fa 15. Д. 21), интересно сравнить с аналогичной политикой европейских держав к XVIII–XIX вв. Вообще внимание к развитию земледелия — отличительная черта реформаторской идеологии с середины XVIII в. Внимание привлекают документы о борьбе против неурожая и голода (1809. Д. 63; 1810. Fa 8. Д. 60; 1810. Fa 9. Д. 59), о русско-финской торговле (1809. Fa 5. Д. 76; 1811. Fa 15. Д. 21).

Правительственная политика в отношении науки и культуры Финляндии. Известно почти демонстративно подчеркнутое уважение Александра I к представителям финской науки и университетского образования. Находим новые подтверждения той поддержки, которую получали финские профессора и преподаватели в Петербурге в лице Сперанского (1811. Fa 20. Д. 85). Такие материалы необходимо анализировать в сравнении с документами, хранящимися в архиве Университета Хельсинки. Мы получили новые доказательства того, что развитие образования (в том числе высшего и специального) было одним из главных дел

Сперанского-реформатора (1809. Д. 102–119). И здесь необходимо представить материалы Архива Университета Хельсинки. Сперанский был канцлером Академии (с 1828 г. — университет в Хельсинки).

В фонде *Kanslerin arkisto* (фонд канцлера) нами обнаружено неизвестное письмо Сперанского к Александру I (Еа 2, 1809, без номера, от 24 августа 1809 г., на французском языке). Оно полностью посвящено кадровым вопросам. Сперанский ходатайствует о приеме на службу квалифицированных преподавателей и библиотекарей и представляет подобранных кандидатов (философ Gabriel Calender и два юриста — Jean Ahlchedt (?) и Nicolas Molin). Вообще поддержка финских ученых была одной из обязанностей Сперанского. Например, в Государственном архиве Финляндии хранится переписка 1811 г. о пожаловании пенсий вдове библиотекаря академии (Ка. *Valtiosihteerinviraston arkisto*. Фа 20. Д. 137. Л. 1–19). Академия вела активную переписку со Сперанским. Бюджет, денежные выплаты, кадровые вопросы — вот постоянный круг тем. Судя по письмам Сперанского его особенно интересовала квалификация профессоров университета и состояние библиотеки. Генерал-губернатор Финляндии, например, не поддерживал стремление Сперанского к увеличению бюджета университета.

В деле «*Kejsreliga och Cancellers Bref for ar 1808–1813*» сохранилось большое число документов проливающих свет на организационную и научную деятельность реформатора. Сохранился подлинник рескрипта Александра I на имя ректора с подтверждением всех привилегий и свобод Академии (Док. 27). Малоизвестный в российской историографии документ иллюстрирует стремление завоевать уважение авторитетных представителей национальной науки и образования. В документе четко изложена мысль о том, что русский царь будет поддерживать Академию не хуже чем король Швеции. Характерно обещание реформы по проекту, кото-

рый должен быть выработан ректором при участии всех «членов университета» и представлен на утверждение государя (Л. 2).

На практике все дела университета в Петербурге курировал Сперанский. Это подтверждается и сохранившимся в Государственном архиве деле о визите в столицу делегации университета (Ка. Valtiosihteerinviraston arkisto. Fa 20. Д. 85. Л. 1–7). Последнее письмо Сперанского как канцлера датировано 26 февраля 1812 г. Оно написано за две недели до ссылки Государственного секретаря.

Все названные материалы особенно интересны: они дают наглядное представление о круге занятий статс-секретаря в тот период, когда он готовил свои реформаторские проекты. Мы получили еще одно подтверждение системы деловых взаимоотношений Александра I и Сперанского. Император поручал ему трудоемкие, требующие каждодневных затрат сил государственные дела. Причем обилие поручений государя свидетельствует о том, что влияние Сперанского зиждилось именно на его деловых качествах и работоспособности (именно это отличает Сперанского от многих других «вельмож в случае»). Сперанский четко выполнял и мелкие и большие обязанности. Его собственные интересы и представления о том, что и как нужно делать, видны в выполненных им поручениях.

Возвращаясь к документам Государственного архива Финляндии, следует сказать, что в фонде *Kenraalikuverpooin kanslia*, в разделе *Sisallon mukaiset asiakirjat* (коллекции разных лиц) сохранились копии нескольких писем Сперанского к Александру I. Все эти копии выполнены в середине прошлого века — в тот период были невозможны публикации некоторых сочинений государственного деятеля и поэтому часто в фондах историков, учителей, коллекционеров встречаются списки отдельных произведений Сперанского. Наибольшее распространение получило легендарное

пермское письмо Александру I от января 1813 г., в котором подробно описываются все реформы, предпринятые по совету Сперанского. В Пушкинском доме в Петербурге находится, например, более 10 копий этого письма⁷. Данный текст сохранился и в архиве Финляндии (На 1. Л. 21–39).

В данной коллекции находится и одна достаточно редкая рукопись — полный список отчета Сперанского императору за 1810 г. (Л. 1–20). Большое место в документе занимает характеристика конституционного процесса в Финляндии, что по всей видимости и привлекло к ней интерес неизвестного владельца.

Анализ маргиналий на этих рукописях, сравнение списков с аналогичными документами в других хранилищах показывает отношение к Сперанскому — политику-реформатору — в 40–60-х гг. XIX столетия.

Подчеркнем, что некоторые другие фонды Государственного архива хранят служебные документы Сперанского, его личную переписку. Их анализ — дело будущего.

¹ *Schybergson M. G. Mikael Speransky. Helsingy: Finsk tidskriftin osakeyhtio, 1900; Корнилов Г. Д. М. М. Сперанский у истоков финляндской автономии в составе России // Россия в новое время: выбор пути исторического развития. Материалы межвузовской научной конференции. М., 1994. С. 8–10.*

² См.: Документы, относящиеся до войны с Швецией и до присоединения Финляндии 1809–1915. Из бумаг Сперанского // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1890. Вып. 3. С. 247–390; *Сперанский М. М. Всеподданнейшая записка «По делам Финляндским и польским» // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Е. И. В. канцелярии. СПб., 1876. С. 214–217.*

³ См.: Александров А. А. Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 174, 181.

⁴ Ссылки на архивные дела даются в тексте в скобках.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 334.

⁶ Выражение, примененное медиевистом Н. И. Басовской см.: *Басовская Н. И. Воображаемая линия горизонта: Грань между внешней и внутренней политикой в средневековом обществе // Проблемы истории и историографии рабочего движения. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения М. А. Заборова. М., 1991. С. 12–22.* Любопытно отметить, что сходную идею высказал относительно новейшей истории Финляндии специалист по внешней политике страны Я. Вирмавирта. См.: *Финляндия 1992. Четыре точки зрения. Хельсинки, 1992.*

⁷ См., например: Архив ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2637, 4474; Ф. 381. Д. 30. Папка 1; Оп. 25. Д. 123; Архив Я. К. Грота. 16.406/С. III. 69; Архив А. В. Никитенко 19. 727/С. XXX. IV. 68.

СПОРЫ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1840-х ГОДОВ (ОБЗОР)

Самым напряженным нервом журналистики 1840-х гг. являлось противостояние двух умонастроений того времени — западничества и славянофильства. Последнее оформилось еще в 1839 г., но лишь с появлением в 1841 г. журнала «Москвитянин» споры в литературных салонах получили возможность публичного выражения. Теперь и В. Г. Белинский, живший в Петербурге и этим как бы отстраненный от столкновений своих московских друзей с их московскими же оппонентами, включился в борьбу, задав ей небывалый еще накал и большую общественную значимость.

В литературе о западниках и славянофилах наряду с оригинальными подходами к исследованию идеологии и культуры немало штампов. Среди них — отождествление правой журналистики с «официальной народностью». На самом деле отнюдь не все «консерваторы» находились в русле уваровской формулы. Не будучи в оппозиции николаевскому режиму, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский (в их число можно включить и Н. А. Полевого 1840-х гг.) не принимали триады «православие, самодержавие, народность» из-за националистической окраски последнего пункта. Отсутствие единства в охранительном лагере обратило на себя внимание отдельных исследователей: так, А. А. Корнилов писал, что на журналистов «в роде Греча, Булгарина и Сенковского» Уваров не мог опереться, «не веря им, может быть, отчасти в виду их иноплеменного происхождения (Булгарин и Сенковский были поляки), Греча же... подозревал еще... в тайных симпатиях либерализму...»¹.

Стремление Уварова привлечь интеллигенцию к правительственному курсу было подозрительно и самому императору, предпочитавшему инертное послушание идеологически обоснованному. Попытка министра народного просвещения разжечь в обществе национальные, или скорее националистические чувства могла казаться Николаю, далекому от народно-русских традиций, лишней и даже опасной. Дело кончилось тем, что Николай по сути спровоцировал Уварова на протест против ущемления культуры. В марте 1849 г. с одобрения министра в «Современнике» появилась статья И. И. Давыдова, опровергавшая слухи о закрытии университетов. Цензурный комитет Д. П. Бутурлина признал ее неблагонадежной, в резолюции же на последовавшую жалобу министра царь заметил, что «ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, для ответа на пустые толки, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком у нас, к счастью, существующим»². Уваров был вынужден уйти в отставку.

В 1840-х гг. журналам «славянофильской» (термин употребляется для обозначения журналистики «официальной народности») ориентации («Москвитянин», «Маяк», «Современник» П. А. Плетнева) противостояли «Отечественные записки» и «Литературная газета» А. А. Краевского, «Финский вестник» (1845 — первая половина 1847 г.), «Современник» Н. А. Некрасова (с 1847 г.). Равно враждебны обоим течениям были «Библиотека для чтения» Сенковского, «Русский вестник», «Сын Отечества», газета Булгарина и Греча «Северная пчела».

* * *

«Москвитянин» (далее «М-н») находился под непосредственным покровительством Уварова: он предписал попечителям учебных округов выписывать его для всех учебных заведений, преподнес первый номер царю. Но не одни выгоды имел от этого журнал: Уваров в какой-то степени

стал и его «цензором», следя, чтобы редакция не допустила промахов на радость его недругам. И поскольку в числе их оказывался и А. Х. Бенкендорф, благонамеренный «М-н», попадая в гущу интриг «больших» людей, не раз был на грани закрытия.

«М-н» держался в основном трудами М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Славянофилы — Аксаковы, Киреевские, Ю. Ф. Самарин и даже наиболее близкий к редакции А. С. Хомяков отнеслись к появлению издания холодно. Чувствуя сколь плох беллетристический отдел, Погодин прилагал старания, чтобы привлечь к журналу сопротивлявшегося этому Н. В. Гоголя. Был даже случай, когда Погодин без согласия автора поместил в «М-не» сцены из «Ревизора», не вошедшие в окончательную редакцию пьесы (1841. № 4, 5).

«М-н» открылся двумя программными статьями: «Петр Великий» Погодина и «Взгляд русского на современное образование Европы» Шевырева. Разноречие между ними свидетельствовало, что журнал не смог удержаться на середине между, условно говоря, «левым» и охранительным крылом уваровского лагеря: амплитуда его колебаний простиралась от просветительства до ультраправого национализма. Если Погодин доказывал, что Петр решал насущную задачу соединения западных и русских начал в нечто высшее — «европейское-русское» (№ 1. С. 24), то Шевырев убеждал русских оградиться от «будущего трупa» — западной Европы с ее разворотом мысли и «грубым материализмом чувственности» (там же. С. 247, 272).

Составителю обзоров литературы Шевыреву также пришлось преодолевать заложенное в самой позиции журнала противоречие: он должен был либо, в согласии с «Маяком», отвергнуть практически всех русских писателей за их «заигрывания» с Западом, либо отыскать в них сходство с собственными взглядами. Чтобы не потерять для себя Пушкина и Лермонтова, Шевырев объявил, что в лице

Онегина и Печорина те осудили западные пристрастия образованной публики. «Лишний человек» есть тип карикатурного отщепенца, и его создатели хотели предостеречь нас от «мечтательной жизни, которую навеваает на нас Запад» и в которой «мы нервически, воображаемо страдаем его недугами и детски примериваем на лицо свое маску разочарования, у нас ни из чего не вытекающего» (№ 2. С. 537).

Рассматривая «Отечественные записки» (далее «Оз»), нельзя пройти мимо материалов журнала, не относящихся прямо к спорам его с «М-ном» и «Маяком», но важных для понимания полемики Белинского с собственно славянофильским кружком. Ее анализ требует уяснения восприятия ими западноевропейского социализма, и особенно творчества Ж. Санд (с одной стороны, тесно связанного в рассматриваемый период с учением П. Леру, а, с другой, приближающегося в утверждении социального идеала к французскому варианту славянофильской модели). Одним из источников ознакомления с социалистической мыслью для русского читателя 1840-х гг. являлись западнические журналы.

Интересно, что именно первый период творчества Ж. Санд, исполненный возмущения против угнетения женщины и профанации брака, был воспринят «Оз» в 1841 г. как «туманные, неопределенные мечтания» (№ 5. Отд. VI. С. 5). Возможно это — отголоски «антижорсандизма» 1830-х гг., когда по-фихтевски ригористичный протест романтики против морали современного общества, в сущности созвучный настроениям молодых русских интеллигентов, не был ими ни услышан, ни понят, ни разделен. Но «Оз» готовы простить писательнице первые «грешные» романы за последующие социальные произведения: «Мопра» и «Странствующий подмастерье» (№ 10. Отд. VI. С. 25).

Уже в первый год существования «М-н» вступил в полемику с «Оз». Ее не мог предотвратить даже данный редактору (Погодину) его покровителем Уваровым совет —

не ввязываться в журнальные перепалки³. Остановимся на эпизоде скрытого противостояния, повод к которому дала повесть Н. В. Кукольника «Сержант Иван Иванович Иванов или все за одно». Скандал в правительственных кругах вызвала сцена, когда Петр I с удовольствием наблюдает, как слуга-сержант наказывает за леность своего барина-солдата. Белинский сообщал М. С. Щепкину, что министр флота А. С. Меншиков сказал по этому поводу членам Государственного совета: «А знаете ли вы, дворяне, как вас бьют холопы палками и пр.», и дело дошло до государя (ПСС. Т. XII. С. 103). Шевырев, обидевшийся за провинциальное дворянство допетровских времен, напечатал на повесть резкую рецензию (М-н. 1841. № 12), названную Белинским в том же письме доносом. Думается, не случайно Белинский, которому повесть понравилась, уже после выступления Шевырева с определенной долей риска для «Оз» трижды повторил свой одобрительный отзыв (Т. V. С. 476, 510, 584; Т. VI. С. 550). Наибольший же выигрыш от этой истории выпал в 1848 г. М. Е. Салтыкову-Щедрину в связи с грозящими ему репрессиями из-за повести «Запутанное дело». Будучи секретарем следственной комиссии, Кукольник всячески старался облегчить его участь, причем некоторую роль играли тут воспоминания о прощенной ему царем собственной вине, которая, как считал он, «была хуже салтыковской»⁴.

На правом фланге «самобытной» журналистики находился «Маяк современного просвещения и образованности», проводивший идею, что «русское племя — самой высокой крови» (1841. Ч. 13. Отд. 4. С. 14). В монархии «Маяк» более всего ценил «кулак», направленный на усмирение «беспорядков», под каковыми имелось в виду всякое проявление жизни и движения. В связи с этим огромное место в нем отводилось критике «беспокойной» Франции (ее старались вести устами «объективных» иностранцев). Так, из «Франкфуртской газеты» была частично перепеча-

тана статья Фонфреда о том, что системы правления в Англии (аристократическая) и в России (монархическая) превосходят французскую. Переводчик внес поправку, что и английским парламентом обольщаться не надо (Ч. 13, смесь). В той же книжке утверждалось, что «все виды конституции, хотя в некоторых местах терпимы еще, как застарелые болезни, но решительно потеряли доверие всех умов, самых демократических» (Ч. 13, библиогр. С. 48–49). «Маяк» горел желанием завязать спор с «Оз», что подняло бы его литературный престиж; ответом Белинского долгое время оставалось его игнорирование.

* * *

Главным литературным событием 1842 г., на котором сосредоточилось внимание журналистики, стал выход в свет «Мертвых душ». Этапным в осмыслении творчества Гоголя стал спор о его новом произведении Белинского с К. С. Аксаковым, требующий специального рассмотрения. В № 10 «Оз» Белинский (Т. VI. С. 407–408) дал разбор статьи Шевырева о «Мертвых душах» (М-н. 1842. № 7–8). Хотя полемика не носила общетеоретического характера, она все же затронула ряд принципиальных моментов. В вопросе о комическом Шевырев в сущности остался верен эстетике йенских романтиков, требующих разграничения трагического и смешного и принимающих лишь радостный «карнавалый» смех. Шевырев не отрицал гоголевский «смех сквозь слезы», но, не вдумываясь в его философское содержание, пытался разъять это единство, связать смех с «низкой» действительностью, а слезы с душевными переживаниями автора по поводу несовершенства жизни. Другими словами, Шевырев не замечал перехода смешного в трагическое в самой действительности, он глядел на нее глазами восторженного романтика, считая, что юмор Гоголя «мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме», заставляя исказить «русский быт и

русского человека». Лишь во второй части книги, где ожидалось появление «высоких созданий в роде Тараса Бульбы» (М-н. № 8. С. 357, 368), Шевырев предвидел снятие волнующего его противоречия между комическим и возвышенным: умиляя читателя до слез, положительные герои Гоголя будут подчас вызывать у него улыбку безобидными чудачествами. Выступая против этих мнений, Белинский как бы продолжал свой спор с Шевыревым 1830-х гг., когда последний осудил Гоголя, осмелившегося показать в «Старосветских помещиках», что привычка, выработанная в монотонности почти животного существования, обладает большей силой, чем высокие порывы, разбивающиеся о бездушную реальность; что духовность хрупка, а пошлость всесильна. Шевырев тогда усмотрел здесь клевету на мироздание, Белинский — его глубинный трагизм, вскрытый Гоголем посредством смеха⁵.

В 1840-х гг. «Оз» ориентировались в своих философских пристрастиях на левое гегельянство. Для славянофилов единственно приемлемым (далеко не во всем) немецким философом был Шеллинг, провозгласивший в своих берлинских лекциях 1841 г. новую систему — философию откровения. Младшие славянофилы (Аксаков, Самарин) не чуждались гегелевских построений, применяя их, однако, чисто формально, и оставались равнодушными к Шеллингу. Рьяным поклонником философии откровения являлся выросший на Шеллинге бывший «любомудр» Шевырев.

Несмотря на отрицательное отношение Белинского к позднему Шеллингу, «Оз» в 1842 г. опубликовали присланную М. Н. Катковым из Берлина первую лекцию философа от 15 ноября 1841 г. (№ 2). В сочувственном тоне было дано сообщение об окончании курса и устроенном почитателями Шеллинга факельном шествии (приводился отрывок из обращенной к ним речи профессора — № 5). В апреле 1842 г. Краевский еще намеревался печатать катковские записи лекций, но, вероятно, под влиянием Белинско-

го и В. П. Боткина, отказался от этого. В одном из отчетов о германской литературе Боткин дал резкую критику немецкого философа, используя брошюру Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» (Оз. 1843. № 1. Отд. VII. С. 3).

Напротив, «М-н» подчеркивал свои симпатии к религиозной философии бывшего йенского романтика, называя его первым мыслителем Германии (1842. № 1 — «Шеллинг в Берлине»). В № 4 была напечатана речь Шеллинга, заключающая его курс. В конце 1843 г. в отчете о лекциях Т. Н. Грановского Шевырев упрекал историка за недооценку «нового подвига Шеллинга в науке» (№ 12. С. 525).

Правые издания, не связанные с Уваровым, заостряли свою отрицательную оценку «Мертвых душ» как против «Оз», так и против «М-н». «Б-ка для чтения», посетовав, что в поэме Гоголя «грязь на грязи» (1842. Т. 53. Лит. летопись. С. 37), не преминула поиздеваться над Аксаковым (1843. Т. 57. Лит. летопись. С. 24), провозгласившим Гоголя новым Гомером. В «Сыне Отечества» (также издаваемом в 1842 г. Сенковским) К. П. Масальский, уколов вначале Аксакова тем же злополучным Гомером, изрек шутку, метящую и в западников: «все гегелисты непременно и гогелисты» (1842. Ч. 3. № 6. Критика. С. 2). В «Русском вестнике» Полевой назвал «Мертвые души» собранием уродов (№ 5–6. Отд. III); в статье же «Несколько слов о современной русской литературе» обвинил «Оз» в потчевании читателей гегелевской схоластикой, «Маяк» — в отрицании пользы философии, «М-н» — в том, что, похоронив Запад, он питается «крохами, унесенными с западной похоронной трапезы» (1842. № 1. Отд. III. С. 6).

Петербургский «славянофил» — «Маяк» занимал своеобразную литературную позицию: не признавал ни Гоголя, ни Лермонтова, ни Пушкина (мнения его о последнем стали уникальными в журналистике 1840-х гг., когда Пушкин был уже признан корифеем, и в критике не возникло еще желания смены кумира). Так, П. Ильин (Панкратий Угрю-

мов) сетовал, что «стихотворения Пушкина... не согревают сердца теплотою любви, не увлекают ума к высоким помыслам». Пушкин сумел обольстить свое поколение, но его подражатель Лермонтов, явившийся к читателю более просвещенному, не увлек его своим ложно направленным дарованием. Все дело тут в Духе времени, глубокомысленно замечает автор, обнаруживая тем, что знакомство с «Оз» обогатило его терминологию (№ 1. Критика. С. 61–62).

Крайний национализм, политический конформизм, примитивная эстетика обрекали «Маяк» на неуспех у публики. Журналу необходима была идея, противостоящая взглядам «Оз» и тем способная вызвать интерес подписчиков. Свой козырь «Маяк» пытался обрести в пропаганде украинских писателей. Симпатизируя украинскому народу и высоко ценя его поэзию, Белинский, однако, считал бесперспективной «местную» литературу, не имеющую читателя, ибо образованное украинское общество говорило по-русски и по-французски, народ же мало нуждался в подделках под свою поэзию. Мнение Белинского базировалось и на том факте, что Гоголь, впитав в себя украинскую народную культуру, стал все же писать по-русски. Что касается украинской беллетристики, она отпугивала Белинского своим провинциализмом и славянофильской ориентацией. Напротив, «Маяк» всячески рекламировал произведения на украинском языке (статья К. Калайденского «Еще вот как думают областяне» — 1842. № 12) и творчество литераторов Украины, в частности Т. Г. Шевченко: положительный отзыв Н. Я. Тихорского на поэму «Гайдамаки» (1842. № 8); публикация отрывка из драмы «Никита Гайдай» (№ 9), поэмы «Бесталаный» (1844. Т. 14). «Маяк» был поддержан «М-ном»: «я был свидетелем, — восклицал автор рецензии на сборник «Ластовка» А. С. Чужбинский, — как образованные дамы после блестящего бала (заметьте — после бала!) и молодые щеголи, которые собрались посмеяться над хохлацкой мужицкой повестью, рыдали при чтении «Мару-

си»» [повесть Г. Ф. Квитки-Основьяненко] (1841. № 10. С. 445–446). Положительные отзывы дали Ф. Китченко на «Гайдамаков» (1843. № 11–12), Шевырев — на роман «Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад» П. А. Кулиша (1843. № 7); были опубликованы отрывки из указанного романа (1843. № 9), а также из романа Кулиша «Черная рада» (1846. № 1, 5). В «Современнике» Плетнева появились отрывки из «Черной рады» (1846. Т. 41); положительная рецензия на «Повесть об украинском народе» того же автора (1846. Т. 43). Но тут-то судьба посмеялась над славянофильскими журналами и прежде всего бдительным «Маяком», везде чувявшим крамолу и подрыв устоев: под своим крылом они пригрели писателей (Шевченко, Кулиш, Н. И. Костомаров), действительно стремящихся к перемене существующего строя и вскоре соединившихся для этого в тайное общество.

В письмах Погодина встречаются жалобы на то, как тяжело достается ему «М-н», он хотел даже прекратить издание⁶. Журнал нуждался в сотрудниках, но кружок славянофилов по-прежнему практически игнорировал его. Помощь чуть было не пришла от западников: летом 1842 г. Е. Ф. Корш написал Грановскому, а затем и Погодину о своем желании принять участие в его органе. Состоялась встреча Погодина с Коршем и Грановским, но, вероятно, последние были ошеломлены поставленным им условием: редактор «М-на» спросил, «отрекутся ли они от дьявола и Отечественных записок, будут ли почитать христианскую религию, уважать брак»⁷. На этом переговоры закончились.

Полемика русских журналов 1840-х гг., как правило, была связана с проблемами литературы. Однако, в 1842 г. она коснулась и крестьянского вопроса. В 6-й книжке «М-на» Хомяков в статье «О сельских условиях» приветствовал закон об обязанных крестьянах, разрешавший земельные сделки между помещиками и крестьянами. Автор считал необходимым положить в их основу обычай, т. к. «едва ли есть ка-

кая-нибудь часть Европы, в которой обычай был бы так тесно связан со всею жизнью, как в России» (С. 254). Обычаем, по его мнению, являлось половничество — 3-дневная барщина или половинный оброк; наемный же труд, напротив, не сживался с русскими представлениями и привычками. Землевладельцу предлагалось при нормировании повинностей иметь дело не с отдельным крестьянином, а с общиной, связывающей всех круговой порукой: «взаимная ответственность соединяет в одно целое частные выгоды поселян и служит каждому ограждением против его собственной беспечности и пороков» (С. 262). Общине, по Хомякову, отдавалась немалая власть над каждым ее членом: она могла принуждать неисправных к батрачеству, к государственным работам, просить администрацию об их выселении.

В № 8 «М-на» были помещены замечания на статью: их автор считал завышенной предложенную Хомяковым норму повинностей крестьян, утверждал, что отдача крестьянина в руки общины приведет к злоупотреблениям и эксплуатации бедных богатыми, выступал за установление более объективной оценки крестьянского труда. Хомяков в своем ответе (№ 10) подтвердил, что считает половничество справедливой платой за землю, заверив оппонента, что «никогда община поселянская в России не дойдет до отношения арендатора к батракам». Он выразил сомнения в нужности регламентировать государством крестьянские повинности, ибо «быт деревенских миров и сила семейственного начала поставят взаимное отношение поселян между собою и общее их отношение к землевладельцу на разумном основании, которого недостает народам просвещенного Запада» (С. 521).

В спор вмешались «Оз». А. П. Заблоцкий-Десятовский (псевдоним — «русский помещик») прежде всего заметил, что в Западной Европе, по сравнению с Россией, обычай более крепки. Переходя к сути дела, он писал, что 3-дневная барщина «выражает собою только крайнее напряжение

обязательной силы, с одной стороны, и безответного исполнения, с другой» (№ 11. Отд. IV. С. 4). Плата трудом — самая несовершенная форма связи крестьян и помещиков, и для самого землевладельца выгоднее вольный наем рабочей силы. По словам Боткина, славянофилы ругали статью «с остервенением и с пеною у рта»⁸, и это подтверждает, что они приходили к идее вольнонаемных отношений не без значительных колебаний.

* * *

23 ноября 1843 г. Грановский начал в университете курс публичных лекций по истории средних веков, встреченный с воодушевлением и западниками, и славянофилами. В № 142 «Моск. ведомостей» А. И. Герцен приветствовал начало курса. Погодин, назвавший лекции «Псалтырью по Западе»⁹, не разделял восторгов московской интеллигенции. Шевырев, собравшийся освещать чтения Грановского в «М-не», испытывал давление со всех сторон: Погодин считал его отношение к лекциям слишком мягким; Н. А. Мельгунов, западник, состоящий, однако, в дружбе с редакцией «М-на», уговаривал Шевырева не перечить Герцену¹⁰. Услышав о намерении Шевырева «ругнуть» Грановского, Герцен начал было, как сообщал он Н. Х. Кетчеру, готовить ответ, который бы «понравился Виссариону» (намек на неодобрение Белинским контактов московских западников со славянофилами). Однако, попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, симпатизирующий западникам, но боящийся раздражить противный лагерь, запретил помещать в «Моск. ведомостях» новую статью Герцена. Шевырев отозвался о лекциях в умеренном тоне, упрекнув Грановского в том, что тот «приковал» себя к гегелевскому знамени, между тем как Гегель, не давший славянскому племени места в ряду исторических народов, проявил «европейский китаизм» (№ 12. С. 526).

В январе 1844 г. Грановский открыл новый цикл лек-

ций, после завершения которого 22 апреля состоялся торжественный обед с целью примирения западников и славянофилов. В июне Герцен предупреждал Кетчера: «скажи Белинскому, и да разразится он гневом ярим, в «Москвитянин» будет несколько слов моих о Грановском». Статья Герцена действительно появилась в 7-й книжке журнала, чему способствовало и недовольство ее автора редактором «Оз»: если бы «М-н» перешел в честные руки, — писал он Кетчеру, — можно было бы обойтись без Краевского, «идеала неделикатности»¹¹.

Московские западники пытались создать свой орган: сначала хотели купить «Галатею» С. Е. Раича, затем Грановский подал прошение о дозволении издания «Московского обозрения». Думали и о приобретении какого-либо петербургского журнала¹². Это беспокоило Погодина и уже весной 1844 г. он предложил И. В. Киреевскому встать во главе «М-на». Тот колебался, боясь оказаться втянутым во вражду с западниками, со многими из которых находился тогда в дружбе¹³. Погодин обратился с предложением участия в журнале и к Коршу, но западники требовали непременно смены редактора¹⁴. Наконец, Киреевский согласился взять на себя идейное руководство журналом и осенью они с Хомяковым вели с Герценом переговоры о вхождении западников в «М-н». Однако, отношения западников и славянофилов ухудшались, особенно после написания Грановским диссертации, доказывающей легендарность существования славянского города Винеты. Шевырев старался методами закулисной борьбы не допустить ее к защите. Личные связи участников кружков прервались после ряда оскорбительных эпиграмм Н. М. Языкова, расколовших и славянофильский стан: Аксаков в стихотворении «К союзникам» и К. К. Павлова в послании Языкову заявили о неприятии его обвинений в адрес западников. После получения Грановским в конце 1844 г. правительственного отказа в издании нового журнала Герцен предложил Краевскому посто-

янное сотрудничество (свое, Грановского, П. Г. Редкина и Корша) в «Оз»¹⁵.

Почти в каждой книжке «М-на» за 1844 г. публиковались университетские лекции Шевырева «Введение в историю русской словесности». В отличие от славянофилов, для которых Россия распадалась на два не сближающихся друг с другом мира: народа и образованного общества, Погодин и Шевырев утверждали цельность русского бытия, которое «никакого разрыва и противоречия во внутренней святине существа своего не допускает» (1844. № 1. С. 227). Если славянофилы считали Петра I разрушителем единства нации, Погодин и Шевырев принимали петровские преобразования как необходимый этап развития российского государства. Упрекнув в своих лекциях Францию в суетности, Германию — в разврате мысли, Англию — в поклонении «златому тельцу», Шевырев оптимистически предрекал, что, оставив в стороне гордость, безверие, буйство личной воли, плотскую чувственность и эгоизм, мы сумеем воспользоваться лучшими плодами цивилизации Запада, не смущаясь сомнением в возможности обогатиться чужим, не выстраданным опытом.

«М-н» публиковал большое количество исторических работ и материалов; лейтмотивом многих из них было стремление представить Россию главой обособленного славянского мира. Белинский, видевший будущее России в сближении с европейскими нациями, высмеивал славянские пристрастия «М-на», в коем можно «заблудиться, словно в одной из тех темных дубрав, где... обитали мелкие славянские божества — кикиморы и лешие» (Т. VIII. С. 479).

Разногласия вызвали вышедшие в 1844 г. сборники стихотворений Языкова и Хомякова. Говоря о первом, П. Н. Кудрявцев пытался комплиментами смягчить свой суровый в целом приговор — муза поэта «состарилась, не возмужав» (Оз. № 11. Отд. VI. С. 13). Белинский, признав историческое значение творчества Языкова, отметил риторичность и

холодность его стихов (Т. VIII. С. 448–461). Еще строже отнеслись «Оз» к Хомякову: отзыв А. Д. Галахова (№ 8. Отд. VI) и Белинского (Т. VIII. С. 461–474). «М-н» отнес низкую оценку поэзии Хомякова к разряду нравственных преступлений: «надо быть слишком наглу, слишком дерзку, чтоб ругать такие стихотворения» (№ 7. библиогр. С. 11).

Заключенный наконец договор Погодина с Киреевским заставил литературный мир с любопытством ожидать обновления славянофильского органа. Между западниками и кругом «М-на» накопилось к этому времени столько обид, что даже наиболее мягко настроенные в отношении славянофилов друзья Белинского не спешили сблизиться с московским журналом. Грановский в ответ на просьбу Киреевского неопределенно пообещал писать для его издания — при условии, что не будет назван в числе сотрудников. Он пояснял, что не считает значительными их расхождения, т. к. верит в существование в России лишь двух «партий» — «людей благородных и низких», но находится в этом смысле в разных партиях с некоторыми из участников «М-на»¹⁶.

Герценом и Грановским славянофилы воспринимались как потенциальные союзники. Для Белинского они всегда оставались противниками, заслуживающими серьезного спора. Но соглашения с ними, даже временные, были для него исключены.

* * *

Отдел наук «М-на» за 1845 г. открывался статьей Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала», где автор продолжал развивать теорию (принятую, впрочем, всеми течениями русской мысли), согласно которой в основу европейской истории клался факт завоевания галло-римлян германцами. Феодализм, развитие городов — первый этап истории Европы, затем начинается соперничество среднего

сословия и аристократии; третий этап будет составлять борьба низших классов с буржуазией. Предтечи ее — «сенсимонисты, социалисты, коммунисты соответствуют энциклопедистам, представившим пролог к французской революции» (№ 1. Науки. С. 3). Погодин советует западной буржуазии «образумиться» и, пока не поздно, пойти на уступки.

В отличие от мятущегося Запада Россия, по Погодину, всегда была царством покоя: раздражительным народам Европы противостояли тихие, терпеливые славяне. Они сами призвали к себе князей и, таким образом, «в основание государства у нас была положена любовь, а на Западе — ненависть» (С. 13). Народ и бояре равно подчинялись князю, а потому не враждовали друг с другом. Городов и буржуазии не было. В отличие от римской церкви, занятой не столько делами духовными, сколько соперничеством с властью, православная церковь, «углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать, как ей угодно» (С. 17). Эта идиллия, по мнению историка, — ручательство за светлое будущее России. Предчувствие, что недошаливший ребенок, повзрослев, наверстает упущенное, не тревожило автора.

«Обозрение современного состояния словесности» Киреевского (№ 1–3), как отметил еще Герцен¹⁷, противоречило погодинским рассуждениям. Погодин старался развести Россию и Европу, Киреевский мечтал об их своеобразном соединении: разочаровавшийся в своих установлениях Запад придет в конце концов к принятию чистой веры, синтезирующего славянского мышления и соборных форм жизни, носящих не национально-русский, а общемировой характер.

Во второй части своей статьи Киреевский нарисовал мрачную картину состояния словесности, начав бесплодную войну с «натуральной школой». Заканчивая «Обозрение» в 3-й книжке, он вступил в открытую полемику с «Оз», проведя параллель между ними и «Маяком» как между двумя крайностями русской журналистики. Ответ Белинского

(Т. IX. С. 68–74), упрекнувшего Киреевского в несправедливости литературных суждений и некорректности полемических приемов, нес отпечаток тактических соображений журнальной борьбы, и потому особо интересны воспоминания П. В. Анненкова о непосредственном восприятии Белинским новой программы «М-на». В ней он не принял сочетания интеллектуальности с попыткой обосновать идею национального превосходства. Белинский полагал, что «уж если вы не обманываете самого себя, говоря, что сподобились читать в книге судеб о призвании русского народа, так не стыдитесь лежать перед ним во прахе. Я больше люблю Ш[евырева] и П[огодина], которые, не бродя по сторонам, просто режут: «Мы спасители, мы обновители!» — уж и знаешь, что им на это отвечать»¹⁸.

Издав 3 номера и собрав отчасти материал для 4-го, Киреевский под предлогом слабого здоровья вновь передал журнал Погодину. Удрученные славянофилы подумывали о том, как удержать «М-н» в своих руках, но Погодин отказывался прикрывать своим авторитетом во многом чуждые ему идеи: «Хотят, чтобы осталось мое имя, и чтоб я не смел ничего поместить, а молодое поколение хозяйничало...»¹⁹. Языков писал Гоголю, что славянофилы оставили «М-н»²⁰, но это было не точно; ведь даже самый «левый» из них — Самарин, заявлял, что какой бы дрянью не наполнялся журнал Погодина, его надо поддерживать²¹. О причинах ухода Киреевского, сводимых к издательской «кухне» (неопытность Киреевского, прижимистость Погодина и т. д.) сообщал Гоголю С. Т. Аксаков²². Думается, однако, что дело было не только в этом: определенную роль в самоустранении И. Киреевского сыграла журнальная «ссора» его брата, П. В. Киреевского, с Погодиным, обнажившая разногласия славянофилов с официальным крылом «Москвитянина».

На первый взгляд, она касалась далеких от современности проблем: в открытом письме Погодину «О древней русской истории» (№ 3) П. Киреевский порицал норман-

скую теорию, приписывающую славянам равнодушие к общественным делам. Он находил, что приверженность ей Погодина противоречит его же заявлению об отсутствии завоевания в русской истории. На самом деле, считал П. Киреевский, норманны не внесли в жизнь славян новых элементов, т. к. государственность на Руси возникла до прихода варягов. Народ, слепо покорившийся чужеземцам, не был бы достоин исторического изучения.

Реакция Погодина была крайне нервной²³. Заявив, что ему больно разрушать родившиеся в воображении П. Киреевского «привлекательные образы» старины (№ 3. Науки. С. 52), он настаивал, однако, что «призвание» варягов походило на завоевание, но в отличие от западного не вызвало в умеющих смиряться русских желания отпора и не породило классовой борьбы. Вы же, — обвинял Погодин славянофилов, — «ищите в истории подкреплений для вашей гипотезы...» (С. 58).

В полемике П. Киреевского и Погодина нас интересует не историческая правота сторон, а ее подспудный смысл. Славянофилы прославляли смирение перед общиной, коллективистское начало, свойственное, по их мнению, русским, но не подчинение властям. Народ, которому присущ стихийный демократизм, понимание примата общественного над личным, не нуждался, по славянофилам, в обучении порядку со стороны чужеземцев. На идеальном образе народа и строилась славянофильская «утопия», близкая к западному феодальному социализму. Ничего подобного не было во взглядах Погодина, который хвалил народ за смирение перед государством. Погодина не умиляли ни русское богатырство, ни склонность славян к общинному землеустройству, ибо он и не ждал от русского народа новой социальной идеи, оплодотворяющей человечество, а лишь надеялся на его природную пассивность перед властью, послушание которой и приведет его к благоденствию. При этом представление Погодина о народе, в сравнении со славяно-

фильским, отличалось в чем-то большей трезвостью — трезвостью обывателя, стремящегося в боязни худшего как можно дольше удержать все в пределах сложившегося status quo. Она не совмещалась с романтической мечтой славянофилов о грядущем слиянии русских в проникнутую единым духом и волей общину.

В том же номере Погодин в статье «За русскую старину» набросился на заметку Корша «Бретань и ее жители» (Моск. ведомости. № 25), вероятно, желая сгладить свое заявление о недопустимости идеализации русской истории. Вина Корша состояла в утверждении, что Россия не знала европейского средневековья. Погодин усмотрел здесь некий комплекс неполноценности, приписанный русской нации, и принялся поправлять Корша: не было рабства, феодального тиранства, инквизиции, пролетариев, зато было — отеческое управление, патриархальная свобода, общее владение, мирская сходка... Почва России, «перетерпевшей и варягов, и татар, и Литву, и жестокости Иоанна Грозного...» (С. 32) благодатна, ибо, в отличие от окровавленной Европы, упитана слезами. Эти «слезы», давшие повод Белинскому высмеять погодинскую статью (Т. IX. С. 212), раздражали и славянофилов, не желавших превращать русскую историю из героической в сентиментальную.

В 1845 г. вышла имевшая успех повесть В. А. Соллогуба «Тарантас», которая во многом являлась выпадом со стороны «официальной народности» против кружка славянофилов. Понимая это, Белинский должен был, однако, учитывать, что Соллогуб — давнишний сотрудник «Оз». Пришлось прибегнуть к сложному маневру: истолковать «Тарантас» как пародию на «славянофильство» в широком смысле понятия. Истинные идеалы Соллогуба объявлялись критиком мистификацией, что позволяло развенчивать их как бы в солидарности с автором повести. Эту «оплеуху» Соллогубу рукой в «бархатной перчатке»²⁴ высоко оценил такой мастер «бархатных» оплеух, как Герцен²⁵.

Редакция «М-на» побоялась напечатать статью о «Тарантасе» Самарина (сильно запоздав, она появилась в «Московском литературном и ученом сборнике» в 1846 г.). Правда, устами А. Е. Студитского «М-н» (1846. № 1. С. 257) осудил рецепт возрождения России, данный Соллогубом. Самарин увидел в герое «Тарантаса», Иване Васильевиче, человека, чувствующего свою оторванность от русской почвы, но не способного преодолеть ее. Он — жертва реформы Петра, потерявшая путь в лоно народности, — тем более, что между ним и ею стоит олицетворенная в другом персонаже «Тарантаса», Василии Ивановиче, бессознательная приверженность невежественной старине. Мнимое «славянофильство» Ивана Васильевича, по мнению Самарина, и принимается западниками за подлинную суть учения. В то же время Самарин отверг идеал Соллогуба: помещикололюбивых крестьян, заботящихся о них дворян, не нуждающихся больше в европейском образовании, народ, «бодро и доверчиво»²⁶ шествующий по указанной ему сверху дороге, — «пародию примирения, смешной маскарад, подделку под народность, обманчивую и вредную; ибо, принимая на себя вид народности, она удаляет минуту ее торжества»²⁷. Статья Самарина была чуть ли не единственной работой славянофилов, понравившейся Белинскому (Т. XII. С. 296).

Новое произведение Соллогуба подверглось и критике справа. Плетнев в «Современнике» с укором писал, что автор возвышает Ивана Васильевича «и всю юную Русь как необходимую жертву, которой потребовала борьба между прошедшим и настоящим». Злые зарисовки дворянского, чиновнического и купеческого быта заставили критика усомниться в искренности возгласов во славу России, которыми «пестрит» «Тарантас» (Совр. Т. 38. С. 218, 247).

«Маяк» также не поверил чистоте намерений Соллогуба, угодившего «в болото карикатур, гаерства и потешничества», куда завели литературу «Гоголи да Брамбеусы»

[псевдоним Сенковского]. Но автор во-время догадался, что «русского человека в его прекрасных стихиях... должно искать вне больших дорог и городов». Картины патриархальной деревни и финал повести, где тарантас (подобно гоголевской птице-тройке) залетает в Россию будущего, держащую мир под своим «духовным», высоконравственным, успокоительным влиянием»²⁸, в какой-то мере искупили в глазах «Маяка» сатирические эпизоды «Тарантаса» (Т. 22. № 43. С. 3, 4, 7).

Смена редакции не прошла бесследно для «М-на»: в 1845 г. на его страницах стало появляться больше материалов о жизни Запада, в частности. «Письма из Парижа» Мельгунова. Автор утверждал, что во Франции есть свежие силы, ручающиеся за ее будущее, и это диссонировало с похоронными маршами, сочинявшимися «М-ном» для умирающей Европы. По мнению Мельгунова, народ Франции сознает бесплодность насилия, и потому мало верит тем, кто ищет «сравнять всех, забывая, что гармония в соотношении, а не в уравнении, что уравнение есть уничтожение, и потому, пока мир живет — невозможность» (№ 5–6. С. 34). В ремесленниках пробуждаются идеи о мирном пересоздании общества на справедливых началах, провозвестницей которых выступила Ж. Санд в романе «Странствующий подмастерье». Статья Мельгунова была отмечена Белинским как одно из наиболее значимых явлений года в русской публицистике (Т. IX. С. 402).

Полемику питали и литературные и научные сборники, исходившие из обоих лагерей. В 1845 г. под редакцией Некрасова вышла «Физиология Петербурга» — один из первых опытов социально-психологической обрисовки низших слоев петербургского населения. К. Аксаков в «М-не» (№ 5–6. С. 91–96) назвал книгу посредственной, составленной «бездомными людьми», стекающимися в ненужный России город.

Историк Н. В. Савельев-Ростиславич, близкий по своим взглядам к «Маяку», издал в том же году «Славянский сборник», посвященный критике норманской теории с «патриотических» позиций. Отзыв о нем Белинского вылился в колкий памфлет (Т. IX. С. 181–213).

Девятым полемическим валом, обрушенном «М-ном» на «Оз» стала статья помощника попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова «Голос в защиту русского языка» (1845. № 11). Автора привело в негодование утверждение Белинского (Т. IX. С. 222–235), что русский язык пока беден научными и общественными понятиями. Оно было истолковано Голохвастовым как идеологическая «диверсия»: одни только «Слова и речи» Филарета, — писал он, — превосходят всю французскую литературу. Попутно задевалось и преклонение критика перед Гоголем, который, как полагал Голохвастов, под видом картины русского общества дал нам коллекцию уродов (С. 71).

Хотя Гоголь почти не публиковался в «М-не», имя его было своего рода знаменем журнала. По неписанным законам журналистики нельзя было давать в обиду «своего» автора. Погодин приносил Гоголя в жертву интересам полемики. Подобные просчеты редактора (не говоря уже о принципиальной стороне дела) не могли не подрывать репутацию «М-на».

Ответная статья Белинского «Голос в защиту от Голоса в защиту русского языка» (Т. IX. С. 458–474) не прекратила спора: неугомонный Голохвастов вновь выступил в «М-не» (1846. № 3) с заметкой: «Ответ на статью «Отечественных записок» Голос в защиту...», где добросовестно воспроизвел почти все возражения Белинского, дав «Оз» лишний повод поблагодарить враждебные издания за пропаганду их мнений. Точку в споре поставил уже Галахов, с помощью очередного наращенного, пародировав заголовок статьи оппонента: «Ответ на ответ...» и т. д. (Оз. 1846. № 5).

В последний год своего существования (1845) активизировался «Маяк». В статье «Застой в русской литературе» А. М. Мартынов осуждал похвалы «Оз» Пушкину и Лермонтову, иронизируя по поводу сожаления о раннем конце их поприща: «Да, кто теперь так нежно, так роскошно, так благоуханно воспоеет волокитство?». Признание Белинского, что поэзию Пушкина он предпочитает народным сказкам, в рецензии на первое издание книги И. П. Боричевского «Повести и предания народов славянского племени», написанной 5 лет назад (Т. IV. С. 163–164), «Маяк» считал преступлением, не имеющим срока давности. Гоголь характеризовался как один из худших представителей направления, которое завело словесность «в топкое болото литературного материализма» (Т. 19. Отд. IV. С. 5, 13, 22. Т. 22. Критика).

* * *

1846 г. — последний год работы Белинского в «Оз»: его участие прекратилось уже на 5-м номере. Замолчал Белинский, — стал скучнеть и «М-н»: со второго полугодия его задор заметно выдыхается, а затем и вовсе сходит на нет.

В № 1 московского журнала Погодин затеял спор с К. Аксаковым, явно просящийся под перо фельетониста. Началось все с сообщения «Моск. ведомостей» (№ 2) о маскарade 30 декабря у А. Н. Панина. Автор («Домино») сетовал, что художники не разрабатывают моделей маскарadных русских костюмов. Оскорбленный такой постановкой вопроса, К. Аксаков возразил в № 4 той же газеты (без подписи), что россияне «не захотели клеймить народного русского платья маскарadным характером». Мельгунов (Н. Л-ий) в «М-не» (№ 1) ответил, что такая логика ведет к компрометированию и автора и восхваляемого им общества, — выходит, что позорить национальную одежду других народов допустимо. Итог подвел (там же) Погодин под псевдонимом «Полушубок». Заметив, что он далек от «сла-

вян», «болтающих всякий вздор о русской истории», к которым, как видно, принадлежит автор из «Моск. ведомостей», и посоветовав ему подписывать свои статьи словом «Зипун» (наглость обращения Погодина к «союзннику» едва ли не сравнялась в данном случае с его выходками против «Оз»), редактор «М-на» в конце концов лишь повторил мысль Аксакова, что русским надо вернуться к национальной одежде, которую в будущем переймут у нас и иностранцы (С. 286).

В № 2–3 «М-на» появилась рецензия Шевырева на выпущенный Некрасовым «Петербургский сборник». Его участники — И. С. Тургенев, Некрасов, Герцен, Белинский и др. охарактеризованы как толпа бездарностей. Отметив, что в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского есть наблюдательность и чувство, но нет оригинальности, Шевырев осудил «филантропическую» идею повести и всей книги. В произведениях сборника он пытался отыскать примитивно-обличительный мотив, рассматривая авторов чуть ли не как политических заговорщиков и поучая их, что «путь к освобождению заключается не в ненависти к палачу, а в той бесконечной силе любви, которая таится в жертве». Причем в образец русским литераторам приводилась не кто иная как Ж. Санд, совершившая в «Консуэло» «поворот замечательный, хотя и не всеми замеченный» (вероятно, имелся в виду поворот к славянскому миру) (№ 2. Критика. С. 189).

В 1846 г. славянофилы выпустили «Московский литературный и ученый сборник», надеясь превратить его в периодическое издание. Программой была работа Хомякова «Мнение русских об иностранцах». Спектр отзывов о книге обозначился следующим образом: «Современник» отдал ей безусловное предпочтение перед «Петербургским сборником» (Т. 43). Погодин, отпустив ряд похвал изданию и статье Хомякова, подмешал к ним ложку дегтя, заметив, что поклонение Хомякова общине доходит до парадокса (М-н. № 5)²⁹. А. В. Никитенко в «Б-ке для чтения», осудив идеи

сборника, выделил как удачные статьи Самарина о «Тарантасе» и С. М. Соловьева «О родовых отношениях между князьями древней Руси» (Т. 78). «Финский вестник» объявил очерк Хомякова позорным, удивившись, что личные свои мнения он выдает за мнения русских (Т. 12). Рецензия Ф. И. Буслаева, Галахова и К. Д. Кавелина (Оз. № 7) близка к отзыву Никитенко.

Мягким был разбор Кавелиным (Оз. № 7) изданного Д. А. Валуевым «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», где наряду со славянофилами участвовали сам Кавелин, Грановский и Соловьев. Отметив важность исследований о славянском мире, Кавелин пожелал «полного успеха «Сборнику» и полного неуспеха его направлению» (Отд. V. С. 28).

Подобно «Маяку», ставшему особо ядовитым накануне своей кончины, в последний год существования в прежней редакции разбушевался обычно тихий плетневский «Современник»: он встал на сторону Голохвастова в его полемике с Белинским (Т. 42. С. 349–350), вступил в борьбу с «Финским вестником» (С. 341–344), который в ответ заметил, что в тоненьких книжках «Современника» «мало современности» (Т. 11. Смесь. С. 24) и т. д. Антизападническая пропаганда его включала и демонстрирование публике бедствий, вызванных владычеством денег в буржуазной Европе: статья С. Барановского «Роскошь и нищенство в Западной Европе» (Т. 43); заметка «Общественные недуги в Западной Европе», заимствованная из «Берлинской литературной газеты» от июля 1846 г. (Т. 44). В статье Э. Земенцкой о Ж. Санд писательница была названа «последней жрицей разрушения, последним, хоть и самым поэтическим, голосом хищничества, который, даже издыхая, попирает все святое...» (Т. 43. С. 306). Подобные высказывания звучали анахронизмом даже для Шевырева, не говоря уже о славянофилах, принявших близкие им по духу последние

произведения Ж. Санд, как, например, «Проклятое болото». Напротив у Белинского проявляется все более критическое отношение к социалистическим тенденциям в творчестве писательницы, выразившееся, в частности, в низкой оценке романа «Проступок господина Антуана» (Т. X. С. 307).

После ухода Белинского из «Оз» Краевский, понимая, что Галахов не сможет стать равноценной заменой, возложил свои надежды на В. Н. Майкова. В рано умершем Майкове русская общественная мысль потеряла талантливого социолога (поражает своей прозорливостью его не печатавшаяся тогда работа «Об отношении производительности к распределению богатства», поставившая вопрос о прогрессивности «дольщины» — участия рабочих в прибылях предприятия). Но в области литературы Майков явился лишь предтечей «прагматической» критики, которая шла на смену высокой эстетической культуры Белинского. Его рецензии лишены кипения крови, задора, накала эмоций и вместе с тем четкости мысли, с какими явился когда-то в журналистику Белинский; они деловиты, «солидны», сухи, но отличаются порой расплывчатостью выводов. Чтобы высвободить себе «место под солнцем», Майков объявил взгляды Белинского устаревшими, не соответствующими современному развитию науки, хотя в своих работах, как правило, опирался на доказанные уже предшественниками положения. Попытки же самостоятельного теоретизирования часто приводили его к парадоксам, как случилось и в его споре со славянофилами. По Майкову, «национальное» как разновидность «индивидуального», есть отклонение от воображаемой единой нормы: «...действительный человек тем совершеннее, чем ближе к человеку воображаемому, идеальному, бестемпераментному... следовательно, чем меньше особенностей в цивилизации народа, тем он цивилизованнее...». Ту же мысль развивал он в работе «Стихотворения Кольцова»: «человечность находится в прямой

противоположности с национальностью... Всякая особенность народа, т. е. всякое уклонение его от человеческого типа, есть слабость»³⁰.

Утверждение Майкова являлось лишь доведением до абсурда постулата Гегеля о необходимости снятия неразумно-индивидуального разумно-общим. Молодой критик, видимо, не знал о споре, развернувшемся еще в 1833 г. между шеллингианцем Шевыревым и знакомым уже с учением Гегеля И. И. Ястребцевым: тогда в ответ на слова Шевырева, что прогресс проявляется через развитие особенного, Ястребцев возразил: «...не разнообразие, не усиление личной индивидуальности, а единообразие, истребление личности должно быть следствием совершенства для человека: ибо дух человеческий один, свойства его одни...» (Моск. телеграф. 1833. Ч. 53. С. 329–330).

Такая постановка вопроса была чужда Белинскому, видевшему в отрицании индивидуального ради общего опасную тенденцию. Отброшенное Майковым «национальное» для Белинского как раз и являлось реальностью в своих прогрессивных и «застойных» чертах. Не уничтожение национальных форм общечеловеческими идеями, а пронизывание национального человечностью было идеалом Белинского. Он был вынужден пойти на спор с Майковым, назвав его мнение «фантастическим космополитизмом во имя человечества». Сам этот максималистский европеизм показался Белинскому чертой национальной, «истинно русской» крайностью (Т. X. С. 25).

* * *

В 1847 г. «Современник» перешел к Некрасову и родился заново как журнал западнического направления. По тем силам, которые удалось собрать в нем в тот момент, издание стало флагманом российской литературы. Однако «Оз» сохранили свой кредит у публики, тем более, что по ряду обстоятельств многие литераторы публиковались в

обоих органах. Таким образом, журналы эти в конце 1840-х гг. были враждебны лишь по личным отношениям членов их редакций. Спор Белинского и Майкова, строго говоря, не был спором «Современника» и «Оз», поскольку сам Майков участвовал и в «Современнике». Некрасов и Белинский старались «отбить» у Краевского талантливую молодежь, а в затруднительных ситуациях, возникавших из-за болезни Белинского, обращались за помощью к бывшим коллегам по «Оз». Наличие конкурирующих журналов-близнецов, создавая трудности для редакторов, было выгодно сотрудникам, не связавшим себя жестко с одним из органов.

Но были ли эти журналы близнецами? Белинский мечтал сделать «Современник» отличным от «Оз», но хозяином его оказался Некрасов, считавший, что вернее будет избрать путь, уже приведший один раз к успеху, т. е. придать журналу просветительский характер и как можно чаще и острее полемизировать с Булгариным и Погодиным. Белинскому, напротив, хотелось сократить количество атак на лица, сменить, по возможности, полемику изучением социально-психологической опоры противников; от просветительства, декларации желаемого уйти к познанию реально-го. Отсюда проистекал более мирный тон его критики в «Современнике», не понятый не только «чужими», но и некоторыми из «своих», истолкованный как утомление «старика» Белинского.

Те же тенденции наметились у Белинского в подходе к славянофильству: стремление понять его как порождение русской действительности, выяснить причину его живучести и степень жизнеспособности, найти его место в общеевропейском идейном развитии. Попрежнему отрицательно воспринимая это течение, Белинский в «Современнике» старался уйти от вражды к личностям (в чем не был поддержан оппонентами) и считал даже необходимым открыть журнал для участия (при соблюдении ими известной ло-

яльности) писателей «славянской» ориентации. Интересно в этом смысле письмо Белинского Боткину с рассказом о желании К. Аксакова и Мельгунова затеять в «Современнике» спор о Петербурге и Москве. Белинский считал, что тема эта мелка, скучна и смешна, а «смешное падет на журнал» (Т. XII. С. 355–356). Но возможное подозрение К. Аксакова, что отказ вызван его «славянофильством», тревожило Белинского, и он просил Боткина передать К. Аксакову, что «Современник» готов поместить взамен любую другую его статью.

Непосредственное столкновение «Современника» со славянофилами произошло по инициативе последних: в статье «О мнениях Современника, исторических и литературных» (М-н. 1847. № 2) Самарин (псевдоним «М. З. К.») выступил против работ Кавелина, Никитенко и Белинского в № 1 «Современника». Анализ этой статьи и «Ответа «Москвитянину» Белинского и Кавелина (Совр. № 11, 12) выходит за пределы нашего обзора. Отметим лишь, что в споре участвовало еще одно лицо, о котором вспоминают редко. Отношения Погодина со славянофилами были уже столь напряженными, что в № 3 «М-на» редактор поместил опровержение статьи Самарина, составленное Мельгуновым. Допуск в журнал западника вызвал возмущение в рядах его сторонников, и Погодину пришлось оправдываться (М-н. 1848. № 2).

Материалы журналов отразили отход ряда западников во второй половине 1840-х гг. от социалистических теорий, вызывавших энтузиазм в начале десятилетия. Уважением продолжал пользоваться лишь Прудон, являвшийся, по словам Анненкова, врагом как «личного права, кончающегося анархией в мире промышленности», так и «общинной тирании, под какой формой она бы не являлась» (Совр. 1848. № 1. Отд. IV. С. 40). Отмечая упадок популярности Леру во Франции, он спорно объяснял его «природным отращением француза к фантазму» (С. 39–40). Провозгла-

шенный Леру принцип распределения (в будущем) жизненных благ по потребностям вызвал у Анненкова саркастическую реакцию: «Остается только распределять общественные богатства по темпераментам...» (Совр. 1847. № 1. Отд. IV. С. 35). Еще более пренебрежительно пишет он о Бюше, Кабе и Консидеране. С мнениями Анненкова перекликается обзор французской литературы в «Оз» (1848. № 1). Отметим, что не слишком лестная характеристика «Истории французской революции» Л. Блана, сделанная неизвестным автором обзора французской литературы в «Современнике» (1847. № 7) почти дословно совпадает с тем, что говорит о Л. Блане и его книге в своих письмах Белинский (Т. XII. С. 323, 385, 449). Судя по воспоминаниям Анненкова³¹, Белинскому были близки встречающиеся в обзоре высказывания о том, что «зло заключается не в начале индивидуализма», а в его искажении, что сама «любовь является только дальнейшим развитием и последним выражением индивидуализма» (Совр. 1847. № 7. Отд. III. С. 23).

В рецензии В. А. Милютина на книгу А. И. Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» новейшие экономические системы названы утопиями, знаменующими, однако, придание политической экономии гуманного направления. Вместе с тем, утопии эти, по мнению автора (и здесь мы вновь наблюдаем явное сходство с суждениями Белинского), имеют опасную черту: «...личность человека или исчезает совершенно или подвергается самым стеснительным ограничениям. Вместо того, чтобы найти средства для примирения двух равно необходимых начал: индивидуализма и общинности, современные теории... жертвуют первым в пользу второго и подчиняют деятельность неделимого известным правилам, исполнение которых не может обойтись без принуждения или самопожертвования» (Совр. 1847. № 12. Отд. III. С. 157).

Большие волнения вызвали «Письма из Avenue Marigny» Герцена (Совр. 1847. № 10–11). Среди исследователей утвердилось не подтвержденное фактами мнение, что «Письма» породили раскол западничества на революционное и либеральное. Однако, в применении к западникам 1840-х гг. термины эти не имеют смысла. Дискуссии шли в кружке постоянно, т. к. яркие индивидуальности собравшихся в нем интеллектуалов требовали свободы самовыражения, а интимно-тесная их связь придавала любому разногласию драматический оттенок. Сама близость, заставлявшая желать от другого «всего» или «ничего», порой затрудняла поиск компромиссов. В процессе споров каждый оказывался и справа, и слева, то требуя крайних решений, то сдерживая порывы товарищей. «Письма» ставили под сомнение прогрессивность западного капитализма. Друзьям Герцена, «заступившимся» за буржуазию, антиевропейская пропаганда в российских условиях казалась неуместной. Ни то, ни другое мнение еще не свидетельствовало о «радикализме» или «умеренности» тех, кто его высказал: они лишь отражали реальную противоречивость капитализма середины XIX в. и положения России, социально отставшей от Запада, но в сфере общественной мысли поднявшейся до охвата мирового движения. Белинский ощутил истинность каждого из них, и одним из первых в России задумался над возможностью разрешения кризисов капитализма на путях его внутреннего развития.

В 1847 г. славянофилы выпустили второй том «Московского литературного и ученого сборника», где разработка основных принципов учения вновь выпала на долю Хомякова («О возможности русской художественной школы»), обзором же литературы занялся К. Аксаков. Белинский (возможно, в соавторстве) подверг сборник всесторонней критике; лишь статья Соловьева «О местничестве» была названа значительным явлением в русской науке (Совр. 1847. № 6).

Художественная критика не была сильной стороной «М-на». Его рецензенты ставили себя в заведомо проигрышное положение, пытаясь изменить ход литературного процесса. В «Очерках современной русской словесности» Шевырев (1848. № 1) осуждал писателей, связанных с западническими журналами (публиковаться же в «М-не», почти не имеющем подписчиков, даровитые авторы не хотели). Шевырев упрекал «натуральную школу» в клевете на народ, и вслед за Самариным («О мнениях Современника...») ставил в пример русским литераторам социальных писателей Запада, обличавших высшие классы, противопоставляя им добродетельных бедняков. Особенно нападали Шевырев и его союзники на деревенские повести Д. В. Григоровича: Самарин писал, что тот намеренно выискивает грубое, оскорбительное и жестокое в крестьянах. Критика «М-на» принимала подчас характер курьеза: так, автор обзора поэтических произведений 1847 г. возмущался «развратностью» героини некрасовской «Тройки»: вместо того, чтобы полюбить крестьянского парня, она бежит за проезжими корнетами (1848. № 2).

К. Аксаков в «Московском сборнике» выносил не менее суровые приговоры молодому поколению писателей: в произведениях Тургенева лишь «натянутый сухой эгоизм и... зевающая апатия», у Достоевского «картины бедности являются во всей своей случайности, не очищенные, не перенесенные в общую сферу» и т. д. Славянофильская критика являлась одним из ответвлений школы, судящей о художественном явлении по его общественной пользе: она требовала от искусства воспитания «народолюбия», понятого как преклонение перед высшей народной правдой. Обращение к народу почти всегда приветствовалось: так, К. Аксаков благосклонно отнесся к стихотворению Некрасова «В дороге» и одобрил «Хоря и Калиныча»: «Пока г. Тургенев толковал о своих скучных любвях, да разных апатиях, о своем эгоизме, — все выходило вяло и бесталан-

но, но он прикоснулся к народу... с участием и сочувствием, и посмотрите, как хорош его рассказ!»³². Белинский отмечал, что славянофилы «не могут и не хотят отделить таланта автора от направления его произведений» (Т. X. С. 208), хотя в случае с «Хорем и Калинычем» достоинство произведения определялось для К. Аксакова даже не идеями автора, а лишь предметом рассказа. Ибо народ «Записок охотника» (чего не почувствовал К. Аксаков) это вовсе не народ славянофилов. Дело даже не в том, что и Хорь, и Калиныч не вписываются в любимую славянофилами общину: Хорь разбогател, живя отдельно от односельчан, а Калиныч — откровенно плохой работник. Здесь есть сторона более важная, подмеченная некоторыми западниками, но ими не принятая: мужики Тургенева чересчур сложны. «Хорь и Калиныч», — писал Галахов, — идиллия. «Один мужик несет в подарок другому (страшно вымолвить) пучок земляники...» (Оз. 1848. № 1. Отд. V. С. 23). И Боткин с его верным эстетическим чутьем не принял рассказа, считая его идеализацией крестьян³³. Но Тургенев и не утверждает своим Калинычем, что у русских мужичков принято дарить друг другу землянику, — это делает лишь один из них. Крестьянин Тургенева — не Платон Каратаев Толстого и не Савелий, богатырь святорусский, Некрасова; у Тургенева нет попытки олицетворить народ в одном персонаже, создать собирательный образ российского мужика. «Капиталист» Хорь, «романтик» Калиныч, гибнущий под бременем чувства долга Бирюк, поэт Касьян, бродяга и пьянчуга Ермолай, в момент «пугачевщины» добровольно взявший бы на себя роль палача, светящийся внутренним достоинством Павел из «Бежина луга», — все они народ лишь в своей совокупности. Пафос «Записок охотника» состоит в утверждении, что человек из народа столь же неповторим, самобытен, и порой столь же оригинал и чудак, сколь и человек из общества, и как невозможно изобразить в одном лице «типичного» представителя образованного

круга, так нельзя нарисовать и «типичного» крестьянина. Эта установка Тургенева коренным образом противоречила «народничеству» славянофилов, в представлении коих крестьянин был человеком цельным, не знающим душевного разлада; существом со стертой индивидуальностью; носителем определенного набора психических свойств, необходимых для общинной жизни. Прикоснувшись к народу, Тургенев не обрел в нем пронизанного единым началом мира, врачующего своей мудростью, — этот мир распался на множество индивидуальностей.

Несколько слов о восприятии критикой «Выбранных мест из переписки с друзьями», вышедших в начале 1847 г. Большую статью посвятил им Шевырев (М-н. 1848. № 1). По его мнению, Гоголь смеялся над соотечественниками, т. к. в отличие от своих последователей, чувствовал в русском человеке «высшую его породу, славное его назначение, присутствие начал, которые должны в нем создать великое на благо всему миру» (С. 12). Увидев, что «приняли в искусстве не смех над пошлым, а самое пошлое русской жизни за действительность» (С. 29) (Шевырев воспринимал Гоголя как «сатирика», что противоречило взгляду Белинского, считавшего Гоголя «реалистом», обнажающим трагическую суть самой жизни), Гоголь поспешил высказать в публицистической форме, что на Россию он глядит отнюдь не глазами отрицателя. Однако только художественным изображением положительного мог Гоголь искупить свою истинную вину перед родиной: он сам увлекся живописанием пошлости, зашутился, потерял высшие представления. Когда пришла пора воплотить сокровенную сторону русской души, Гоголем овладело бессилие, ибо «от смешного до высокого нет пути: между ними бездна» (С. 27–28). Выговорив свое эстетическое кредо, Шевырев вынес Гоголю беспощадный, прежде всего с точки зрения самого писателя, приговор: обрек его на вечное пребывание в «чистилище», закрыв ему путь в духовный «рай».

В своей статье Шевырев скрыто и явно обращался к Белинскому. Последний не принимал книги Гоголя не только из-за общественного кредо писателя. О принципах можно договориться, тем более, когда обсуждение их не затрагивает течения самой жизни: политика вершилась не в литературных кругах. «Переписка» прежде всего оскорбила в Белинском интеллигента. Когда Гоголь «учит помещика ругаться с мужиками» (Т. X. С. 69), это неприемлемо для Белинского по чувству социальной справедливости, но еще более по чувству справедливости человеческой, наконец, по чувству приличия. Эта сторона отношений Белинского к книге осталась недоступной Шевыреву, который писал по поводу тех же гоголевских поучений: «Мы не помещики: не наше дело судить о пользе и применяемости таких советов... Иных западная чопорность привела в соблазн словами: ах ты, невымотое рыло, которые Гоголь влагает в уста помещику, и против чего русский мужик давно запаса псаломницей: брань на ворота не виснет» (С. 16–17).

Славянофилам книга мало нравилась, а в семье Аксаковых она была принята в штыки. К. Аксаков в письме к Гоголю объяснял ложь его нового мирозерцания «тлетворными испарениями» Запада, которые вдыхал Гоголь, бросив Россию³⁴. Подобно Белинскому он был возмущен наставлениями Гоголя землевладельцу, как разбогатеть за счет крестьян, но характер этого возмущения иной: К. Аксакова более всего задело оскорбление Гоголем не достоинства личности, а народа, который изображен внимающим нотациям помещика и тем поставлен в нравственном отношении ниже дворянства.

Оригинальным был подход к «Выбранным местам» А. А. Григорьева, одного из немногих принявших книгу, но не совсем ту, что написал Гоголь. Пафос ее критик усмотрел в призыве к внутренней цельности, в отрицании всеоправдывающего, по его мнению, гуманизма. В отличие от «натуральной школы», обвиняющей в зле не индивида, а

общественную атмосферу, Гоголь ставил в центр ответственного за свои поступки человека, и тем возвращал ему свободу деятельности (Моск. городской листок. № 62, 64). Направление же этой деятельности выбрал за Гоголя сам Григорьев, без лишних сомнений зачислив его в союзники Ж. Санд, ибо не может же великий писатель не только «называть ее сукой и другими милыми именами, на которые так щедры поборники патриархального быта», но оставаться вне призыва к очищению святых человеческих связей (в частности, брака) от насилия, расчетов, предрассудков. Гоголь, защищавший в «Переписке» «патриархальный быт», преобразался, таким образом, в поборника освобождения женщины от «приходно-расходной книги»³⁵. Хотя Гоголь в своем отрицании европейского общества ориентировался на высказывания французских социалистов³⁶, все же его положительная программа, достаточно далекая от идеалов Ж. Санд, произвольно «социализировалась» Григорьевым.

Со смертью Белинского, главного действующего лица идейной борьбы 1840-х гг., с новой волной цензурного гнета в связи с европейской революцией 1848 г., волной, смывшей идеологические споры со страниц русских журналов, обмен мнений между славянофилами и западниками затухает. Без привлечения журнальных материалов трудно представить суть столкновений двух лагерей и литературный фон, влиявший на их проблематику. Вместе с тем изучение темы «западники и славянофилы в периодической печати» позволяет составить более точное представление о самой журналистике, в частности, обнаруживает, что обозначение ее терминами «охранительная» и «прогрессивная» недостаточно, что существовавшие типы «охранительства» ориентировались на разные правительственные круги. Обзор периодики становится как бы преддверием более тщательного анализа противостояния западников и славянофилов во всех аспектах общественной жизни.

-
- ¹ Корнилов А. А. Теория «официальной народности» и политика Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. 4. Ч. 2. С. 105.
- ² Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. X. С. 538.
- ³ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. СПб., 1892. Кн. VI. С. 6.
- ⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 421.
- ⁵ См.: Тихонова Е. Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М., 1993. С. 60.
- ⁶ См.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874. СПб., 1901. С. 36, 37.
- ⁷ Цит. по: Барсуков Н. П. Указ. соч. Кн. VI. С. 280.
- ⁸ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения. С. 53.
- ⁹ Цит. по: Барсуков Н. П. Указ. соч. СПб., 1893. Кн. VII. С. 115.
- ¹⁰ См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена 1812–1850. М., 1974. С. 291–292.
- ¹¹ Герцен А. И. Собр. соч. В 30-и т. Т. 22. С. 162, 176, 186.
- ¹² См.: Русская мысль. 1892. № 9. С. 10; Герцен А. И. Указ. соч. С. 232–233.
- ¹³ См.: Киреевский И. В. Полн. собр. соч. В 2-х т. М., 1911. Т. 2. С. 233.
- ¹⁴ См.: Герцен А. И. Указ. соч. Т. 22. С. 188.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 212–213.
- ¹⁶ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 442.
- ¹⁷ См.: Герцен А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 137.
- ¹⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 232–233.
- ¹⁹ Цит. по: Барсуков Н. П. Указ. соч. СПб., 1894. Кн. VIII. С. 31.
- ²⁰ См.: Переписка Н. В. Гоголя. В 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 421.
- ²¹ См.: Самарин Ю. Ф. Соч. М., 1911. Т. 12. Письма. 1840–1853. С. 164.
- ²² См.: Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 63.
- ²³ Очень зло отозвался он о статье П. В. Киреевского в письме к Шевыреву. Опасаясь, что внутренний спор в журнале даст Герцену повод для нового фельетона и, увлекшись этим предположением,

он сам стал набрасывать за Герцена план его выступления против «Москвитянина» (См.: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 127).

- 24 См.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 343.
- 25 См.: *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 22. С. 240.
- 26 Русские повести XIX века 40–50-х годов. М., 1952. Т. 2. С. 142.
- 27 *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1900. Т. I. С. 25–26.
- 28 Русские повести XIX века... Т. 2. С. 142.
- 29 Это обидело Хомякова. Погодин записал в «Дневнике»: «Рецензия, видно, не понравилась, а толкуют о подчинении личности...» (цит. по: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 321), т. е. о смирении личности перед общим разумом, выразителем которого и счел себя редактор «Москвитянина».
- 30 *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 43, 75–76, 156–159.
- 31 См.: *Анненков П. В.* Указ. соч. С. 325–327.
- 32 *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 174, 186, 193.
- 33 См.: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 269.
- 34 Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 97.
- 35 *Григорьев А. А.* Собр. соч. Вып. 8. Н. В. Гоголь и его «Переписка с друзьями». М., 1916. С. 28, 30.
- 36 См.: *Идеи социализма в русской классической литературе.* Л., 1969. С. 121–122.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (1850-е ГОДЫ)

Вопрос о численности служащих местного звена государственного аппарата России XIX в. является до сих пор не исследованным¹. В значительной степени это объясняется неизученностью источниковой базы, отсутствием достоверно точных статистических сведений о числе чиновников разных ведомств и рангов². Между тем, без определения хотя бы приближенной численности служащих местных губернских и уездных канцелярий невозможно объективное историко-социологическое изучение их состава, имущественного положения, образовательного уровня, возрастного ценза и т. д., которое весьма активно ведется в последние годы как отечественными, так и зарубежными историками³.

Сведения о личном составе служащих местных присутствий XIX в. содержат разные источники: адрес-календари Российской империи, списки гражданским чинам различных классов, ведомственные издания, например, «Список высшим гражданским и военным чинам, служащим в Министерстве внутренних дел и по ведомству оною в губерниях», «Список членам Министерства государственных имуществ»⁴, законодательные материалы, в первую очередь штатные расписания, а также отчеты, рапорты, доклады, служебные записки и т. д.

В данной статье предпринята попытка подвергнуть источниковедческому анализу комплекс материалов местного происхождения, образовавшихся в результате деятельности губернских и уездных учреждений, хранящихся ныне в об-

ластных архивах. Состояние источников позволяет рассмотреть вопрос на материалах Калужской губернии.

В Государственном архиве Калужской области (ГАКО), в фонде губернского правления (№ 62) отложился корпус документов, содержащих сведения о числе служащих губернских и уездных канцелярий в предреформенное время (1859–1860 гг.). Материалы представляют собой рапорты начальников канцелярий разных ведомств губернскому начальству с приложением именных списков, или ведомостей служивших в них чиновников и канцеляристов. В общей сложности в изучаемый период выявлено около четырехсот списков, объединенных в семь единиц хранения⁵. Списки составлялись по предписанию губернского начальства с различной целью. Одни — для учета и контроля за численностью служивших в губернских и уездных присутственных местах чиновников⁶, другие — для обнародования сводных данных о численном и персональном составе местной администрации в губернской памятной книжке⁷, третьи — для внесения требуемых правительством сведений в адрес-календарь, ежегодно издававшийся Российской Академией наук с конца 60-х гг. XVIII в.⁸ Документы подчас имеют различные заглавия, например, «Список о чиновниках Мещовского уездного суда для внесения в адрес-календарь»⁹, «Краткий список о службе чиновников Монастырской квартирной комиссии для внесения в адрес-календарь»¹⁰, «Именной список канцелярских чиновников и служителей Калужской казенной палаты и ведомства ее»¹¹, «Ведомость о числе служащих чиновников Калужской губернии в канцелярии малоярославецкого уездного предводителя дворянства по назначению от правительства»¹² и т. д.

Несмотря на разные названия, все учтенные документы в подавляющем большинстве аккумулируют аналогичную информацию. В них фиксировались следующие важнейшие сведения о чиновниках: фамилия, имя, чин и занимаемая

должность. В части списков заключены более подробные сведения, касающиеся прохождения службы, социального происхождения, возраста, наград и т. д. Так, например, в списке служащих Тарусского земского суда указывается, с какого года тот или иной чиновник состоит в настоящем чине и должности, за сколько лет имеет знак отличия беспорочной службы¹³. В списке служащих Лихвинского уездного суда сообщается: когда чиновник вступил в службу, с какого времени находится в данной должности, чине; указывается размер получаемого им основного и добавочного жалованья¹⁴. В материалах о чиновниках, представленных из Медынского городнического правления приводятся данные об их социальном происхождении и возрастном цензе¹⁵, а в списках служащих Калужской врачебной управы¹⁶ и Мещовского городнического правления¹⁷ в дополнение к этому еще и данные о наградах (орденах, медалях и знаках отличия). В документах, поступивших из Тарусской дворянской опеки имеется любопытная графа, имеющая название: «Был ли (чиновник — *В. И.*) под судом и подозрением, с успехом ли исполняет должность»¹⁸. В ведомости служащих канцелярии Малоярославецкого уездного предводителя дворянства в специальной графе помещены даже сведения о составе их семьи (число лиц муж. и жен. пола)¹⁹. Среди выявленных документов, однако число таких, если можно так выразиться «полных» списков, составленных, как правило, в произвольной, разработанной самим учреждением форме насчитывается не более 2-3 десятков.

Наибольший интерес с точки зрения полноты сведений представляет список, носящий название: «Сведения о числе чиновников и канцелярских служителей, о получаемом ими содержании и о проч. по Калужскому губернскому правлению»²⁰. Отличительная особенность этого документа состоит в том, что по своей форме он напоминает формуляр по-

служного списка служащих гражданского ведомства второй половины XIX в. Источниковая ценность документа настолько велика, что мы, пользуясь случаем, считаем необходимым ознакомить читателя с содержанием формуляра. Вот перечень граф документа (все 12 граф даны без нумерации), в который вносились сведения о каждом служащем правления: чин, имя, отчество и фамилия; из какого звания и сколько теперь лет; где воспитывался и окончил ли курс; в котором году поступил на службу и куда; какую в настоящее время занимает должность; с которого в оной времени; сколько получает содержания (руб., коп.), если женат, то на ком именно, с которого года и из какого звания жена; сколько имеет детей, каких лет, где они воспитывались, на своем или казенном содержании и кончили ли курс наук; если дети поступили на службу то (подпункты: куда именно, с которого времени, какое по службе получает содержание — руб., коп.); есть ли имение, родовое, или благоприобретенное и в чем оно заключается (подпункты: у родителей, у него самого, у жены); если был в отставке, то сколько времени. Как видим, документ содержит сведения не только и даже не столько для выяснения численности служащих главного административного учреждения губернии, сколько позволяет всесторонне исследовать его состав накануне отмены крепостного права.

Остановимся кратко на происхождении выявленных материалов. Из семи комплексов документов появление четырех²¹ обусловлено специальными распоряжениями местного гражданского губернатора В. А. Арцимовича, неоднократно в период своего непродолжительного губернаторства в Калуге (1858–1862 гг.) выступавшего с инициативой сбора различных статистических сведений, в том числе и о служащих присутственных мест губернии. Уже через четыре месяца после приезда на новое место службы в Калугу, Арцимович своим циркуляром от 7 февраля 1859 г. обязал

губернское правление представить сведения о числе канцелярских чиновников и служителей всех мест губернии с обозначением их чинов²². Поводом для издания циркуляра послужила проведенная губернатором в начале 1859 г. ревизия присутственных мест, в ходе которой было выявлено большое число сверхштатных чиновников и лиц не способных к чиновной деятельности, часть из которых к тому же не занималась непосредственным исполнением возложенных по службе обязанностей. На заседании губернского правления 10 февраля 1859 г. Арцимович докладывая о результатах ревизии, в частности, сказал следующее: «Замечая, что канцелярии присутственных мест Калужской губернии преисполнены множеством малоспособных чиновников и что до сих пор не обращалось внимания на разбор, действительно ли просящиеся на службу чиновники в состоянии принести пользу службе и приобрели ли достаточные сведения для дальнейшего развития и приспособления к исполнению служебных обязанностей; считаю долгом обратить внимание губернского правления на это важное по последствиям своим обстоятельство, заставляющее весьма часто определять на разные должности людей не отличающихся способностями»²³. Исполняя поручение губернатора, губернское правление своим постановлением от 12 февраля 1859 г. предписало всем подведомственным местам и должностным лицам губернии «немедленно доставить в двух экземплярах именные списки всех служивших в губернии чиновников и канцелярских служителей»²⁴.

Второй аналогичный первому циркуляр начальника губернии губернскому правлению последовал 10 февраля того же года. На этот раз в нем предписывалось собрать и доставить сведения лишь о числе канцелярских чиновников уездных судов Калужской губернии и о размерах получаемого ими жалованья. Кроме того, губернатор потребовал сообщить ему, кто из чиновников занимается делами суда, а

кто только числится на службе²⁵. Через семь дней после обнародования губернаторского указа губернское правление соответствующим распоряжением приказало уездным судам немедленно представить интересующие начальника губернии сведения²⁶.

По сути, к вышеназванным указам Арцимовича тесно примыкают два его других распоряжения по рассматриваемому вопросу, но на сей раз отданные за подписью не начальника губернии, а председателя губернского статистического комитета (ГСК), пост которого, как известно, губернаторы занимали по действовавшему законодательству. В указе от 26 февраля 1859 г., адресованном лично вице-губернатору Н. И. Юркевичу, Арцимович предлагал представить в ГСК (по указанной форме) разные сведения о числе чиновников и писцов губернского правления «для некоторых соображений относительно устройства чиновников, служащих в губернии»²⁷. Во втором указе губернатора, от 10 октября 1860 г. предлагалось доставить в ГСК «сведения о присутствующих и прочих классных чиновниках (губернского правления — В. И.), с объяснением вакантных мест по прилагаемой при сем форме для составления в будущем году памятной книжки Калужской губернии»²⁸. Особо отметим то важное обстоятельство, что к указам губернатора о которых идет речь, прилагались, видимо, им самим составленные формы документов, согласно которым делопроизводители должны были представить интересующие его и ГСК сведения. Правда, формуляры их были различны. Если формуляр, приложенный к указу от 26 февраля 1859 г., как мы могли убедиться выше, отличался наибольшей полнотой и разнообразием сведений, то форма списка с данными, предназначавшимися для публикации в памятной книжке включала всего три графы, в которые вносились лишь общие сведения о чиновниках: 1) должность; 2) чин, имя, отчество, фамилия; 3) ордена и прочие знаки отличия.

Столь бросающееся в глаза различие между формами документов, предназначавшихся для служащих одного и того же учреждения, введенных губернаторскими указами с интервалом в один год, легко объяснима. В первые месяцы после вступления в губернаторскую должность Арцимович стремился повысить оперативность деятельности возглавляемого им губернского правления, усилить его влияние на присутственные места и должностных лиц губернии. Решение этой непростой задачи он начал через ознакомление с личным составом учреждения, для чего потребовал доставить ему полную информацию о его персональном составе. Общеизвестно, что уровень образования, возраст, личные, деловые качества, материальное положение, наконец, черты психологии государственных служащих всегда оказывали и оказывают решающее влияние на деятельность чиновно-бюрократического аппарата разных уровней, а местного в особенности. Этот важный фактор не мог не учитывать в своей административной деятельности по управлению губернией калужский губернатор, выгодно отличавшийся широтой взглядов и профессиональными качествами от основной массы посредственных администраторов предреформенной эпохи. Не будет лишним заметить, что этим главным мотивом руководствовался Арцимович, когда требовал представить ему сведения о личном составе других присутственных мест губернии (указы губернатора от 7 и 10 февраля 1859 г.). Эти данные губернатор полагал использовать в конкретно-практических целях, например, для наведения должного порядка в сфере комплектования штатов, установления соответствия между числом канцелярских чиновников и фактическим объемом делопроизводства в каждой из канцелярий²⁹, а также поиска достойных и компетентных в служебных делах сотрудников не только для губернаторской канцелярии и губернского правления, но и для

успешного проведения в жизнь такого важного и ответственного мероприятия как реформа 1861 г.³⁰

Что касается сведений, требуемых для публикации в памятной книжке Калужской губернии, то для этого справочного издания достаточно было ограничиться лишь общими данными о числе служащих в губернии чиновников. Это обстоятельство и объясняет чрезвычайную лапидарность формуляра именного списка, приложенного к губернаторскому указу от 10 октября 1860 г.

В завершении характеристики указанных групп материалов, отметим еще один важный момент. Ни в одном из указов начальника губернии, ни в распоряжениях губернского правления присутственным местам о представлении сведений о чиновниках, не определялся срок подачи информации. Между тем, губернские и уездные канцелярии разной ведомственной подчиненности, на редкость быстро исполняли предписания вышестоящего начальства. (Речь идет только о тех случаях, когда информация поступала). Сведения собирались и доставлялись по назначению в течение месяца после издания соответствующего указа.

Рассмотрим выявленные в ГАКО материалы, представленные для опубликования в академическом справочнике — адрес-календаре Российской империи, но вначале отметим, что адрес-календарь выходил одной книгой и состоял из двух частей. В первой части по данным на 1 января публиковались именные списки чиновников высших и центральных правительственных учреждений, во второй — служащих местной администрации. В адрес-календаре печатались данные (кстати, без всякой проверки на полноту и достоверность), поступавшие в Академию наук из губернских правлений, а туда — дважды в год (к 10 мая и 15 ноября) из присутственных мест губернии³¹.

Сведениями для внесения в адрес-календарь мы располагаем за вторую половину 1859 г. и 1860 г.³² В губернское

правление эти материалы поступали на основании его указов разных лет. Так, в рапортах начальников уездных канцелярий, поступивших в губернское правление с именными списками чиновников в период с 19 апреля по 10 мая 1860 г.³³ имеются ссылки на четыре указа: от 24 августа 1845 г., 28 февраля 1851 г., 2 июня 1853 г. и 27 марта 1859 г. Список чиновников Боровского земского суда, например, был составлен в исполнение указа губернского правления от 24 августа 1845 г.³⁴; чиновников Мосальского уездного суда — указа от 28 февраля 1851 г.³⁵; служащих Боровского уездного стряпчего — указа от 2 июня 1853 г.³⁶; Мосальского сиротского суда — указа от 27 марта 1859 г.³⁷ и т. д. К сожалению, содержание упомянутых указов нам неизвестно (обнаружить их в фонде Калужского губернского правления не удалось). Не составляет, однако большого труда по аналогии с уже известными по этому вопросу распоряжениями губернатора и губернского правления судить об их содержании. Можно полагать, что правление предписывало и неоднократно «напоминало» всем присутствиям представлять в строго установленный законодателем срок сведения о служивших в них чиновниках для обнародования в адрес-календаре, которые, надо думать, поступали с большим опозданием.

От предварительных замечаний, касающихся происхождения учтенных групп материалов, перейдем к анализу их содержания. Попытаемся ответить на главный вопрос: в какой степени рассматриваемые материалы отражают численность служащих государственных учреждений Калужской губернии в предреформенные годы.

Содержащиеся в документах данные после соответствующей обработки мы свели в Таблицу, которая дает наглядное представление как о репрезентативности выявленных материалов, содержащих сведения о государственных

служащих за 1859—1860 гг., так и о численном составе самих губернских и уездных канцелярий.

При общем взгляде на показатели таблицы перед нами вырисовывается весьма пестрая картина. Прежде всего цифры показывают, что наибольшее число учреждений — 20 доставили сведения о служащих своих канцелярий в феврале-марте 1859 г. (графа 2 табл.) непосредственно исполняя распоряжение губернатора. Данные для публикации в адрес-календаре представили: за вторую половину 1859 г. — 12 губернских и уездных присутствий (графа 4); за апрель-май 1860 г. — 10 уездных канцелярий (графа 6); за октябрь-ноябрь того же года 14 губернских и уездных учреждений (графа 8). Из таблицы видно, что регулярно сведения о числе служащих своих канцелярий доставляли только уездные присутствия: суды, городнические правления, городские думы, городовые магистраты, дворянские опеки, канцелярии предводителей дворянства и уездных стряпчих. За два предреформенных года трижды поступали сведения из палаты госимуществ и городской (калужской) полиции, дважды — из врачебной управы, губернского правления и приказа общественного призрения. Всего один раз были сообщены сведения о служащих гражданской и уголовной палат, комиссии народного продовольствия, дворянского депутатского собрания, лицах, состоявших при попечителях запасных хлебных магазинов. Некоторые учреждения, например, канцелярия начальника губернии, губернская строительная и дорожная комиссия, камера губернского прокурора за два года ни разу не представили никаких сведений.

Таблица¹
 Численность служащих присутственных мест Калужской губернии в 1859—1860 гг.

Учреждения, должностные лица	Годы, месяцы							
	1859 ² (февр.-март)	1859 (март-апр.)	1859 ² (вторая половина)	1860 (февр.)	1860 (апр.-май)	1860 (окт.)	1860 ²⁵ (окт.-нояб.)	
1	2	3	4	5	6	7	8	
Губернское правление	—	49(73)	—	—	—	40	—	
Приказ общественного призрения	14(5)	—	—	—	—	—	26	
Палаты:								
казенная	61(63)	—	—	—	—	—	—	
госимуществ	67(64)	—	14	—	—	—	14(3)	
гражданского суда	32(15)	—	—	—	—	—	—	
уголовного суда	13(25)	—	—	—	—	—	—	
Врачебная управа	—	—	—	—	—	—	33 ²⁶	
Городская полиция	9(9)	—	41(27) ¹³	—	—	—	18(7)	
Дворянское депутатское собрание	8(17) ³	—	18(7)	—	—	—	—	
Комиссии:								
квартирные	1(2) ⁴	—	—	—	—	—	4 ²⁷	
народного продовольствия	3(2)	—	—	—	3 ¹⁵	—	—	

1	2	3	4	5	6	7	8
Суды:							
уездные	61(98) ⁵	—	68(7)	78(95) ¹⁴	57(4) ¹⁶	—	78(9)
земские	57(45)	—	86(8)	—	68(10) ¹⁷	—	89(6)
сиротские	2(2) ⁶	—	10	—	2 ¹⁸	—	16 ²⁸
Городнические правления	37(26) ⁷	—	30	—	31 ¹⁹	—	30 ²⁹
Городские думы	24(16) ⁸	—	34	—	8 ²⁰	—	34
Городовые магистраты	37(38)	—	36	—	21(3) ²¹	—	45(3)
Дворянские опеки	3(10)	—	23	—	16 ²²	—	20
Уездные казначейства	43(38)	—	—	—	—	—	—
Уездные стражниче	1 ⁹	—	21	—	18 ²³	—	20 ³⁰
Уездные предводители дворянства	14(20) ¹⁰	—	37	—	18 ²⁴	—	36(2) ³¹
Попечители запасных хлебных магазинов	3 ¹¹	—	—	—	—	—	—
Итого:	490(495)	49(73)	418(49)	78(95)	242(17)	40	463(34)

- ¹ Составлена по: ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5171, 5172, 5174, 5175, 5738, 5739, 5748. Первая цифра в графах таблицы (без скобок) обозначает число лиц, занимавших как классные (табельные) должности в административном аппарате управления, так и служивших по выборам (заседатели судов, гласные дум, ратманы, гласные, бургомистры городских магистратов и т. д.). Вторая цифра (в скобках) обозначает число служащих (имевших и не имевших классные чины), исполнявших обязанности канцелярских служащих.
- ² В графе не учтены сведения о чиновниках городских ратуш заштатных городов Калужской губернии (Воротынский, Сухиничской и Серпейской). Всего 9 человек.
- ³ Приведены сведения только о чиновниках и канцелярских служащих — без депутатов.
- ⁴ Учтены лишь служащие Калужской квартирной комиссии.
- ⁵ Учтены служащие 10 из 11 (кроме Тарусского) уездных судов.
- ⁶ Имеются данные только о служащих Калужского сиротского суда.
- ⁷ Включены сведения о служащих 10 городнических правлений (кроме Козельского).
- ⁸ Нет данных о служащих Козельской городской думы.
- ⁹ Учтен лишь письмоводитель канцелярии мосальского уездного стряпчего.
- ¹⁰ Отсутствуют сведения о чиновниках канцелярии Козельского уездного предводителя дворянства.
- ¹¹ Имеются лишь данные о трех чиновниках канцелярии попечителей запасных хлебных магазинов Жиздринского уезда.
- ¹² В графе не учтены имеющиеся сведения о числе чиновников оспенного комитета и тюремного отделения Боровского уезда (10 человек), Серпейской и Воротынской го-

родовых ратуш (11 человек), а также Сухиничского городского стряпчего.

- 13 Учтены служащие, числившиеся в Калужской врачебной управе, приказе общественного призрения, уездах и уездных городах губернии.
- 14 Приведены данные по всем 11 уездным судам губернии.
- 15 Учтены сведения о служащих Тарусской квартирной комиссии.
- 16 Нет данных о чиновниках Калужского и Тарусского уездных судов.
- 17 Отсутствуют сведения о чиновниках Перемышльского и Калужского земских судов.
- 18 Приведены данные только о служащих Тарусского сиротского суда.
- 19 Нет сведений о лицах, служивших в Калужском и Мосальском городнических правлениях.
- 20 Представлены сведения о чиновниках пяти городских дум (Боровской, Лихвинской, Малоярославецкой, Мосальской и Медынской).
- 21 Нет сведений о служащих Козельского, Перемышльского и Тарусского городских магистратов.
- 22 Данные о служащих Боровской, Калужской и Лихвинской дворянских опеке отсутствуют.
- 23 Нет сведений о чиновниках канцелярии медынского уездного стряпчего.
- 24 Отсутствуют данные о чиновниках канцелярий боровского, лихвинского, калужского, медынского и перемышльского уездных предводителей дворянства.
- 25 Не учитывались сведения о чиновниках, состоявших на службе в заштатных городах губернии (Воротынской, Серпейской и Сухиничской городских ратушах — 17 человек, канцелярии сухиничского стряпчего — 1 человек); дорожной комиссии, тюремного отделения и оспенного комитета Боровского уезда — 16 человек.

- 26 Учтены врачи, служившие в уездах и уездных городах, а также в имениях помещиков (3 человека).
- 27 Имеются данные только по Мещовскому и Мосальскому уездам.
- 28 Учтены служащие 6 сиротских судов (Калужского, Лихвинского, Мещовского, Мосальского, Перемышльского и Тарусского). В рапортах, поступивших в губернское правление из Боровского, Малоярославецкого и Медынского уездов сообщается, что чиновников для внесения в адрес-календарь на службе в этих судах не значится (ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5738. Л. 22, 94, 201–201 об.). В донесениях из Жиздринского уезда указывается, что делами сиротского суда «занимаются чиновники Жиздринского городского магистрата» (там же. Л. 263); в рапорте, представленном из Козельского уезда отмечается, что в сиротском суде служат лица, одновременно занимающие посты в Козельской городской думе и городском магистрате (там же. Л. 295).
- 29 Нет сведений о служащих Калужского городнического правления.
- 30 По 9 уездам (из 11) представлены сведения об уездном стряпчем и письмоводителе его канцелярии. По двум уездам (Калужскому и Козельскому) только о стряпчих.
- 31 Нет сведений о служащих канцелярий лихвинского и медынского уездных предводителей дворянства.

Проанализируем приведенные в таблице данные о численности служащих калужской администрации.

Цифры показывают, что относительно полные сведения мы имеем лишь за февраль-март 1859 г. (графа 2). В этот промежуток времени, согласно представленным данным, на гражданской службе находилось 490 чиновников, занимавших табельные должности и 495 канцелярских служателей

в классных рангах и без них. Во второй половине 1859 г. на службе состояло соответственно 418 чиновников и 49 канцеляристов (графа 4); в апреле-мае 1860 г. — 242 и 17 (графа 6); в октябре-ноябре того же года — 463 и 34 (графа 8). Иначе говоря, сведения, представленные канцеляриями для опубликования в российском адрес-календаре отражали — соответственно в 2,1; 3,8 и 1,9 раза меньше чиновников и канцеляристов, чем материалы доставленные согласно циркуляру начальника губернии от 7 февраля 1859 г. (графа 2).

Из данных табл. очевидно, что для установления численности калужского чиновничества в 1859–1860 гг. за основу должны быть приняты сведения, включенные во вторую графу табл. как наиболее полно в сравнении с показателями других граф (4–6, 8), отражающие исторические реалии. В то же время, по отдельным учреждениям (приказ общественного призрения, городская полиция, уездные и сиротские суды, канцелярии уездных стряпчих и предводителей дворянства) в графе 2 табл. содержатся менее полные данные, чем в графах 4–6, 8, а по двум учреждениям (губернское правление и врачебная управа) сведения отсутствуют вовсе. Таким образом, при реконструкции наличного состава калужской бюрократии в расчет должны быть приняты цифровые показатели 5-ти граф табл.: 2-ой (палаты: казенная, госимуществ, гражданского, уголовного судов, дворянское депутатское собрание, комиссия народного продовольствия, земские суды, городнические правления, городские думы, городовые магистраты, уездные казначейства и канцелярия попечителей запасных хлебных магазинов — всего 12 учреждений, в которых значилось 385 чиновников и 349 канцелярских служащих); 3-ей (губернское правление — соответственно 49 чиновников и 73 канцеляриста); 4-ой (врачебная управа, полиция, дворянские опеки и уездные стряпчие — 103 и 34); 5-ой (уездные суды — 78 и 95)

и 8-ой (приказ общественного призрения, квартирная комиссия, сиротские суды, канцелярии уездных предводителей дворянства — 82 и 3). В сумме указанные цифры дают 1251 чел. (697 чиновников и 554 канцелярских служащих).

Поскольку нас интересует в первую очередь общая численность калужского чиновничества, то при итоговых подсчетах следует учесть имеющиеся в ряде документов, но не включенные в табл. данные о количестве чиновников, числившихся на службе в городских ратушах заштатных городов Калужской губернии и в отдельных уездных комитетах. Более всего их зарегистрировано в октябре-ноябре 1860 г. — 34 чел. (см. примеч. 25 к табл.). С учетом этого показателя, общее число служащих губернии будет составлять 1285 чел., из которых 731 чел. (56,9%) составляли классные чины, либо лица, занимавшие должности по выборам, не имевшие табельных чинов; 564 чел. (43,1%) служили на канцелярских должностях.

В какой степени названная цифра отражает фактическую численность служивших в калужской администрации чиновников в предреформенное время? Попытаемся ответить на этот вопрос сопоставив имеющиеся данные с аналогичными показателями других источников.

Сведения о численном составе местной бюрократии содержат штатные расписания, адрес-календари Российской империи и издававшиеся на местах памятные книжки. Штаты местных учреждений определяют, как правило, лишь число чиновников, служивших на классных должностях, включенных в Табель о рангах (I–XIV классы). Численность мелких чиновников, а также лиц, занимавших низшие ступени бюрократической лестницы (разные группы канцеляристов) в большинстве штатных расписаний не значится. Законодатель устанавливал только общую сумму расходов на содержание этой категории работников³⁸. Важно отметить и другое. Штаты местных канцелярий никак не фик-

сировали число лиц, состоявших сверх штата, которых было немало едва ли не в каждой канцелярии³⁹. Как видим, штатные расписания не отражают реальной численности служащих местного звена управленческого аппарата, а дают лишь приближенное представление о числе провинциальных чиновников высшего и среднего рангов.

По именованным перечням адрес-календаря Российской империи в калужской администрации в ноябре-декабре 1859 г. состояло 364 чел. (117 в губернских учреждениях, 247 — в уездных⁴⁰), а по данным памятной книжки, изданной ГСК в сентябре 1860 г. — 564 чел. (100 в губернских присутствиях, 464 — в уездных⁴¹). Таким образом, в адрес-календаре и памятной книге отражено — соответственно в 3,5 и 2,2 раза меньше чиновных лиц, чем установлено нами на основе анализа именованных списков служащих.

Сказанное убедительно свидетельствует о том, что приводимые в справочных изданиях сведения о чиновниках и канцелярских служителях Калужской губернии за 1859—1860 гг. не соответствуют действительности.

Следует ли из вышеизложенного, что установленная нами цифра — 1285 чел., адекватно отражает число служивших в губернии чиновников и канцеляристов? Думается, что нет, т. к. в это число не включены лица, состоявшие на службе в канцеляриях начальника губернии, губернского прокурора, строительной и дорожной комиссии, а также в некоторых уездных присутствиях (см. примеч. к табл.). С учетом этого важного обстоятельства указанная итоговая цифра, по нашим подсчетам, составляет примерно 75–80% всего числа гражданских служащих Калужской губернии. Для получения более точных сведений по рассматриваемому вопросу потребуется привлечение дополнительных источников как официального, так и иного происхождения. Перспективным в этом отношении представляется использование материалов местной периодической печати, прежде

всего «Калужских губернских ведомостей», содержащих различные массовые данные о назначении, перемещении, увольнении и т. д. чиновников разных ведомств и рангов. Мы располагаем некоторыми из таких материалов. Историковедческая оценка их потенциальных возможностей — предмет специального рассмотрения.

¹ В исторической литературе имеются отрывочные, подчас противоречивые сведения о численности служащих государственных учреждений России и при том лишь за некоторые годы XIX в. Так, по расчетам Е. Карновича, численность штатных служащих гражданского ведомства в 40-х годах XIX в. доходила приблизительно до 35 тыс. чел. (*Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 124). Н. Рубакин, используя данные переписи населения 1897 г. определял число чиновников в 435818 человек, включая в это число женщин, кондукторов, дорожных мастеров, конторщиков и др. категории населения, которые к чиновникам не относились (*Рубакин Н.* Много ли в России чиновников. Из «этюдов о чистой публике» // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 116). В книге В. Р. Лейкиной-Свирской «Интеллигенция в России во второй половине XIX века» (М., 1971. С. 72) на тот же год называется цифра в 42 тыс. человек только «чинов» административного и судебного ведомств, из которых на уездных чиновников приходилось около 10%; численность канцелярских служащих приближалась к 46 тыс. чел.

По подсчетам П. А. Зайончковского, произведенным по отчетам Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства, число классных чинов в России в 1847 г. составляло 61548 чел., из них 32395 — числились на службе в Министерстве внутренних дел и юстиции (*Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67). В 1857 г. численность государственных служащих без учета отставных военных чинов, которых насчитывалось 4073 чел. возросла до 86066 чел., из которых 32073 чел. 35,55% являлись канцелярскими служащими (Там же. С. 68). По данным Н. П. Ерошкина, в начале XIX в., 1804 г., в Российской империи числилось примерно 13260 табельных чиновников, 5580 в высшем и центральном аппарате и 7680 — в местном (*Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 63).

- ² Историк Н. П. Ерошкин факт отсутствия точных данных о числе чиновников в XIX в. объясняет существовавшей в России ведомственной разобщенностью и строгой секретностью в отношении сведений о бюджете страны. По этой причине, полагает он, «о количестве чиновников в России можно судить лишь по приблизительным официально опубликованным данным» (*Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 62–63*).
- ³ См., например: *Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России. (По материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994; Морякова О. В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 11–23; Питтнер У. The Nineteenth Century Provincial Civil Service. The Case of Kostroma // Сословия и государственная власть в России XV — середина XIX в. Международная конференция. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. 2. С. 301–314.*
- ⁴ Библиографическое описание ведомственных изданий см.: *Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель (Под ред. П. А. Зайончковского). Изд. 2-е. М., 1978.*
- ⁵ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5171 («О доставлении статистическому комитету сведений о числе чиновников и писцов губернского правления»); Д. 5172 («О канцелярских чиновниках и писцах уездных судов Калужской губернии»); Д. 5174 («О числе канцелярских чиновников и служителей всех мест Калужской губернии»); Д. 5175 («Списки чиновников для внесения в адрес-календарь за вторую половину 1859 года»); Д. 5738 («Рапорта учреждений Калужской губернии с приложением списков чиновников, служащих в этих учреждениях для внесения в адрес-календарь 1860 года»); Д. 5739 («Списки чиновников, служащих в уездных учреждениях Калужской губернии для внесения их в адрес-календарь 1860 года»); Д. 5748 («О доставлении в статистический комитет списка о чиновниках правления»).
- ⁶ Там же. Д. 5171, 5172, 5174.
- ⁷ Там же. Д. 5748.
- ⁸ Там же. Д. 5738, 5739, 5175.
- ⁹ Там же. Д. 5175. Л. 24–24 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 15.
- ¹¹ Там же. Л. 185.

- 12 Там же. Д. 5738. Л. 291.
- 13 Там же. Д. 5739. Л. 10.
- 14 Там же. Л. 8.
- 15 Там же. Л. 106.
- 16 Там же. Д. 5738. Л. 234-237.
- 17 Там же. Л. 14.
- 18 Там же. Д. 5175. Л. 41-42.
- 19 Там же. Д. 5738. Л. 291.
- 20 Там же. Д. 5171.
- 21 Там же. Д. 5171, 5172, 5174, 5748.
- 22 Там же. Д. 5174. Л. 1-1 об.
- 23 Там же. Д. 5172. Л. 10.
- 24 Там же. Д. 5174. Л. 2.
- 25 Там же. Д. 5172. Л. 10.
- 26 Там же. Л. 12 об.
- 27 Там же. Д. 5171. Л. 1.
- 28 Там же. Д. 5748. Л. 1-1 об.
- 29 Отметим, что загруженность учреждений (особенно уездных) канцелярской работой была далеко не одинакова. Так, в рассматриваемый период в Мосальском уездном суде на одного писца в среднем в год приходилось 44 дела, Тарусском — 40, Боровском — 38, в то время как в Лихвинском всего 19, Калужском — 11, Мещовском — 8 (Калужские губернские ведомости. 1861. № 6).
- 30 Следует заметить, что в объявлении манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.» в Калужской губернии участвовало 167 лично отобранных и специально проинструктированных Арцимовичем чиновников разных ведомств и рангов, что во многом позволило губернской администрации, несмотря на сильное сопротивление крепостников и недовольство крестьян условиями освобождения, осуществить реформу сравнительно мирным путем.
- 31 Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3. Ст. 1490, 1491.
- 32 ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5738, 5739, 5175.
- 33 Там же. Д. 5739.
- 34 Там же. Л. 29.
- 35 Там же. Л. 4.
- 36 Там же. Л. 32.
- 37 Там же. Л. 93.

- 38 См. об этом: *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 21–22.
- 39 См.: Там же. С. 30. По сообщениям местной прессы в изучаемый период только в Калужском губернском правлении состояло сверх штата 26 канцелярских чиновников. (Калужские губернские ведомости. 1861. № 6).
- 40 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве (на 1859–1860 гг.). СПб., б.г. Ч. 2. Власти и места управлений губернского, областного, окружного, городского уездного и ведомства их. С. 113–123. (Здесь и далее все подсчеты мои — *В. И.*).
- 41 Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год. Калуга, 1861. С. 3–4, 10–12, 21–70. При итоговом расчете во внимание не принимались данные о лицах, служивших по духовному и почтовому ведомствам, а также Министерству народного просвещения.

**ИСТОЧНИКИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РГИА)**

Для понимания стоящих сейчас перед отечественной культурой задач, одной из которых является сохранение богатейшего историко-культурного наследия, необходимо знание исторического опыта охраны памятников в дореволюционной России, накопленного за период с момента осознанной постановки вопроса о государственной охране памятников в начале XVIII в. и до 1917 г.

Несмотря на то, что многие исследователи обращались в своих трудах к проблемам охраны памятников в России, все же источниковая база проблемы остается недостаточно изученной. Краткий обзор некоторых документальных комплексов Российского государственного исторического архива (РГИА), хранящего основную массу документов, затрагивающих вопросы охраны культурного наследия, позволит наметить круг источников, позволяющих при их исследовании более всесторонне и полно осветить некоторые вопросы постановки дела охраны памятников в дореволюционной России в пореформенную эпоху.

К началу этого периода уже, в основном, сформировалась система государственной охраны памятников. «Учреждением министерств» (1802 г.) вопросы охраны памятников были поручены Министерству внутренних дел, где они распределялись между Департаментом общих дел, Центральным статистическим комитетом и Техничко-строительным комитетом. Охрана памятников, находящихся в собственности церкви, закреплялась за Синодальным ведомством, а в ведении Министерства народного просвеще-

ния находились ряд музеев и близких к делу охраны памятников научных организаций. Кроме того, «наблюдение за сохранением остатков древних замков, крепостей и других зданий древности» на местах вменялось в обязанность Губернским строительным и дорожным комиссиям, находящимся в ведении Главного Управления путей сообщения и публичных зданий»¹. Большинство других правительственных учреждений проявляло к вопросу сохранения недвижимых памятников чисто утилитарный интерес, и если занималось сбором сведений о них, то, главным образом, в целях градостроения, в силу чего в их фондах сохранились документы о строительстве зданий, принадлежащих их ведомству. Эти документы представляют интерес с точки зрения истории этих памятников, но не являются предметом настоящего обзора.

Помимо правительственных учреждений, изучением и сбором сведений о памятниках занимались научные учреждения и общества. Два из таких обществ имеют собственные фонды в РГИА — Русское историческое общество, существовавшее в 1866–1920 гг. (Ф. 746) и Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, действовавшее в 1895–1918 гг. (Ф. 747).

В фонде 746 в описи № 1 учтены отдельные дела об охране памятников старины за 1866–1918 гг., в частности в Санкт-Петербурге (Д. 69), Новгороде (Д. 89), Саратове (Д. 101). В описи № 1 фонда 747 находятся дела о реставрации и состоянии Михайловского дворца в Санкт-Петербурге (Д. 142), Кремлевских соборов в Москве (Д. 159, 189), дело о вскрытии гробницы Д. М. Пожарского в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре (Д. 204), другие материалы об охране памятников, в том числе о разработке «Положения об охране древностей», представленного на рассмотрение Государственной Думы в 1911 г. (Д. 148).

Важным шагом в деле научной организации охраны памятников в России явилось создание в 1859 г. Императорской Археологической комиссии, которая, в то же время, являлась структурным подразделением государственного учреждения — Министерства императорского двора, что давало возможность получать дополнительные средства из казны, впрочем, весьма ограниченные. Дела об отпуске средств на реставрацию и организацию экспедиций Археологической комиссии для изучения состояния древних памятников находятся в фонде Кабинета Его императорского величества (Ф. 468. Оп. 13, 14). В этом фонде находятся и другие документы по деятельности Археологической комиссии, в частности, по вопросу о включении содействия Археологической комиссии в вопросах реставрации памятников древнего зодчества в число обязанностей Строительно-технического комитета при Кабинете е. и. в. (Оп. 13. Д. 2155). Документы Археологической комиссии сохранились и в других фондах Министерства императорского двора — канцелярии Министерства (Ф. 472), придворной е. и. в. конторы (Ф. 480), Академии художеств (Ф. 789).

Преимущественный характер документов Комиссии в фонде Академии художеств — переписка с Академией по вопросам реставрации памятников, документы о совместном рассмотрении ходатайств по этому вопросу, о передаче собранных Академией материалов в Археологическую комиссию (Оп. 11. 1890 г. Д. 179, 191; Оп. 13. 1906 г. Д. 76; 1911 г. Д. 46). Кроме того, фонд Академии содержит ряд общих дел по охране памятников (Оп. 12. 1873 г. Д. 130; 1887 г. Д. 66; 1899 г. Д. 3–23; 1902 г. Д. 3–26; 1911 г. Д. 85. Оп. 13; 1904 г. Д. 197; 1915 г. Д. 65, 71).

В фонде Канцелярии Министерства императорского двора можно отметить документы о пресечении в 1906 г. попытки вывоза за рубеж пяти бронзовых подсвечников, пожертвованных Тамерланом в мечеть Ахмеда Хави, откуда

они были похищены, и ходатайстве Археологической комиссии о приобретении их для Эрмитажа (Оп. 43 [494/2719]. Д. 47. Л. 90–92). Запретить вывоз древностей за границу намеревался еще Александр III в 1888 г., что видно из письма графа И. И. Толстого своему брату Д. И. Толстому².

Археологическая комиссия работала в контакте с многими другими ведомствами, и в частности, с церковным, что нашло отражение в Синодальных фондах (Ф. 796. Оп. 170. Д. 2580; Ф. 797. Оп. 86. 1916 г. 1 отд. 1 ст. Д. 98; Ф. 799. Оп. 17. Д. 28, 31, 83; Оп. 26. Д. 1, 1660, 1749).

Помимо этого, Синодальные фонды хранят документацию обо всех церковных памятниках, сборе сведений о них и организации их охраны и реставрации.

В значительной степени эти документы сконцентрированы в фонде канцелярии обер-прокурора Синода (Ф. 797). В нем можно найти сведения об учреждении Комитета по описанию церковных и монастырских древностей (Оп. 23. 2 отд. 2 ст. Д. 14), о развитии законодательства об охране церковной старины (Оп. 80. 1 отд. 1 ст. Д. 55), о памятниках войны 1812 г., сохранившихся в епархиях (Оп. 80. 1 отд. 1 ст. Д. 112), другие дела об охране церковных памятников (Оп. 29. 1 отд. 2 ст. Д. 205, 207; Оп. 42. 1 отд. 1 ст. Д. 116; Оп. 47. 2 отд. 3 ст. Д. 173; Оп. 52. 1 отд. 1 ст. Д. 39; Оп. 55. 1 отд. 1 ст. Д. 42; Оп. 60. 1 отд. 1 ст. Д. 65; Оп. 61. 1 отд. 1 ст. Д. 40; Оп. 64. 1 отд. 1 ст. Д. 96; Оп. 65. 1 отд. 1 ст. Д. 35; Оп. 69. 1 отд. 1 ст. Д. 67; Оп. 71. 1 отд. 1 ст. Д. 145; Оп. 78. 1 отд. 1 ст. Д. 74; Оп. 86. 1 отд. 1 ст. Д. 36, 112; 4 отд. 5 ст. Д. 36). К сожалению, описи этого фонда не дают более подробных сведений о составе документов в указанных делах, поэтому в целом их можно охарактеризовать как дела, содержащие разного рода документы, относящиеся к зданиям и сооружениям, находящимся в ведении церкви (распоряжения и пере-

писка Синода по вопросам охраны церковных древностей, различная реставрационная документация, сведения об отпуске средств на содержание и охрану церковных памятников, о сборе пожертвований и разрешении на строительство новых храмов и т. д.). Аналогичные документы можно найти и в других Синодальных фондах (Ф. 796. Оп. 167. Д. 2610; Оп. 153. Д. 1695; Оп. 187. 2 отд. 2 ст. 1906 г. Д. 2486 — содержит также доклад профессора Покровского «О мерах к сохранению памятников церковной старины»; Оп. 202. 2 отд. 2 ст. Д. 414; Оп. 207. 2 отд. 2 ст. Д. 350; Ф. 799. Оп. 25. 1902 г. Д. 15; Оп. 26. 1915 г. Д. 1666; Ф. 814. Оп. 1. Д. 55, 77).

Подобные документы встречаются и в фондах других ведомств, имевших отношение к охране памятников древности. Таковы, например, фонды Министерства народного просвещения (Ф. 733. Оп. 142. Д. 509, 804, 1016; Оп. 143. 1898 г. Д. 77; Оп. 145. Д. 283); Министерства императорского двора (Ф. 468. Оп. 42. Д. 1839; Ф. 469. Оп. 8. Д. 626, 1062, 1146, 1937, 2011 — дела этой описи касаются преимущественно археологических находок с приложением реестров, переданных на хранение в Эрмитаж; Ф. 472. Оп. 15. Д. 56; Оп. 27 (409/1929). Д. 39; Оп. 43 (501/2733). Д. 33; Оп. 43 (511/2840). Д. 89; Оп. 49. Д. 1157; Оп. 60. Д. 2345; Ф. 502. Оп. 1 и 2 — дела о строительстве и реставрации Исаакиевского собора, Александровской колонны, памятника Николаю I; Ф. 515. Оп. 15. Д. 2114; Оп. 45. Д. 666; Оп. 81. Д. 271); Государственной Думы (Ф. 1278. Оп. 5. Д. 628, 708; Оп. 6. Д. 94, 1517); Совета Министров (Ф. 1276. Оп. 7. Д. 38; Оп. 9. Д. 687).

Фонды личного происхождения также содержат документы данной проблематики. Среди них можно отметить фонды Д. М. Струкова (Ф. 695. Оп. 1. Д. 21); графов Толстых (Ф. 696. Оп. 1. Д. 90, 591); графов Шереметевых

(Ф. 1088. Оп. 2. Д. 446 — содержит доклад П. С. Шереметева «Об охране памятников старины»), О. Морозова (Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258), И. А. Гурлянда (Ф. 1629. Оп. 1. Д. 34 — черновик записки Гурлянда по составлению проекта Положения об охране памятников древности), К. С. Сербиновича (Ф. 1661. Оп. 1. Д. 367, 368). Заслуживают внимания также документы о деятельности великого князя Николая Михайловича, известного историка, причастного к охране древностей (Ф. 530. Оп. 1. Д. 63; Ф. 549. Оп. 1. Д. 110).

Основным же ведомством, занимавшимся охраной памятников древности, на протяжении всего периода оставалось Министерство внутренних дел, в силу чего в его фондах отложилось наибольшее количество документов по данному вопросу. Наиболее содержательным является фонд Департамента общих дел МВД (Ф. 1284), который содержит дела о разрешении и отпуске средств на реставрацию и охрану древних памятников, а также о выдаче разрешений на снос безнадежно обветшавших зданий и строений (Оп. 27–39. 1 отд. 3 ст. Оп. 54–60. 1 отд. 3 ст. Оп. 186–188. 5 отд. 3 ст.), о разрешении и отпуске средств на строительство и ремонт православных соборов, церквей и монастырей, их охране и реставрации (Оп. 225–229), в том числе храма Христа Спасителя и Исаакиевского собора (Оп. 227. 1879 г. Д. 933; Оп. 229. 1876 г. Д. 24; 1886 г. Д. 1; 1887 г. Д. 5; 1894 г. Д. 32; 1896 г. Д. 39; Оп. 237).

Особое место в документах фондов МВД занимают документы о сборе сведений о памятниках древности Российской империи и о разработке законодательства об охране памятников в России.

Активные попытки учета памятников начались еще в 1826 г., когда был издан циркуляр МВД о необходимости собрать сведения по всем губерниям о наличии и состоянии древних замков, крепостей и других древних зданий³. За-

тем эта работа была продолжена в 1863 г. по циркуляру МВД № 63 «О доставлении сведений о памятниках древностей Российских, к отечественной истории и жизни народов относящейся» и еще рядом аналогичных циркуляров в 1865 и 1869 гг. Но эти циркуляры не дали осязаемых результатов, что обусловило новую попытку получения сведений о наличии и состоянии памятников в различных областях страны. Циркуляр № 10 от 6 сентября 1901 г. констатировал, что в министерстве отсутствуют необходимые сведения о памятниках, «причем имеются указания, что некоторые древности по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются».

Документ предписывал губернаторам доставить в министерство точные списки памятников «с приложением подробных их описаний и указаний о том, когда и кем памятники сооружены, на чей счет, в чьем ведении находятся, на какие средства поддерживаются, отпускаются ли на содержание их в исправности средства из казны и в каком количестве, находятся ли они в надлежащем виде, и, если нет, то приблизительно, какая сумма требуется на их исправление и с приложением по мере возможности рисунков, планов или фотографических снимков с сих памятников».

Для составления списков рекомендовалось пользоваться «не только сведениями, доставленными местными полицейскими властями, но и теми, которые могли бы быть получены от других учреждений». Для выполнения работы назначался годичный срок. В ответ на изданный циркуляр в министерство поступили сведения более, чем из 80 губерний и областей. В соответствии с этими данными в губерниях значилось 4108 памятников, из них 1652 исторических памятника и 2456 «древних памятников, зданий и сооружений»⁴.

Документы, содержащие эти сведения, были сформированы в дела по территориальному признаку и находятся в

описях 186 и 188 фонда 1284 (Оп. 186. 1902 г. 5 отд. 2 стол [по археологии]. Д. 6; 1903 г. Д. 2, 8–10, 17, 22, 23; Оп. 188. 1902 г. Д. 15, 41, 63, 74–76, 93–95, 97–111, 116, 118–127, 132–136, 138–140, 157, 158, 167, 194, 197, 198, 201–203, 235, 236, 255, 257, 269, 277, 302, 303, 313, 315, 316, 330–332, 335–337, 352, 353, 356–358, 363, 368, 373, 374, 376, 379, 382, 383, 390, 395, 396, 397).

Как правило, во всех документах содержатся сведения по истории создания каждого памятника, всех его реставрациях, ведомственной принадлежности, современном состоянии.

Работа с описями данного фонда осложняется тем, что дела в них сформированы по отделениям и столам, либо по хронологии, при этом в каждом году и в каждом структурном подразделении Департамента нумерация дел дана не в валовом порядке, а раздельно. Многие дела выбыли из фонда, что также осложняет работу с описью. Кроме того, заголовки дела часто не раскрывает состав включенных в него документов. Так, к примеру, дело, содержащее доклад Министра внутренних дел «О представлении в Государственную Думу проекта «Положения об охране памятников древности» в 1911 г. (Оп. 241. Д. 128), имеет заголовок, в котором отсутствует указание на наличие в нем документов по охране памятников.

Вопросы разработки законодательства об охране памятников отражены как в документах фондов МВД, так и фондов других ведомств.

Так, в 1876 г. Министерство народного просвещения создало особую комиссию «для обсуждения предложений о мерах к сохранению памятников древностей»⁵. В ходе работы этой комиссии был составлен «Проект правил о сохранении исторических памятников». Документы о создании и работе комиссии находятся в фондах Министерства народного просвещения (Ф. 733. Оп. 142. Д. 509), МВД (Ф. 1284. Оп. 50. 1 отд. 2 ст., 1876 г. Д. 98), Академии ху-

дожеств (Ф. 789. Оп. 8. 1873 г. Д. 130 — содержит также текст Проекта [Л. 47–74]).

Новая комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране памятников была создана в конце 1904 г. Она выработала «Основные положения» по охране памятников, которые оказались во многом сходными с предшествующими проектами. В отличие от них, «Основные положения» специально упоминали в числе охраняемых памятников «монументы в честь лиц и исторических событий... и вообще все памятники, замечательные по своей древности, художественному достоинству и археологическому или историческому значению», причем охране должны были подлежать «памятники движимые и недвижимые». К числу охраняемых проект относил памятники 150-летней давности⁶.

Комиссия 1904 г. обсуждала широкий круг вопросов, однако не смогла вынести по многим из них решения. К числу наиболее острых из нерешенных вопросов относились те, которые касались распространения правил охраны на недвижимое имущество, находящееся в частной собственности; характера создаваемых для организации охраны органов, их составе и функциях; установлении особых правил, регламентирующих вывоз памятников за границу.

Заседания комиссии по пересмотру действующих постановлений по охране памятников были приостановлены в связи с русско-японской войной и возобновлены только в 1908 г.

К концу 1909 г. были выработаны основные положения нового законодательства по охране памятников и было создано «особое совещание», которому поручалось обсудить финансовую сторону дела.

В итоге в 1910 г. было окончательно разработано «Положение об охране древностей», внесенное в 1911 г. на рассмотрение Государственной Думы.

Достаточно полно эти документы представлены в уже упоминавшемся фонде Общества ревнителей русского исторического просвещения (Ф. 747. Оп. 1. Д. 148). Указанное дело содержит представление Министра внутренних дел в Государственную Думу (Л. 2–40), текст проекта «Положения об охране древностей» (Л. 41–51), доклад председателя Думской комиссии для рассмотрения законопроекта «Об охране древностей» Е. П. Ковалевского (Л. 52–86), а также заключение бюджетной комиссии Думы, замечания и дополнения к проекту (Л. 86–88), справки об охране памятников, представленные МВД к проекту (Л. 89–100).

С той или иной степенью полноты документы о рассмотрении этого законопроекта содержатся и в ряде других фондов (Ф. 23. Оп. 1. Д. 74; Ф. 789. Оп. 13. 1904 г. Д. 197; Ф. 814. Оп. 1. Д. 78; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3566 — Журналы заседаний Комиссии для рассмотрения законодательства «Об охране древностей»; Д. 3567 — переписка Председателя комиссии с министрами по данному законопроекту; Оп. 5. Д. 628; Оп. 6. Д. 94; Ф. 1284. Оп. 194. 1911 г. Д. 11; Оп. 186. 5 отд. 2 ст. Д. 11. Ч. 111. Л. 56–69; Ф. 1652. Оп. 1. Д. 221).

Этот законопроект был снят с повестки дня Государственной Думы и в 1916 г. взят на доработку. Было создано особое совещание для его пересмотра, что получило отражение в докладе Министра внутренних дел (Ф. 1284. Оп. 241. Д. 133), но в итоге к моменту Февральской революции 1917 г. эта работа осталась незавершенной.

Фонды РГИА содержат документы по охране памятников и за 1917–1918 гг., в частности, акт осмотра Московского Кремля с целью определения повреждения памятников искусства в ноябре 1917 г. (Ф. 789. Оп. 13. Д. 197. Л. 227–230), но это уже является темой отдельного рассмотрения.

Публикуемый обзор основных фондов РГИА по охране

памятников не претендует на полный охват хранящихся документов по этой проблеме, но может дать представление об их основных видах, указать направление поиска необходимых материалов исследователям-краеведам, историкам архитектуры, специалистам в области охраны многообразного культурного наследия России.

¹ РГИА. Ф. 207. Оп. 17. Д. 172. Л. 25–25 об.

² Там же. Ф. 696. Оп. 1. Д. 591. Л. 21.

³ Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 94. Л. 12; Полн. собр. законов. Изд. 2-е. Т. 1. № 794; Охрана памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века. Сборник документов. М., 1978. С. 39.

⁴ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России в 1861–1917 гг. // История музейного дела в СССР. М., 1957. Вып. 1. С. 99.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 509. Л. 50; Охрана памятников истории... Сборник документов. С. 98.

⁶ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников. М., 1911. С. 45; Охрана памятников истории... С. 163.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
РУССКОГО ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА
В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Сегодня резко возрос интерес научной общественности к истории и судьбам памятников истории и культуры. Особое внимание реставраторов, архитекторов, музейных специалистов привлекают средневековые памятники русского оборонного зодчества. Это вызвано повсеместной ликвидацией музеев, находящихся в монастырских и приходских храмах, и передачи последних в ведение Русской Православной церкви. В связи с этим ряд музейных экспозиций может перемещаться на стены и в башни монастырей и сохранившихся городских кремлей. Памятники оборонного зодчества и ранее и сегодня активно осваиваются в экскурсионном и краеведческом аспектах

Данная работа представляет собой обзор исторических и историографических источников по изучению указанного вида монументальных памятников силами научных обществ историко-краеведческого характера. Значительная часть исследований этих обществ и работ отдельных историков были опубликованы в дореволюционной периодике. В то же время в первые десятилетия после 1917 г. публикаторская работа почти прекратилась и поэтому здесь дается краткий обзор архивных материалов за указанный период. О работе столичных обществ и учреждений дореволюционного периода написано довольно много и здесь предпочтительнее осветить деятельность этих обществ и государственных учреждений в провинции.

Интерес общественности к судьбам памятников оборонного зодчества особенно обострился в 1840–1870-х гг. в

связи с попытками сноса или проблемой сохранения стен и башен Коломны, Иван-города, Китай-города в Москве и др. Эти документы опубликованы, в т. ч. и в советское время в известном сборнике по охране памятников¹. Именно в середине XIX в. и началась деятельность столичных археологических и архитектурных обществ и комиссий, результатом работы которых явились периодические издания трудов и хранящиеся в архивах крупные массивы источников. К опубликованным источникам относятся труды Московского императорского археологического общества (МАО), издававшиеся с 1865 по 1916 г.², издания «Исторических записок Московского архитектурного общества», вышедшие в свет в 90-е гг. XIX в.³ Это же отдельные издания трудов, вышедших в Петербурге с 1859 по 1884 г. под названием «Известий Русского императорского археологического общества»⁴. Сюда же можно присовокупить и многотомное издание под названием «Известий императорской археологической комиссии»⁵.

Внимание исследователей, публиковавших свои материалы в трудах МАО, было обращено на крупнейшие памятники оборонного зодчества Московской Руси XVI–XVII вв.: стены и башни Китай-города, Смоленский, Коломенский, Зарайский, Серпуховской, Тульский, Нижегородский, Казанский кремли и др. ансамбли. Архивный фонд МАО хранится в ЦИАМ (ф. 454). Подобно московскому, сохранился и архив Императорского археологического общества (архив Санкт-Петербургского отделения Института археологии. Ф. 1).

Большой массив документов, связанный с деятельностью государственных учреждений в системе отношения к памятникам оборонного зодчества, отложился в РГАДА. Это фонды бывшего Технического строительного комитета МВД и его Хозяйственного департамента, Московского архива Министерства юстиции Российской империи, ведав-

ших охраной памятников в дореволюционную эпоху. Эти документы являются источниковой базой для выяснения законодательных основ в деле охраны памятников в конце XIX — начале XX в., отношения местных властей к остаткам оборонительных сооружений, их использованию.

Со второй половины XIX в. пристальный интерес к монументальным памятникам оборонного зодчества, а также к менее известным фрагментам деревянных и земляных укреплений средневековья, стали проявлять и возникшие в провинции различные научные учреждения историко-краеведческого характера: губернские статистические комитеты (ГСК), ученые архивные комиссии (УАК), археологические и по изучению местного края общества, музеи и т.п. Большинство этих культурных центров русской провинции издавали свои труды, и благодаря современным библиографическим указателям (составлены О. И. Шведовой, И. И. Комаровой, Л. Ф. Писарьковой и др.)⁶, мы можем иметь представление об истории и состоянии целого ряда малоизвестных памятников и объектов средневекового оборонного зодчества на этот период.

С 1880-х гг. перед отечественной творческой интеллигенцией впервые во весь рост встает проблема, связанная с осознанием наступающей утраты деревянных памятников Русского Севера и Сибири. Экономическое освоение отдаленных регионов, усилившееся с отменой крепостного права и капиталистическим развитием России, пробудило живейший интерес к естественнонаучному и гуманитарному изучению и освоению этих регионов. Перед взорами исследователей здесь возникли не только разрушающиеся от времени деревянные храмы, но также стены и башни северных и сибирских городов, монастырей, острогов XVI–XVIII вв. Храмы все же ремонтировались и поддерживались благодаря их функциональному назначению и сохранялись лучше. Деревянные же стены и башни, которым в то время насчи-

тывалось до двухсот с лишним лет, были в бедственном положении.

Возможно, этим и было вызвано издание в 1882 г. Императорской археографической комиссией «Чертежной книги Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году». Этот уникальный источник — материал, содержащий практически все картографические данные по истории оборонного зодчества и градостроительства в Сибири на конец XVII — начало XVIII в., стал достоянием широких научных кругов того времени⁷. «Чертежная книга...» и сама стала предметом некоторых исследований⁸.

Во второй половине XIX в. активную работу по пропаганде русского оборонного зодчества в Сибири вели местные ГСК и научные общества. Так, в 60-е гг. XIX в. вышли работы краеведов И. Завалишина, Н. Абрамова, где приводились сведения о возведении каменного Тобольского кремля и отдельных острогов Западной Сибири⁹.

Примерно такой же археографический характер носили издания материалов по истории сибирских городов Иркутска, Нерчинска, Селенгинска, Якутска, вышедшие в 1883 и 1886 гг.¹⁰ Подборка и издание материалов были осуществлены на средства купца-промышленника из Иркутска И. Трапезникова. Актуальность проблем экономического освоения Сибири и Приамурья в 80-е гг. XIX в. заставляла издавать подобные материалы не только из одних благотворительных целей. В основном, данные материалы и были представлены документами социально-экономического и хозяйственного назначения конца XVI — начала XVIII в. Для данной работы интерес представляют уникальные сведения по устройству и вооружению деревянных крепостей, острогов и острожков Восточной Сибири и Забайкалья второй половины XVII — начала XVIII в. Эти материалы представляют из себя описания укреплений (росписные и горо-

довые списки) Иркутска, Селенгинска, Нерчинска, Якутска, а также Телембинского, Иргенского, Яравинского, Итацинского и пограничного Аргунского острогов Забайкалья. В 80-е гг. еще существовали остатки этих укреплений. Известно например, что в то время остатки укреплений Якутска, Братского и Бельского острогов и др. еще сохранялись. В опубликованных документах сообщались данные о размерах сооружений, что представляло ценность для археологов и архитекторов-реставраторов. Однако, и эти публикации были лишь малой частью того, что отложилось в архивах центральных и местных органов управления по вопросам оборонительного строительства в Сибири. И сегодня в этом аспекте далеко не полностью изучены и введены в научный оборот документы Баргузинской, Иркутской, Нерчинской, Якутской приказных изб, хранящиеся ныне в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)¹¹.

В XIX — начале XX в. появились серьезные публикации Енисейского, Иркутского и Забайкальского стат. комитетов, фрагментарно освещавшие и пропагандировавшие сохранившиеся памятники XVII в. в этом регионе¹². Особо интересны здесь были «Записки о церквах и башнях г. Илимска», изданные в 1888–1869 гг. в «Трудах» Иркутского ГСК. В фондах Гос. архива Иркутской области отложились документы местной УАК. По протоколам заседаний архивной комиссии и по делам об осмотре памятников старины в Приленском крае видно, что здесь проводилась большая работа по описанию и сохранению деревянных памятников зодчества. В то же время поднимается и обсуждается проблема сохранения и изучения деревянных сооружений Братского и Илимского острогов¹³.

Особого внимания заслуживает проблема сохранения деревянных сооружений Якутского острога, поднятая в конце XIX — начале XX в. сотрудником Московского археологического общества Н. В. Султановым. Эта проблема

и многие годы спустя волновала отечественных специалистов. В работе использовалось большое количество документальных и изобразительных материалов XVII–XVIII вв. и фотоматериалов¹⁴.

Накануне революционных событий тема деревянного зодчества в сибире была рассмотрена исследователем И. И. Серебренниковым. В 1915 г. вышла его книга «Памятники старинного зодчества в Иркутской губернии». В книге были представлены фотографии деревянных башен Илимского и Братского острогов.

На основе обзорных библиографических исследований И. И. Комаровой можно определить, что Казанский губернский статистический комитет начал в своих изданиях пропагандировать памятники средневековья уже в 70-е годы XIX в. Таковыми стали «Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии», вышедшие в 1874 г. и «Древности Казанской губернии» издания 1877 г. Здесь были приведены материалы о русской деревянной крепости Свияжске.

В 1889 г. членом Русского археологического общества В. В. Суловым были обследованы наиболее яркие фрагменты оборонительных укреплений Казанского кремля. Сулов сосредоточил внимание на главных башнях кремля — Спасской и Симбике, обмерил и сфотографировал их. Результаты его работы в виде научных выводов, фотографий и чертежей с размерами памятников были вскоре опубликованы. Сулов пришел к выводу, что в основе своей Симбике — сооружение русского национального зодчества XVI–XVII вв. Башни Симбике и Спасская судя по фотографиям 80-х гг. XIX в. во многом напоминают надстроенную Спасскую башню Московского Кремля¹⁵. В 1893–1894 гг. в издании «Памятных книжек» Казанским статистическим комитетом были опубликованы подробные сведения о Казанском кремле. Все это подготовило почву для реставрации

двух главных башен. Но работы эти из-за отсутствия средств и длительной переписки между МВД и Министерством финансов начались лишь в 1909 г.

В 1898 г. Нижегородская Археографическая комиссия опубликовала писцовые и переписные книги 1621–1622 гг. по Нижегородскому кремлю. Видимо, это было связано с ремонтом и музейным использованием Дмитровской башни кремля, проводимых под руководством сотрудника МАО Н. В. Султанова. В 1906 г. в Петербурге было издано известное ныне «Описание путешествия в Московию» А. Оллария, в котором воспроизведено несколько гравюр с видами Нижегородского кремля второй половины XVII в. Несколько документов XVII–XIX вв. было издано Нижегородской УАК; частично были изданы, а в большей части остались в рукописях материалы начатого той же УАК, но не законченного исследования подземных помещений кремля¹⁶. В городском архиве хранятся несколько планов кремля, составленных в конце XVIII в.

Памятники средневекового зодчества Владимиро-Суздальской земли держали в сфере своего научного внимания владимирские ГСК и УАК. Особенно велика была роль комитета, сотрудниками которого были специалисты-археологи и архитекторы Н. А. Артлебен, К. П. Тихонравов, И. А. Карабутов и С. Никольский, бывшие одновременно и корреспондентами МАО. По ходатайству и под эгидой комитета в 70-е гг. проводилась реставрация Золотых ворот города Владимира XII в.

В конце 60-х — начале 80-х гг. К. П. Тихонравовым и Н. А. Артлебенным были подготовлены и выпущены труды Владимирского губернского статистического комитета, его ежегодники и отдельные издания со множеством публикаций, посвященных памятникам оборонного зодчества и церковной архитектуре русского Ополя. Таковыми стали: «Указатель достопримечательностей г. Владимира» — из-

дание 1870 г.; «Золотые ворота — памятник гражданского зодчества XII в. во Владимире» — издание 1871 г.; «Описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1660)» — издание 1878 г.; «Владимирский кремль-город по описной книге 1726 г. и по плану 1769 г.» — издание 1880 г.

В начале XX в. памятники оборонного зодчества края стали пропагандироваться в изданиях — «Трудах владимирской Ученой архивной комиссии (ВУАК)». Так, в X томе «Трудов» ВУАК вышла работа П. В. Ильинского «О реставрации Золотых ворот в губернском городе Владимире» (издание 1909 г.). А затем в XIII томе — работа того же автора «К реставрации Золотых ворот» (издание 1911 г.). Публикации эти родились в связи с реставрацией памятников за счет местных средств.

Параллельно шла работа сотрудников костромской УАК по изучению и пропаганде памятников своего края. Комиссия публиковала периодическое издание «Костромская старина». Здесь наиболее интересными для настоящего исследования были работы О. Л. Моллера и И. В. Баженова. Первый автор опубликовал работу о историко-географическом положении города Галича и его средневековой крепости XV в. — оплота мятежного князя Дмитрия Шемяки. Второй автор опубликовал материал о истории Костромского кремля и судьбе его памятников¹⁷.

Немало потрудились в деле пропаганды героического прошлого своего края сотрудники ярославской УАК. В конце XIX в. в работе ЯУАК принял активное участие известный публицист и краевед И. Барщевский, который в составе группы специалистов обследовал средневековые памятники Ярославля. В 1900 г. в «Трудах» ЯУАК был опубликован его исторический очерк о Ярославле, где в главах «Рубленный город», «Земляной город», «Вооружение Ярославля» было использовано много источникового мате-

риала о военном прошлом города в эпоху Великой Смуты и в середине XVII в.

С особым подъемом местная научная общественность чествовала 300-летие памяти «пребывания в Ярославле народного ополчения» под руководством князя Д. М. Пожарского. 24 мая 1912 г. состоялось торжественное заседание УАК и общественности, где были заслушаны доклады членов Б. В. Штюмера, Э. Н. Берендтса и священника С. Соколова. В 1913 г. УАК издала краткий путеводитель по Ростову Великому, где приводились фотографии Ростовского кремля и рассказывалось о его восстановлении в 80-е гг. XIX в. местными подвижниками и МАО под руководством гр. А. С. Уварова¹⁸.

Губернские ГСК и УАК южных регионов России уделяли значительное внимание военно-оборонительной и пограничной истории — деревянным крепостям и засекам. Воронежский ГСК публиковал работы Л. Б. Вейнбергера, Е. Л. Маркова, Г. М. Веселовского, где были представлены исторические очерки и документальные материалы XVI–XVII вв., отражающие строительство южно-русских порубежных крепостей: Воронежа, Острогожска, Валук. Среди членов калужской УАК на эту тему публиковали свои работы А. А. Прозоровский, писавший о Лихвинской засеке XVI в., и П. Трейтер, издавший «Книгу о засечном строении. Восстановлении засечных укреплений на южных границах Русского государства 1688 г.»¹⁹. Члены рязанской УАК пропагандировали материалы о раскопках Старой Рязани, Ново-Ольговского городка XIII в. и рязанских засеках XVII в.²⁰ Тамбовская УАК публиковала материалы о Тамбовской и Козловской засеках, о постройке Усманьского острога и об отражении усманскими ратными людьми набега татар в середине XVII в. Тульская ученая архивная комиссия публиковала материалы по устройству Веневской засеки, по описанию крепостей Тулы и Крапивны. Член

Орловской УАК Г. Пясецкий посвятил свои работы изучению и публикации документов о сооружении крепостей Севска и Болхова в середине XVII в.

Из приведенного обзора видно, что научная общественность России во второй половине XIX в. развернула исследовательскую деятельность по изучению, реставрации, охране и пропаганде памятников средневекового оборонного зодчества. В этой деятельности широко использовались и публиковались документальные и иные источники по истории данных памятников. В результате работы научных обществ сложился комплекс научной документации, публикаций и фотоматериалов, которые сами стали источниковой базой для трудов современных исследователей.

В ходе проводимых исследований как центральными научными обществами, так и провинциальными губернскими обществами и комитетами сложилась определенная специализация. Центральные общества специализировались преимущественно на изучении и реставрации памятников оборонного зодчества, в то время как губернские занимались публикацией документов о памятниках, вели широкую пропаганду и предпринимали меры к их охране.

Еще более актуальной задачей является изучение материалов состояния средневековых памятников русского оборонного зодчества в 1920–1930-х гг.²¹ В этот период данные памятники активно исследовали и реставрировали члены целого ряда научных обществ, музеев и учреждений. В условиях нигилистического отношения к историческим памятникам, а подчас и под угрозой их уничтожения проводились обмеры, фотофиксация, поиски старых архивных текстовых материалов и чертежей. В 1920–1930-е гг. публикаторская деятельность научных обществ и учреждений почти замерла, лишь редкие работы затрагивали эту тему²², поэтому подавляющая часть источниковой базы по этой теме находится в архивах и еще не введена в научный

оборот. Существуют отдельные обзоры, позволяющие ориентироваться в этом массиве источников, разбросанных по различным архивам и рукописным отделам музеев и библиотек. Здесь следует отметить работы исследователя В. Ф. Козлова, сделавшего заметные шаги в этом направлении²³. Здесь следует указать на некоторые фонды, содержащие наиболее ценные материалы по рассматриваемым проблемам. В ЦМАМ хранится фонд Центральных Государственных Реставрационных мастерских (ЦГРМ) 1918–1934 гг., где содержатся уникальные документы по охране и реставрации крупнейших кремлей средневековья европейской части России. В них приведены сведения о разрушениях 1917 г. Московского Кремля и документы о его реставрации в 1918–1923 гг. В этом же фонде хранятся документы о Смоленском, Новгородском, Псковском кремлях и Шлиссельбургской крепости; материалы по охране и реставрации Нижегородского, Казанского, Коломенского, Зарайского, Тульского и Серпуховского кремлей. Документы эти представлены актами осмотра, архитектурными и техническими описаниями, технической документацией — проектами и сметами на ремонт и реставрацию. Здесь же находятся документы, отражающие трагические события и утраты — проекты и акты по разборке Китайгородских стен и башен XVI в. в Москве и современных ему белокаменных укреплений Серпуховского кремля.

В фонде сосредоточена значительная группа документов такого же характера по оборонительным памятникам крупнейших московских монастырей XVI–XVII вв.: Спасо-Андроникову, Новоспасскому, Симонову, Донскому, Новодевичьему, а также Саввино-Сторожевскому, Иосифо-Волоколамскому, Троице-Сергиеву монастырям Подмосковья и Спасо-Евфимьеву, Борисоглебскому, Кириллову-Белозерскому и Ростовскому кремлю — памятникам Русского Ополя и Севера. В фонде находятся документы, отражающие

утраты и разрушения московских монастырей, а также Высоцкого серпуховского монастыря. Особый интерес в хранящемся фонде вызывает группа документов, подробно отражающая утраты памятников Ярославля и городского Спасского монастыря в дни мятежа 1918 г. и в восстановительный период с 1918 по 1924 г. Фонд содержит документы по охране и музеефикации памятников деревянного оборонного зодчества Русского Севера и Сибири²⁴

Источниками по рассматриваемой теме служат и материалы архивных фондов Главмузея и Главнауки Наркомата просвещения в 20-е и 30-е гг., занимавшихся организацией охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры. Эти фонды хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)²⁵.

Представляют интерес и документы ОПИ ГИМ (Ф. 54), отражающие музейное строительство на территориях музеев-монастырей с 1918 г. Здесь хранятся материалы о музейном использовании и музеефикации оборонительных сооружений Донского, Симонова и Новодевичьего монастырей Москвы, а также Ново-Иерусалимского (Воскресенского), Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского и Саввино-Сторожевского музеев-монастырей Подмосковья. Материалы фонда содержат работы по проектированию и созданию экспозиций на памятниках архитектуры и оборонного зодчества, содержат конспекты и методические пособия для проведения экскурсий по истории памятников, освещают работы по обмерам, изучению и выявлению исторической роли памятников в данном регионе²⁶.

Определенную роль в изучении вопроса по восстановлению разрушенного гражданской войной кремля г. Ярославля и охрана памятников Русского Ополя сыграло ознакомление автора с материалами Ярославских областных реставрационных мастерских (ЯОРМ), хранящимися в

фондах Государственного архива Ярославской области (Ф. Р-1400, Р-1401)²⁷.

Нельзя не отметить и значение фотодокументов при изучении вопросов охраны и использования памятников оборонного зодчества. Большие по объему фотоколлекции находятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева. Здесь хранятся тысячи фотографий и негативов, сделанных в 1880–1930-х гг. сначала сотрудниками Московского Археологического общества, а затем и Центральных Государственных Реставрационных мастерских. Множество фотоматериалов по оборонительным сооружениям Русского Севера и Северо-Запада хранится в фототеке Санкт-Петербургского отделения Института археологии. В 1920–1930-е гг. это собрание было рабочим архивом Российской Академии истории материальной культуры. Кстати, в архиве Санкт-Петербургского отделения Института археологии находится большой документальный архив Академии, периодически занимавшейся исследованием и охраной средневековых крепостных сооружений.

Следует с удовлетворением отметить, что в государственных и ведомственных архивах сохранилась большая и малоизученная группа документов, отражающих состояние и историю оборонительных памятников русского средневековья. Все эти документы могут быть востребованы для работы в области конкретно-исторических исследований в области истории отечественной архитектуры.

¹ Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX века. Сб. док. М., 1978.

² Древности. Труды Московского императорского археологического общества. М., 1865–1916. Т. 1–33; Московское археологическое об-

- шество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915.
- ³ Историческая записка Московского архитектурного общества за первые 30 лет его существования 1867–1897. М., 1897.
- ⁴ Известия Русского императорского археологического общества. СПб., 1859–1884. Т. 1–10.
- ⁵ Известия императорской археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24; СПб., 1909, Вып. 32.
- ⁶ *Комарова И. И.* Предпроектные исследования в строительстве. М., 1988–1989; *она же.* Законодательство по охране памятников культуры. М., 1989; *Писарькова Л. Ф.* Издания губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Указатель содержания. Нью-Йорк, 1994–1995. Вып. 1–2; *Шведова О. И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. М., 1958.
- ⁷ *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.
- ⁸ *Оглоблин Н. И.* Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. СПб., 1891.
- ⁹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862; *Абрамов Н.* О старинных каменных строениях в Тобольске // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 45. С. 5–10.
- ¹⁰ Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886.
- ¹¹ ЦГАДА. Путеводитель. М., 1947. Ч. II. С. 17, 21, 22, 25, 33.
- ¹² Памятная книжка Енисейской губернии. СПб., 1866; Памятная книжка Забайкальской области. Иркутск, 1871.
- ¹³ Гос. архив Иркутской области. Путеводитель. Иркутск, 1975. Ф. 310. С. 66–67.
- ¹⁴ *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества Сибири. СПб., 1907.
- ¹⁵ *Суслов В. В.* Очерки истории древнего русского зодчества. Спб., 1889.
- ¹⁶ Писцовые и переписные книги XVII в. по Нижнему Новгороду. СПб., 1898; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 356, 357, 550; Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XVII. Вып. 3. 1914.

- 17 Костромская старина. Кострома, 1894. Вып. III. С. 51–94; *Баженов И. В.* Костромской кремль // Костромская старина. Кострома, 1905. Вып. IV.
- 18 Труды ярославской УАК. Ростов — Ярославль, 1900. Кн. III. Вып. 4. С. 22–27; Ярославль, 1914. Кн. VII. Вып. 2. С. 6–17. Краткий путеводитель по г. Ростову. Ярославль, 1913. С. 13, 14, 17.
- 19 Известия Калужской УАК. Калуга, 1897. Вып. 5; Калуга, 1898. Вып. 7–8.
- 20 *Селиванов А. В.* Старо-рязанские древности (описание фотоснимков). Рязань, 1890; *он же.* О раскопках Старой Рязани и в Ново-Ольговском городке. Рязань, 1890; *Сторожев В. Н.* Рязанские записки XVII в. Рязань, 1890.
- 21 Декреты и инструкции об охране памятников старины и искусства. Сб. док. М., 1924.
- 22 *Померанцев Н. Н.* Музеи-монастыри Московской губернии. М., 1929; *Удаленков А.* Работа комитета по охране и ремонту монументальных памятников // Музей. Пг., 1924. Вып II; *Левинсон Н. Р.* Охрана внемузейных памятников // Советский музей. М., 1936. № 6. Т. 2.
- 23 *Козлов В. Ф.* Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917–1930-е гг. (По материалам московских архивов и музеев) // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Сб. науч. трудов НИИ культуры. М., 1990. С. 40–54.
- 24 ЦМАМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 54, 75, 104–110, 111–113, 120, 127, 129, 398, 401, 403, 415, 419, 420, 422, 423, 432, 440, 441, 454, 455, 461, 503, 504.
- 25 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 13, 22, 77, 146; Оп. 28. Ч. I. Д. 1037, 1039, 1076; Ф. 2307. Оп. 3. Д. 3, 8, 10, 309, 326; Оп. 8. Д. 88, 220, 221, 223, 237–242; Оп. 9. Д. 90, 112; Оп. 10. Д. 148, 149, 179, 187, 212, 220; Оп. 11. Д. 12, 43.
- 26 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 829–832, 834, 838.
- 27 Гос. архив Ярославской обл. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 6, 7, 16, 17, 19, 26, 30, 31; Ф. 1400. Оп. 1. Д. 6–8, 13, 18, 24, 25, 31, 38, 53, 60, 64, 102, 103.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Г. А. Елисеев.</i> О влиянии апокрифов на взгляды и творчество книжника Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (XV в.)	8
<i>С. Ю. Шокарев.</i> Источники по истории некрополя Симонова монастыря	30
<i>М. Б. Булгаков.</i> Росписи кабацких долговых «напойных» денег первой половины XVII века	53
<i>С. Е. Яковлев.</i> Малоизвестные материалы о следствии по делу В. В. Фермора (1758–1759 гг.)	68
<i>А. С. Майорова.</i> Документы о Пугачевском восстании, хранящиеся в Саратовском областном архиве	99
<i>И. М. Гвоздикова.</i> Очерк по истории Пугачевского движения в сборнике А. Ф. Бюшинга (1784 г.) и его русские источники	120
<i>Н. П. Воскобойникова.</i> Обзор документальных материалов “Коллекции по истории московского водопровода” (1779–1814 гг.)	141
<i>О. И. Елисеева.</i> Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина времен Очакова (1787–1788 гг.)	168
<i>А. А. Александров.</i> Источниковая база исследования реформ начала XIX века: документы М. М. Сперанского в архивах Хельсинки	190
<i>Е. Ю. Тихонова.</i> Споры западников и славянофилов в русской журналистике 1840-х годов. (Обзор)	201

- В. А. Иванов* Источники для выяснения численности и состава служащих местных правительственных учреждений России в предреформенное время (1850-е годы) 239
- А. В. Работкевич.* Источники о государственной охране памятников истории и культуры в России в XIX — начале XX века (по материалам РГИИ) 261
- Д. М. Абрамов.* Источники по изучению истории средневековых памятников русского оборонного зодчества в XIX — начале XX века 272

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 07.07.98. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Заказ № 28
Тираж 250 экз. 18 п.л. 13,09 уч.-изд.л. Цена договорная.

ЛР № 020768 от 15.04.98.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19